КЛАССИКА ИЗ ДЕТЕКТИВА

Морис Леблан

АРСЕН ЛЮПЕН, ДЖЕНТЛЬМЕН-ГРАБИТЕЛЬ

«ИНОСТРАНКА»

Арсен Люпен, джентльмен-грабитель

Морис Леблан

Аннотация
Морис Леблан. Арсен Люпен, джентльмен-грабитель
Арест Арсена Люпена
Арсен Люпен в тюрьме
Побег Арсена Люпена
Таинственный пассажир
Ожерелье королевы
Семерка червей
Сейф мадам Эмбер
Черная жемчужина
Херлок Шолмс явился слишком поздно

Аннотация

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Кто же такой этот Арсен Люпен?

Арсен Люпен – неуловимый грабитель, о подвигах которого трубят все газеты, таинственный персонаж, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных. Арсен Люпен – человек с тысячью обличий. Поймать его невозможно, предсказать его следующий шаг – исключено.

В сборнике рассказов Леблана о приключениях Арсена Люпена произведения сопровождаются иллюстрациями французских художников из первых оригинальных изданий.

Морис Леблан
Арсен Люпен, джентльмен-грабитель

КЛАССИКА

ДЕТЕКТИВА

Maurice Leblanc
ARSÈNE LUPIN, GENTLEMAN CAMBRIOLEUR.
© М. Е. Тайманова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

* * *

Пьеру Лафиту[1]

Дорогой друг,
ты побудил меня ступить на путь, следовать по которому, как я полагал, мне вовсе не стоило, но я познал на нем столько радости и приятных сторон литературной жизни, что мне кажется справедливым поставить твое имя, предварив им этот первый том, и выразить тебе самую сердечную и неизменную благодарность.

М. Л.

[1] Notes: 1

Лафит Пьер (1872–1938) — первый издатель «Приключений Арсена Люпена». — *Здесь и далее, кроме отмеченных особо, примеч. перев.*

LE GRAND JOURNAL

Арест Арсена Люпена

Странное путешествие! А ведь так хорошо все начиналось! На моей памяти ни в одном плавании обстоятельства не складывались столь удачно. «Прованс» — быстроходное, комфортабельное трансатлантическое судно, ну а капитана обходительнее просто не сыскать. На борту собралось изысканнейшее общество. Завязывались знакомства, одно развлечение сменялось другим. Возникло восхитительное чувство, будто мы, словно на необитаемом острове, оторваны от всего мира и предоставлены самим себе, однако именно поэтому вынуждены ближе сойтись друг с другом.

И мы сошлись.

Случалось ли вам размышлять о том, сколь непредсказуемо и необычно может быть собрание людей, еще накануне не знавших друг друга, но которым в течение нескольких дней предстоит прожить в тесной близости — меж бескрайним небом и необъятной морской стихией — и вместе отражать нападки разъяренного океана, пугающий натиск волн, ярость шторма и

устрашающее спокойствие дремлющих вод?

По сути, это не что иное, как сама жизнь, сведенная к этому трагически короткому отрезку времени, жизнь с ее взлетами и падениями, с ее монотонностью и разнообразием, и, наверное, именно поэтому пассажиры с такой лихорадочной поспешностью и все возрастающим наслаждением смакуют это короткое путешествие, окончание которого ощутимо в самом его начале.

Но вот уже много лет происходит нечто, странным образом воздействующее на эмоции, переживаемые во время пути. Этот плавучий островок по-прежнему связан с тем миром, который, казалось бы, остался где-то позади. Существует какая-то связь, мало-помалу она рвется, едва удаляешься от берега, и затем так же мало-помалу возрождается. Беспроволочный телеграф! Зов иной вселенной, откуда таинственным образом долетают новости.

Воображение уже не способно представить металлические провода, внутри которых скользят невидимые глазу послания. Тайна эта настолько непостижима и поэтична, что объяснить это небывалое чудо можно, лишь уверившись, что новости долетают сюда на крыльях ветра.

Итак, в течение первых часов плавания нам казалось, что нас преследует, сопровождает и даже опережает далекий голос, время от времени шепча одному из нас слова, произнесенные на суше. Двое друзей поговорили со мной. Один или два десятка других послали нам всем, преодолев расстояние, грустные или радостные прощальные послания.

Впрочем, на вторые сутки в пятистах милях от берегов Франции в ненастный полдень беспроволочный телеграф передал депешу следующего содержания:

НА БОРТУ В ПЕРВОМ КЛАССЕ АРСЕН ЛЮПЕН, БЛОНДИН, РАНЕН В ПРАВОЕ ПРЕДПЛЕЧЬЕ, ПЛЫВЕТ ОДИН ПОД ИМЕНЕМ Р…

Именно в это мгновенье темное небо сотрясли сильнейшие раскаты грома, прервавшие течение электроволн. Окончание сообщения получено не было. Мы узнали лишь инициал имени, под которым скрывался Арсен Люпен.

Будь то любая другая новость, нет сомнения, что радисты, офицер-интендант и капитан корабля тщательно сохранили бы ее в секрете. Но подобные сообщения способны развязать языки даже самым молчаливым. В тот же день, непонятно каким образом, всем стало известно, что

среди нас скрывается знаменитый Арсен Люпен.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый грабитель, о подвигах которого уже много месяцев трубят все газеты! Таинственный персонаж, с которым старина Ганимар, лучший из полицейских, вступил в смертельный, захватывающий дух поединок! Арсен Люпен, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных, который однажды ночью проник к барону Шорману, но ушел оттуда с пустыми руками, оставив лишь визитную карточку с такой замысловатой припиской: «Арсен Люпен, джентльмен-грабитель, вернется в ваш дом, лишь когда в нем появится подлинная мебель». Арсен Люпен, человек с тысячью обличий: он предстает то шофером, то тенором, то букмекером, то сыном респектабельных родителей, то подростком, то старцем, то коммивояжером из Марселя, то русским врачом, то испанским тореадором!

Вы должны уяснить себе следующее: Арсен Люпен действует в достаточно ограниченном пространстве трансатлантического лайнера! В этом сравнительно небольшом пространстве, где пассажиры первого класса постоянно сталкиваются друг с другом в ресторане, кают-компании

или в курительной комнате! Возможно, вот этот господин и есть Арсен Люпен… или, может быть, вот тот… мой сосед по столу или по каюте…

— И это будет продолжаться еще пять раз по двадцать четыре часа! — воскликнула на второй день плавания мисс Нелли Андердаун. — Это просто невыносимо! Надеюсь, его арестуют.

И, обращаясь ко мне:

— Послушайте, месье Андрези, вы ведь на дружеской ноге с капитаном, неужели вы ничего не знаете?

Как бы мне хотелось хоть что-то знать, чтобы понравиться мисс Нелли! Она была одним из тех прелестных созданий, которые, где бы ни находились, сразу притягивают к себе все взоры… Их красота в придачу к богатству сражает наповал. Они окружены свитой, почитателями, поклонниками.

Ее воспитала в Париже мать-француженка, а теперь в сопровождении подруги, леди Джерланд, она направлялась в Чикаго к отцу, неслыханному богачу Андердауну.

Едва увидев мисс Нелли, я решил попытаться слегка приударить за ней. Но во время путешествия отношения развиваются быстро, и, познакомившись с ней ближе, я был покорен

ее шармом. Я так волновался каждый раз, когда ловил на себе взгляд ее огромных черных глаз, что не мог банально флиртовать с ней. Впрочем, она принимала знаки моего внимания с некоторым воодушевлением. Даже удостаивала смехом мои удачные шутки и выслушивала анекдоты. Казалось, она отвечала легкой симпатией на проявляемую мною горячность.

Опасения у меня вызывал лишь один соперник — довольно красивый, невозмутимый и элегантный молодой человек, иногда она явно предпочитала его сдержанный юмор моей парижской экспансивности.

Он как раз находился в числе воздыхателей, окружавших мисс Нелли, когда она обратилась ко мне с расспросами. Мы все удобно расположились на палубе в креслах-качалках. После вчерашней грозы небо очистилось. Стояла изумительная погода.

— Я ничего толком не знаю, мадемуазель, — ответил ей я, — но разве мы не сумеем провести собственное расследование столь же профессионально, как старина Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

— Ну что вы! Вы замахнулись слишком высоко!

— Почему же? Неужели это такая уж непосильная задача?

— Думаю, да.

— Вы просто не берете в расчет, что мы уже располагаем некоторыми частями головоломки.

— Какими же?

— Номер один. Люпен именует себя месье Р.

— Это весьма расплывчато.

— Номер два. Он путешествует один.

— Ну и эта подробность никак не проясняет дела.

— Номер три. Он блондин.

— И что дальше?

— А то, что нам остается просмотреть список пассажиров и действовать методом исключения.

Этот список лежал у меня в кармане. Я вынул его и пробежал глазами.

— Прежде всего должен заметить, что с инициалом, заслуживающим нашего внимания, на корабле всего тринадцать человек.

— Всего тринадцать?

— Да, в первом классе. Как легко убедиться, девятерых из этих тринадцати месье Р. сопровождают жены, дети и слуги. Остаются четверо путешествующих в одиночку: маркиз де Равердан…

— Это секретарь посольства, — перебила меня мисс Нелли, — я с ним знакома.

— Майор Расен…

— Это мой дядя, — заметил кто-то.

— Месье Риволта…

— Я здесь, — воскликнул итальянец из нашей компании, его лицо почти наполовину скрывала черная как смоль борода.

Мисс Нелли расхохоталась:

— Этого господина трудно назвать блондином.

— В таком случае, — продолжил я, — нам следует заключить, что преступник — последний в списке.

— То есть?

— То есть месье Розен. Кто-нибудь из вас знаком с месье Розеном?

Все молчали. Тогда мисс Нелли обратилась к молчаливому юноше, чье постоянное присутствие рядом с ней было для меня столь мучительно, и спросила:

— Месье Розен, почему вы не отвечаете?

Все взоры обратились к нему. Он был блондином.

Должен признаться, во мне что-то дрогнуло. А внезапная неловкая тишина наводила на мысль, что и остальные испытывали нечто по-

добное. Впрочем, это было нелепо — поведение этого господина не навлекало на него ни малейших подозрений.

— Почему я не отвечаю? — спросил он. — Да лишь потому, что я уже сам все проанализировал и, принимая во внимание мое имя, статус путешествующего в одиночку и цвет моих волос, сам пришел к аналогичному заключению, поэтому согласен — меня следует арестовать.

Выглядел он весьма странно. Его тонкие губы — две прямые черточки — еще больше сузились и побледнели. Белки глаз были испещрены красными прожилками.

Разумеется, он шутил. Однако его лицо и манера держаться производили сильное впечатление. Мисс Нелли простодушно спросила:

— Но раны-то у вас нет?

— Вы правы, — ответил он, — раны не хватает.

Порывистым жестом он приподнял рукав и обнажил руку. Но меня тут же осенила одна мысль. Я встретился глазами с мисс Нелли: он показал нам левую руку.

Честное слово, едва я собрался заявить об этом, как наше внимание отвлекла леди Джерланд, подруга мисс Нелли. Она бежала по палубе.

Выглядела она потрясенной. Мы сгрудились во-

круг нее, ценой неимоверных усилий ей удалось прошептать:

— Мои драгоценности, мой жемчуг!.. Всё украли!..

Нет, как мы узнали позже, украли далеко не всё; и, что еще более любопытно: был произведен тщательный отбор!

Из бриллиантовой звезды, из подвески с рубиновым кабошоном, из колье и браслетов вытащили отдельные камни, причем даже не самые крупные, а самой искусной огранки, самой большой ценности, те, которые стоили намного дороже, хотя были намного мельче. Оправы валялись тут же, на столе. Я увидел сразу, да и все это увидели — лишенные своих лучших камней, они напоминали цветы, утратившие самые красивые, яркие и разноцветные лепестки.

И чтобы проделать все это за тот час, пока леди Джерланд пила чай, вор должен был среди бела дня в людном коридоре взломать дверь ее каюты, отыскать мешочек, старательно спрятанный в шляпной картонке, развязать его и приступить к неторопливому отбору!

Мы ахнули в один голос. А когда о краже стало известно остальным пассажирам, никто даже не усомнился — это дело рук Арсена Люпена. Тут яв-

но чувствовался его почерк — все было запутано, таинственно и необъяснимо, хотя при этом весьма логично: трудно утаить груду драгоценностей, гораздо проще спрятать отдельные небольшие камни — жемчужины, изумруды и сапфиры.

За ужином стулья справа и слева от Розена пустовали. А позже мы узнали, что его вызывал к себе капитан.

Его арест, который все сочли справедливым, был встречен с облегчением. Теперь можно было спокойно дышать. В тот вечер мы решили слегка развлечься. Танцевали. Особенно бурно веселилась мисс Нелли, из чего я заключил, что если поначалу ухаживания Розена были ей приятны, то теперь она начисто о них забыла. Ее изящество окончательно покорило меня. Около полуночи при ясном свете луны я горячо признался ей в своих чувствах, что, кажется, не вызвало у нее недовольства.

Но назавтра, к общему нашему потрясению, нам объявили, что обвинения, предъявленные Розену, оказались ничем не подкрепленными и он освобожден.

Розен оказался сыном крупного негоцианта из Бордо и предъявил соответствующие документы. К тому же на его руках не нашли даже

следов ран.

— Документы! Свидетельство о рождении! — восклицали недруги Розена. — Так Арсен Люпен предъявит их в любом количестве! А что касается раны, значит, ее вообще не было… или он сумел уничтожить даже шрамы!

Им возражали, что в момент кражи Розен — тому нашлись свидетели — прогуливался по палубе. В ответ они протестовали:

— А разве человек масштаба Арсена Люпена, совершая ограбление, должен при нем присутствовать?

Но если не принимать во внимание эти неубедительные доводы, все же существовало одно обстоятельство, против которого не могли возражать даже самые заядлые скептики: только Розен путешествовал в одиночестве, был блондином, а фамилия его начиналась на Р. О ком, кроме него, могла идти речь в телеграмме?

И когда за несколько минут до обеда Розен отважно направился в сторону нашей компании, мисс Нелли и леди Джерланд поднялись и гордо удалились.

Они попросту испугались.

Час спустя среди членов команды и пассажиров всех классов по рукам стал ходить рукописный

документ: месье Луи Розен готов выплатить десять тысяч франков тому, кто разоблачит Арсена Люпена или обнаружит вора, укравшего драгоценности.

— И если никто не поможет мне бороться с этим бандитом, — заявил Розен капитану, — я расправлюсь с ним сам.

Розен против Арсена Люпена или, вернее, как кто-то сострил, Арсен Люпен против Арсена Люпена… Да, поединок обещал быть интересным!

Он продолжался в течение двух дней. Мы наблюдали, как Розен бродит то там, то тут, вертится среди членов команды, задает вопросы, вынюхивает. Даже ночью он, как тень, слонялся по кораблю.

Капитан, со своей стороны, тоже развил бурную деятельность. «Прованс» обыскали сверху донизу, осмотрели каждый уголок. Под предлогом того, что драгоценности могут быть спрятаны где угодно, только не в каюте подозреваемого, обшарили все каюты, без исключения.

— А в результате что-то непременно найдут, ведь правда? — спросила меня мисс Нелли. — Каким бы магом он ни был, он все равно не сможет сделать жемчуг и бриллианты невидимыми.

— Конечно сможет! — возразил я. — Просто

тогда придется отпороть подкладки наших шляп и сюртуков и ощупать всю одежду.

Я показал ей свой фотографический аппарат «Кодак 9 × 12», которым непрерывно снимал ее в самых разнообразных позах:

— Взять хотя бы аппарат такого же размера. Вы полагаете, что в нем не хватит места спрятать все драгоценные камни леди Джерланд? Достаточно делать вид, что фотографируешь, и все пройдет как по маслу.

— А все же я слышала, что нет такого вора, который не оставит после себя хоть малейшую улику.

— Почему же, есть. Это Арсен Люпен.

— Но как ему это удается?

— Как удается? Он продумывает не только план предстоящего ограбления, но и предвидит все обстоятельства, которые могли бы выдать его.

— Вначале вы были более оптимистичны.

— Но с тех пор я увидел его в действии.

— И что же вы думаете?

— Я думаю, мы понапрасну теряем время.

Я оказался прав, расследование не принесло никаких результатов, или, во всяком случае, эти результаты никак не способствовали раскрытию преступления — у капитана украли часы.

Он пришел в ярость и удвоил свой пыл — стал еще неотступнее следить за Розеном и несколько раз вызывал его к себе на разговор. Назавтра, как это ни забавно, часы нашлись под стопкой накладных воротничков старшего помощника капитана.

Все это выглядело как чудо и явственно свидетельствовало о чувстве юмора Арсена Люпена, причем не просто грабителя, но и страстного приверженца своего ремесла. Он действовал не только по призванию и влечению, но и забавы ради. Он производил впечатление человека, который развлекается, присутствуя на представлении собственной пьесы: стоя за кулисами, хохочет во все горло над собственными остроумными шутками и им же придуманными поворотами сюжета.

Несомненно, это был своего рода лицедей. Я наблюдал за мрачным и непреклонным Розеном и размышлял о двойной роли, которую, бесспорно, играл этот любопытный персонаж, а когда говорил о нем, то не мог сдержать своего восхищения.

Но в предпоследнюю ночь вахтенный офицер услышал какие-то стоны, доносившиеся из самого темного уголка палубы. Он подошел. Там

лежал человек, голова и лицо у него были замотаны толстым серым шарфом, запястья связаны тонкой веревкой.

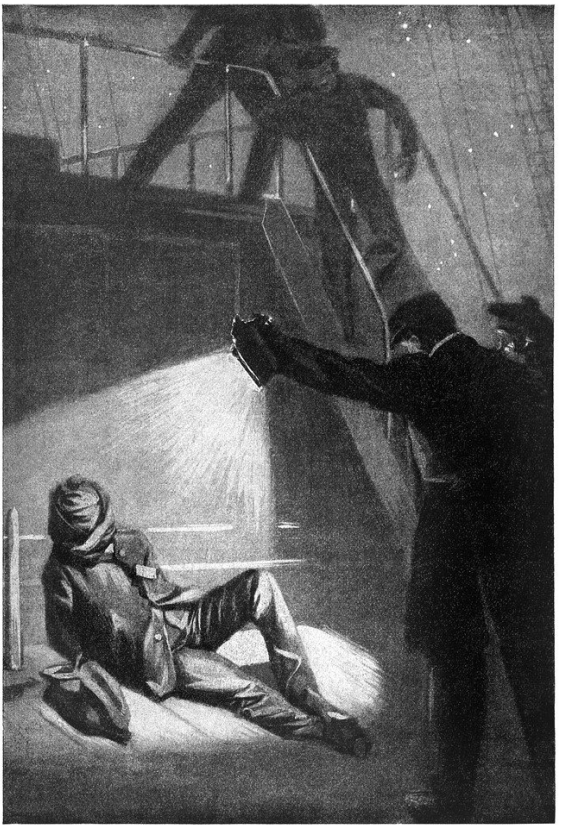
Его освободили, помогли подняться, оказали помощь.

Это был месье Розен.

Да, это был Розен, на него напали во время одной из его вылазок, сбили с ног и обокрали. На визитной карточке, прикрепленной булавкой к его одежде, было написано: «Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков от месье Розена».

На самом деле, в похищенном бумажнике лежало двадцать тысячефранковых купюр.

Разумеется, несчастного обвинили в том, что он сам инсценировал это нападение. Но помимо того обстоятельства, что невозможно связать себя самого подобным образом, было установлено, что почерк на карточке полностью отличается от почерка Розена, но в точности совпадает с почерком Арсена Люпена на фотографии, напечатанной в старой газете, найденной на борту.



Таким образом, Розен перестал быть Арсеном Люпеном. Розен был Розеном, сыном торговца из Бордо! Но присутствие Арсена Люпена на корабле подтвердилось в очередной раз, причем таким вот страшным образом!

Всех охватил ужас. Пассажиры боялись оставаться одни в своих каютах, а уж тем более не осмеливались гулять в одиночестве в отдаленных частях корабля. Из предосторожности люди, доверявшие друг другу, объединялись в группы. Но даже самые близкие скорее подсознательно вели себя как-то настороженно. Ведь человек, от которого исходила угроза, не был изолирован от остальных, не был заключен под стражу и поэтому не переставал быть опасным. Отныне… Арсеном Люпеном мог оказаться любой. Наше воспаленное воображение приписывало ему сверхъестественную, безграничную силу. Мы считали, что он способен принять любое, самое неожиданное обличье, представать то респектабельным майором Расеном, то благородным маркизом де Раверданом, или же, если не принимать во внимание обличительный инициал «Р», он мог быть то тем, то другим хорошо знакомым всем нам господином, даже имеющим супругу, детей и слуг.

Первые депеши, доставленные по беспроволочному телеграфу, не принесли никаких новостей. Во всяком случае, капитан не счел нужным поделиться с нами их содержанием, и подобное молчание отнюдь не добавляло нам спокойствия.

Последние сутки тянулись бесконечно. Все жили в тревожном ожидании какого-то несчастья. И на сей раз произойдет не просто ограбление или банальное нападение, это будет настоящее преступление, убийство. Мы не могли поверить, что Арсен Люпен ограничится двумя пустячными кражами. Он превратился в подлинного хозяина корабля, где ему было позволено все, а команда потеряла всякую власть: теперь ему оставалось лишь захотеть, ибо он распоряжался и нашим имуществом, и нашими жизнями.

Должен признаться, что я провел сладостные часы, поскольку они помогли мне завоевать доверие мисс Нелли. Любознательная по натуре, она была под таким впечатлением от случившегося, что инстинктивно искала защиту и безопасность в моем обществе, которое я с радостью ей предоставил.

В глубине души я благословлял Арсена Люпена. Ведь именно он сблизил нас. Разве не ему я был

обязан тем, что мог предаться самым дивным грезам? Грезам романтическим и грезам не столь возвышенным, к чему скрывать? Поколения Андрези ведут свой род из Пуату[2], но их семейный герб слегка поблек, и я не усматриваю ничего зазорного в помыслах джентльмена вернуть ему былое великолепие.

К тому же я чувствовал, что мои грезы отнюдь не смущают мисс Нелли. Ее веселые глаза словно поощряли меня, а нежный голосок давал надежду.

И вот, вплоть до последней минуты, мы льнули друг к другу, облокотившись на фальшборт, а расплывчатая линия американского берега становилась все ближе.

Обыски были прекращены. Все ждали. Пассажиры и первого класса, и нижней палубы, где теснились эмигранты, ждали той торжественной минуты, когда будет решена неразрешимая загадка. Кто из нас знаменитый Арсен Люпен? Под чьим именем, под каким обличьем он скрывается?

И вот настала эта великая минута. До конца своей жизни я буду помнить ее во всех мельчай-

---

[2] Notes: 2
Пуату — историческая область на западе Франции.

ших подробностях.

— Как вы бледны, мисс Нелли, — обратился я к спутнице, опиравшейся на мою руку и, казалось, готовой вот-вот упасть в обморок.

— Но и вы переменились в лице! — ответила мне она.

— Подумать только! Нас ждут такие захватывающие мгновенья, и я счастлив, что испытаю эти эмоции подле вас, мисс Нелли. Мне кажется, что эти воспоминания тоже не изгладятся у вас из памяти…

Она слушала меня, взволнованная, с трудом переводя дыхание. Спустили трап. Но прежде чем нам было позволено ступить на него, на борт поднялись таможенники, люди в форме, носильщики.

Мисс Нелли прошептала:

— Я не удивлюсь, если Арсен Люпен сбежал с корабля во время плавания.

— Возможно, он предпочел смерть бесчестью и бросился в Атлантический океан, чтобы избежать ареста.

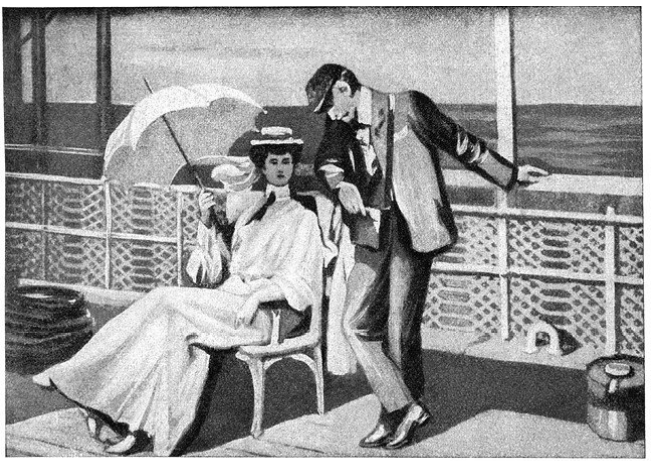
— Перестаньте шутить, — ответила она с раздражением.

Внезапно я вздрогнул, она спросила, в чем дело, и я ответил:

— Видите того пожилого невысокого господина, который стоит у нижней ступеньки трапа?

— С зонтиком и в сюртуке оливкового цвета?

— Это Ганимар.



— Ганимар?

— Да, тот самый знаменитый полицейский, который поклялся, что самолично арестует Ар-

сена Люпена. Теперь ясно, почему на корабль не поступало никаких сведений с земли. В расследование вмешался Ганимар, а он не любит, когда суют нос в его дела.

— Значит, Арсена Люпена наверняка схватят?

— Как знать? Похоже, Ганимар видел его только в гриме и переодетым. Разве что ему известен его псевдоним…

— Да, — сказала она с безжалостным любопытством, присущим женщинам, — как бы я хотела присутствовать при его аресте!

— Подождем. Арсен Люпен уже наверняка заметил своего противника. Он постарается выйти в числе последних, когда старик устанет и его взгляд потеряет проницательность.

Пассажиры начали сходить на берег. Ганимар стоял с равнодушным видом, опершись на зонт, и, казалось, не обращал никакого внимания на толпу, хлынувшую по трапу, огражденному перилами. Я заметил, что один из членов команды стоит у него за спиной и время от времени что-то ему сообщает.

Мимо него прошли маркиз де Равердан, майор Расен, итальянец Риволта и многие-многие другие… Я увидел, как к нему приближается Розен.

Бедняга Розен! Казалось, он так и не оправился

от своих злоключений!

— Все-таки это, наверное, он, — сказала мне мисс Нелли. — Как вы думаете?

— Я думаю, было бы забавно сфотографировать Ганимара и Розена вместе. Возьмите мой фотоаппарат, у меня заняты руки.

Я передал ей фотоаппарат, но было поздно. Офицер нагнулся, шепча что-то на ухо Ганимару, тот слегка пожал плечами, и Розен прошел мимо него.

Господи, но кто же тогда Арсен Люпен?

— Да, — произнесла она вслух, — кто же он?

На борту оставалось лишь два десятка пассажиров. Она по очереди оглядела их, смутно опасаясь, что *он* не входит в число этих двадцати.

Я сказал:

— Мы не можем ждать дольше.

Она двинулась вперед. Я следом. Но не прошли мы и нескольких шагов, как Ганимар преградил нам путь.

— В чем дело? — воскликнул я.

— Минутку, месье. Вы очень спешите?

— Я сопровождаю даму.

— Минутку, — повторил он более настойчиво.

Он пристально вглядывался в меня, потом сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Арсен Люпен, не так ли?

Я рассмеялся:

— Нет, всего-навсего Бернар Андрези.

— Бернар Андрези умер три года назад в Македонии.

— Если бы Бернар Андрези умер, я отошел бы вместе с ним в мир иной. А я, как видите, жив. Вот мои документы.

— Они принадлежат ему. А вот как они попали к вам, я с удовольствием от вас узнаю.

— Вы просто с ума сошли! Арсен Люпен плыл на пароходе под именем Р.

— Очередной трюк с вашей стороны, ложный след, по которому вы всех пустили. Да, милейший, вы крепкий орешек, но на сей раз удача вам изменила. Послушайте, Люпен, покажите, что умеете достойно проигрывать.

Я мгновенье колебался. Он сильно ударил меня по правой руке. Я закричал от боли. Он задел еще не зажившую рану, о которой говорилось в телеграмме.

Ну что ж, приходилось смириться. Я повернулся к мисс Нелли. Она слушала наш разговор мертвенно-бледная, казалось, она вот-вот лишится чувств.

Наши взгляды встретились. Потом она взгляну-

ла на фотоаппарат, который я передал ей, сделала резкий жест, и мне показалось, нет, я совершенно уверен, что внезапно она все поняла. Да, они лежали там, в узком отделении футляра из черной шагреневой кожи, который я предусмотрительно отдал ей до того, как Ганимар арестует меня, — именно там были спрятаны двадцать тысяч Розена и жемчуг и бриллианты мисс Джерланд.

Клянусь, что в тот момент, когда Ганимар и двое его подручных меня окружали, меня совершенно не волновал ни мой арест, ни враждебность остального мира — нет, я с нетерпением ждал, какое решение примет мисс Нелли, как поступит с вверенным ей предметом.

Я ничуть не сомневался, что это материальное и решающее доказательство будет обращено против меня, но неужели оно попадет к ним из рук мисс Нелли?

Предаст ли она меня? Погубит ли? Поступит ли как враг, неспособный к прощению? Или как женщина, которая ради воспоминаний позволит, чтобы в ее душе боролись презрение, сострадание и невольная симпатия?

Она прошла мимо, я поклонился, не произнеся ни слова. Она смешалась с оставшимися пассажирами и двинулась по трапу, держа в руке мой

фотоаппарат.

Разумеется, подумал я, она не решается действовать прилюдно. Но через час, а может быть, через минуту она передаст его им.

Но, дойдя до середины трапа, она сделала вид, что оступилась, и выронила фотоаппарат в воду — между стеной причала и бортом корабля.

Потом я увидел, что она уходит.

Ее изящный силуэт исчез в толпе, снова мелькнул и пропал. Все было кончено, навсегда.

Какое-то мгновенье я стоял неподвижно, испытывая одновременно нежность и грусть, потом вздохнул и произнес, к огромному удивлению Ганимара:

— Как, однако, жаль, что нельзя быть честным человеком.

Вот так одним зимним вечером Арсен Люпен поведал мне историю своего ареста. Благодаря случайным обстоятельствам, о которых я расскажу позднее, между нами установилась некая связь, а возможно, я даже позволю себе сказать — дружба? Да, я осмеливаюсь верить в то, что Арсен Люпен удостоил меня своим дружеским расположением и что именно из дружеских чувств он иногда заглядывает ко мне без предупреждения, привнося в тишину моего кабинета свой моло-

дой задор, отзвуки полной приключений жизни, тонкий юмор, присущий тем, кому судьба дарует лишь милости и улыбки.

Как он выглядит? Но как я могу описать его? Я видел его не меньше двух десятков раз, но всякий раз предо мной представал совершенно иной человек… или тот же самый, но отраженный в двух десятках разных зеркал, каждое из которых воспроизводит искаженный образ: совсем другие глаза, другая осанка, другие жесты, другой силуэт, другой характер.

— Да я и сам, — как-то сказал он мне, — уже не знаю, каков я на самом деле. Я больше не узнаю себя в зеркале.

Это звучит нелепо и парадоксально, но справедливо по отношению к тем, кто встречал его и не принимал во внимание тот огромный арсенал, которым он располагает, его терпение, умение гримироваться, невероятную способность к полному перевоплощению, вплоть до изменения черт лица и его симметрии.

— Почему же, — добавлял он, — я должен иметь какую-то неизменную внешность? К чему подвергаться опасности и выглядеть всегда одинаково? Меня определяют мои поступки.

А затем не без гордости уточнял:

— Тем лучше, если никто никогда не может с уверенностью утверждать: вот Арсен Люпен. Главное, чтобы могли безошибочно заявить: это совершил Арсен Люпен.

Я попытался воскресить здесь некоторые его поступки и приключения, которыми он любезно и чистосердечно делился со мной зимними вечерами в тиши моего кабинета…

Арсен Люпен в тюрьме

Нет туриста, достойного этого звания, кому незнакомы берега Сены, а когда он путешествует по ним — от развалин Жюмьежа[3] к развалинам Сен-Вандрий[4], — то не может обойти вниманием странный маленький средневековый замок Малаки'[5], гордо высящийся на утесе посреди реки. Арка моста соединяет его с дорогой. Основание темных башен сливается с гранитной опорой — огромной глыбой, отделившейся от неведомо какой горы и брошенной сюда чудовищным содроганием земли. Тихие воды великой реки, окружающей замок, плещутся среди камышей, а на мокрых, острых камнях трепещут трясогузки.

История замка Малаки столь же зловеща, как

---

[3] Notes: 3

Жюмьеж — аббатство Святого Петра, было основано в 654 г. вблизи нормандского селения Жюмьеж. В ходе Великой французской революции аббатство было национализировано, а позже разрушено.

[4] Notes: 4

Сен-Вандрий — бенедиктинский монастырь, основанный в VII в., строился постепенно в течение XIII–XVII вв.

[5] Notes: 5

Малаки — замок в Нормандии, построен в IX в., разрушен в XVIII в. Гравюр с видами замка не сохранилось, Морис Леблан реконструировал его в своем воображении.

и звучание его имени[6], столь же причудлива, как его очертания. Ее знаменуют лишь сражения, осады, штурмы, разграбления и побоища. По вечерам местные жители, содрогаясь от ужаса, воскрешают в памяти совершенные здесь чудовищные злодеяния. Пересказывают таинственные легенды. Упоминают знаменитый подземный ход, который вел прямо к аббатству Жюмьеж и к поместью Аньес Сорель, возлюбленной Карла VII[7].

В этом старинном прибежище героев и разбойников ныне обитает барон Натан Каорн, барон Сатана, как до недавнего времени величали его на бирже, где он подозрительно быстро разбогател. Чтобы не умереть с голоду, разорившиеся сеньоры Малаки были вынуждены продать ему жилище своих предков. Барон разместил в нем свои великолепные коллекции мебели и картин, фарфора и деревянной скульптуры. В замке он жил один с тремя слугами. Никто никогда не бывал там. Никому еще не довелось созерцать

---

[6] Notes: 6

Malaquis (фр.) звучит так же, как сочетание «mal acquis» — завоеванный нечестным путем, неправедно добытый.

[7] Notes: 7

Карл VII (1403–1461) — французский король (с 1422 г.) из династии Валуа. — *Примеч. ред.*

среди старинного убранства залов принадлежавшие барону три полотна Рубенса, две картины Ватто, кафедру работы Жана Гужона и множество других сокровищ, отвоеванных у богатейших завсегдатаев аукционов с помощью банковых билетов.

Барон Сатана жил в страхе. Он боялся не за себя, а за свое драгоценное собрание, которое приумножал с такой упорной страстью и проницательностью любителя, что даже самые прожженные торговцы не могли похвастаться, что им удалось провести его. Он любил свои безделушки. Неистово, как скупец; ревностно, как любовник.

Каждый день на закате солнца все четверо обитых железом ворот, закрывающих с обоих концов въездной мост и вход в главный двор, запирались на засовы. От малейшего сотрясения в тишине начинали звенеть электрические звонки. Со стороны Сены опасаться было нечего — скала здесь совершенно отвесная.

Однако в сентябре, в пятницу, у ворот, как обычно, появился почтальон. И, как было заведено, сам барон приоткрыл тяжелую створку.

Он оглядел почтальона с ног до головы, словно ни разу за долгие годы не видел это добродушное,

веселое лицо и лукавые крестьянские глаза, а тот сказал с усмешкой:

— Так это ж снова я, господин барон, неужто вы думаете, что кто-то другой нацепил мою рубашку и кепку?

— Как знать… — пробормотал Каорн.

Почтальон вручил ему стопку газет. Потом добавил:

— А теперь, господин барон, для вас сюрприз.

— Сюрприз?

— Письмо… к тому же заказное.

Живя в полном одиночестве, не имея ни друзей, ни связей с внешним миром, барон никогда не получал писем, поэтому тут же решил, что это дурное и достаточно тревожное предзнаменование. Кто этот таинственный корреспондент, нарушивший его уединение?

— Нужно расписаться, господин барон.

Он расписался, недовольно бурча. Потом взял письмо, подождал, пока почтальон скроется за поворотом дороги, потоптался, оперся о перила моста и вскрыл конверт. В нем лежал листок бумаги в клеточку, наверху, на месте шапки, было приписано от руки: тюрьма Санте, Париж. Он взглянул на подпись: *Арсен Люпен*. Совершенно потрясенный, он прочел:

Господин барон!

В Вашей галерее, соединяющей два зала, висит превосходное полотно Филиппа де Шампеня, которое чрезвычайно мне нравится. Ваши Рубенсы тоже в моем вкусе, как и самый маленький Ватто. В зале справа я бы отметил сервант в стиле Людовика XIII, гобелены Бове[8], *круглый столик в стиле ампир работы Жакоба и сундук эпохи Ренессанса. В зале слева очень хороша вся витрина драгоценностей и миниатюр.*

На сей раз я ограничусь названными выше предметами, сбыть которые, как я полагаю, не составит труда. Прошу Вас тщательно запаковать их и отправить на мое имя (с оплаченной доставкой) на вокзал Батиньоль в течение недели... В противном случае мне придется самому осуществить их перевозку в ночь со среды 27-го на четверг 28 сентября. И тогда будет совершенно справедливо, если я не ограничусь вышеперечисленными предметами.

---

[8] Notes: 8

Бове — город на севере Франции, который в XVII–XVIII вв. был знаменит своими гобеленами. — *Примеч. ред.*

Прошу меня простить за доставленное беспокойство и принять уверения в совершеннейшем моем почтении.

Арсен Люпен.

P. S. Прошу не посылать самую большую картину Ватто. Хотя на аукционе Вы заплатили за нее тридцать тысяч франков, это всего лишь копия, оригинал сгорел в эпоху Директории по оплошности Барраса[9] во время пьяной оргии. Обратитесь к неизданным «Мемуарам» Гара[10].

Я также не претендую на поясную цепь периода Людовика XV, ее подлинность вызывает у меня сомнение.

Письмо привело барона Каорна в полное смятение. Оно бы в любом случае встревожило его, даже будь оно подписано кем-то другим. Но самим Арсеном Люпеном!

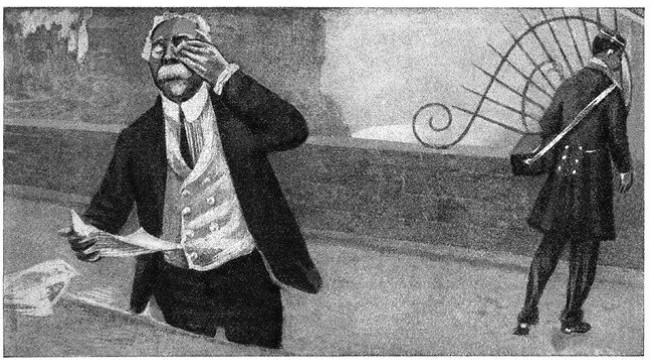
---

[9] Notes: 9

Баррас Поль Франсуа Жан Никола (1755–1829) — видный политический деятель периода Великой французской революции.

[10] Notes: 10

Гара Доминик Жозеф (1749–1833) — министр внутренних дел и министр юстиции Франции.



Барон внимательно читал газеты, поэтому был прекрасно осведомлен обо всех произошедших кражах и преступлениях и хорошо знал подвиги этого грабителя — настоящего исчадия ада. Разумеется, ему также было доподлинно известно, что Люпен, задержанный в Америке своим давним противником Ганимаром, сейчас содержится в тюрьме, и с огромным трудом против него возбуждено судебное дело.

Но барон также прекрасно понимал, что от

Люпена можно ожидать чего угодно. Откуда эта прекрасная осведомленность о планировке замка, о расположении картин и мебели? Это внушало страх. Кто мог сообщить ему об этом, если никто никогда и в глаза не видел сокровищ барона?

Он поднял глаза и долго созерцал грозный силуэт замка Малаки, его крутой пьедестал, омывающие его глубокие воды, потом пожал плечами. Нет, ему решительно нечего опасаться. Ни один человек на свете не сможет проникнуть в неприступное святилище, где хранится его коллекция.

Да, ни один, но если это Арсен Люпен? Разве для него существуют двери, подъемные мосты, крепостные стены? К чему самые хитроумные преграды, самые искусные ухищрения, если Арсен Люпен решил добиться своего?

В тот же вечер барон написал письмо прокурору при суде первой инстанции в Руане. Он приложил письмо Люпена с угрозами и потребовал помощи и защиты.

Ответ не заставил себя ждать: упомянутый Арсен Люпен в настоящее время содержится в тюрьме Санте под усиленной охраной и не имеет права вести переписку. Нет сомнений в том, что

письмо написано каким-то мистификатором. Об этом свидетельствуют и логика, и здравый смысл, не говоря уже об очевидных фактах. Однако, желая полностью удостовериться в вышесказанном, письмо подвергли экспертизе графолога. Тот заявил, что, несмотря на некоторое сходство, почерк все же не принадлежит узнику.

«Несмотря на некоторое сходство» — барон запомнил только эти устрашающие слова, в которых усматривал проявление своего рода сомнения, — этого было бы вполне достаточно, чтобы потребовать вмешательства представителей правосудия. Его опасения усиливались. Он то и дело перечитывал письмо: «…мне придется самому осуществить их перевозку в ночь со среды 27-го на четверг 28 сентября…» Терзаемый подозрениями, барон не смел довериться слугам, преданность которых не казалась ему бесспорной. Но впервые за долгие годы он почувствовал потребность выговориться, посоветоваться с кем-то. Не дождавшись помощи от государственного правосудия, он понимал, что может защитить себя лишь собственными силами, и уже был готов отправиться в Париж взывать к услугам какого-нибудь отставного полицейского.

Прошло два дня. На третий, просматривая га-

зеты, он вздрогнул от радости. Газета «Ревей де Кодбек» опубликовала следующую заметку:

> Мы счастливы сообщить, что в нашем городе вот уже три недели гостит главный инспектор Ганимар, один из ветеранов сыскной полиции. Господин Ганимар, которому его последний подвиг – арест Арсена Люпена – принес европейское признание, отдыхает от неусыпных трудов, занимаясь ловлей пескарей и уклеек.

Ганимар! Вот какого помощника искал барон Каорн! Кто лучше хитроумного и дотошного Ганимара сможет сорвать планы Люпена?

Барон больше не колебался. От замка до городка Кодбек всего шесть километров. Он преодолел их легкой походкой человека, полного надежд на спасение.

После нескольких неудачных попыток выяснить адрес главного инспектора он направился в редакцию газеты, расположенную в центре набережной. Он нашел там автора заметки, который воскликнул, подойдя к окну:

— Ганимар? Да вы наверняка встретите его на набережной с удочкой в руке. Именно там мы с

ним и познакомились, а я случайно прочел его имя, выгравированное на удилище. Видите того старичка за деревьями бульвара?

— В сюртуке и соломенной шляпе?

— Именно. Да, странный тип, мрачный и неразговорчивый.

Пять минут спустя барон уже подходил к знаменитому Ганимару, представился и попытался завязать разговор. Поскольку ему это не удалось, он прямиком перешел к делу и изложил свой случай.

Тот слушал, не шелохнувшись, не спуская глаз с удочки, затем повернул голову к барону, смерил его с ног до головы взглядом, выражавшим глубокую жалость, и произнес:

— Месье, как правило, людей не предупреждают, что их собираются обокрасть. А уж в особенности Арсен Люпен не допустит такой промах.

— И все же…

— Месье, если бы у меня возникло хоть малейшее сомнение, то, уж поверьте, удовольствие поучаствовать в этой истории взяло бы верх над любыми соображениями. Но, увы, этот молодой человек пребывает за решеткой.

— А если он сбежит?

— Из Санте не сбегают.

— Но он…

— Ни он, ни кто-то другой.

— И все же…

— Хорошо, если он сбежит, тем лучше, я снова его прищучу. А пока — спите спокойно и перестаньте распугивать моих уклеек.

Разговор был окончен. Барон вернулся в замок, слегка успокоенный беззаботностью Ганимара. Он проверил все запоры, неотступно следил за слугами, и прошло еще сорок восемь часов, когда он почти убедил себя, что в конечном итоге все его страхи надуманны. Разумеется, как точно заметил Ганимар, людей не ставят в известность, что их собираются обокрасть.

Приближался назначенный день. Утром во вторник, накануне 27 сентября, все было тихо. Но в три часа дня в замок позвонил мальчишка. Он принес телеграмму:

ПОСЫЛКИ НА ВОКЗАЛЕ БАТИНЬОЛЬ НЕ ОБНАРУЖЕНО. ПОДГОТОВЬТЕ ВСЕ К ЗАВТРАШНЕМУ ВЕЧЕРУ. АРСЕН.

Снова он испытал такой ужас, что уже начал сомневаться — не уступить ли требованиям Арсена Люпена?

Он бросился в Кодбек. Ганимар ловил рыбу на том же месте, сидя на складном стульчике. Он

молча протянул ему телеграмму.

— И что с того? — произнес инспектор.

— Что с того? Но это уже завтра.

— Что завтра?

— Ограбление, кража моей коллекции!

Ганимар отложил удочку, повернулся к нему, скрестив на груди руки, и с раздражением воскликнул:

— Вы что, воображаете, что я займусь таким дурацким делом?

— Какое вознаграждение вы потребуете, чтобы провести ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое сентября в моем замке?

— Ни единого су. Оставьте меня в покое.

— Назовите цену, я богат, я очень богат.

Неожиданность предложения поколебала Ганимара, и он продолжал уже спокойнее:

— Я здесь на отдыхе и не имею права вмешиваться…

— Никто не узнает. Обязуюсь, что бы ни случилось, хранить молчание.

— Ну так ничего и не случится.

— Скажем, три тысячи франков вас устроит?

Инспектор втянул понюшку табака, подумал и произнес:

— Будь по-вашему. Но я должен вас честно пре-

дупредить: вы швыряете деньги на ветер.

— Мне безразлично.

— В таком случае… И в конце концов, кто знает, что вытворит этот чертов Люпен? В его распоряжении наверняка целая шайка… Вы уверены в своих слугах?

— Честно говоря…

— Тогда не будем на них рассчитывать. Я предупрежу телеграммой двух моих приятелей — крепких парней, с ними будет надежнее… А теперь быстро уходите, нас не должны видеть вместе. Увидимся завтра вечером около девяти.

Назавтра, в день, назначенный Арсеном Люпеном, барон Каорн снял висевшее на стене ружье и вышел на тропу войны, вернее, стал прогуливаться поблизости от замка Малаки. Он не заметил ничего необычного.

Вечером, в половине девятого, он отослал слуг. Те жили во флигеле со стороны фасада, выходящего на дорогу, но в самой удаленной части замка. Едва он остался один, как тут же осторожно отпер замки всех четырех ворот. Скоро донеслись приближающиеся шаги.

Ганимар представил своих двух помощников, двух силачей с бычьими шеями и могучими руками, потом попросил дать ему некоторые

разъяснения. Выяснив дислокацию, он тщательно запер и забаррикадировал все возможные доступы в залы, подвергавшиеся опасности. Обследовал стены, заглянул за гобелены и наконец разместил своих агентов в центральной галерее.

— И без глупостей, слышите? Мы сюда не спать пришли. При малейшем сигнале тревоги открывайте окна во двор и зовите меня. Не теряйте из виду подступы со стороны реки. Десять метров отвесной скалы для такого дьявольского отродья — не помеха.

Он запер их в галерее, забрал с собой ключи и сказал барону:

— А теперь отправимся на наш пост.

Он решил провести ночь в небольшой каморке, вырубленной в толще крепостной стены между двумя входными воротами, там когда-то был пост часового. Через один глазок в двери просматривался мост, через другой — двор. В углу находилось какое-то отверстие, напоминающее жерло колодца.

— Я правильно понял, господин барон, что этот колодец — единственный вход в подземелье и что с незапамятных времен он заделан?

— Да.

— Если только не существует другого входа, о

котором не знает никто, кроме Арсена Люпена, что весьма маловероятно, не правда ли, — мы можем не волноваться.

Он составил вместе три стула, удобно вытянулся на них, раскурил трубку и вздохнул:

— Честное слово, господин барон, только огромное желание достроить еще один этаж к домику, где я собираюсь провести остаток жизни, заставило меня взяться за такое простое дело. Я расскажу эту историю моему приятелю Люпену, и тот будет кататься со смеху.

Но барону было не до смеха. С нарастающим беспокойством он напрягал слух, стараясь не упустить ни малейшего шороха. Время от времени он склонялся над колодцем и с тревогой всматривался в темноту.

Пробило одиннадцать, полночь, час.

Внезапно барон схватил Ганимара за руку, тот проснулся и вскочил.

— Слышали?

— Да.

— Что это?

— Это я храпел.

— Да нет же, послушайте…

— А! Слышу! Гудок автомобиля.

— Что это значит?

— Это значит, что Люпен хочет при помощи автомобиля протаранить ваш замок. Я бы на вашем месте, господин барон, тоже поспал… чем, смею вас уверить, я сейчас и займусь. Спокойной ночи.

Это был единственный тревожный знак. Ганимар смог возобновить свой прерванный сон, и барон слышал теперь только его звучный и равномерный храп.

На рассвете они вышли из своего укрытия. От замка, окруженного прозрачной водой, веяло безмятежным покоем. Сияющий от радости Каорн и по-прежнему невозмутимый Ганимар поднялись по лестнице. Ни звука. Ничего подозрительного.

— Ну что я говорил, господин барон? Если говорить начистоту, я не должен был соглашаться… Мне стыдно…

Он достал ключи, и они вошли в галерею.

На стульях, согнувшись и свесив руки, спали оба агента.

— Черт их побери! — проворчал инспектор.

И в то же мгновенье раздался крик барона:

— Картины!.. Сервант!..

Он что-то бормотал, у него прерывалось дыхание, рукой он указывал на пустые места, на оголившиеся стены, откуда торчали гвозди и

болтались ненужные веревки. Ватто исчез! Рубенсы украдены! Гобелены сорваны! Витрины с драгоценностями выпотрошены!

— Мои канделябры Людовика Шестнадцатого, подсвечник эпохи Регентства, Мадонна двенадцатого века!

В ужасе и отчаянии он бегал по залу. Вспоминал, сколько было заплачено за украденные вещи, подсчитывал потери, складывал цифры, и все это перемежая бессвязными словами и обрывками фраз. Он топал ногами, как безумный корчился от ярости и горя. Он был похож на человека, лишившегося всего своего состояния, которому теперь лишь оставалось пустить себе пулю в лоб.

Единственное, что могло его утешить, — это остолбенение, в которое впал Ганимар. В отличие от барона, он не двигался. Он, казалось, окаменел и блуждающим взглядом осматривал помещение. Окна? Закрыты. Дверные замки? Не повреждены. Потолок тоже цел, никаких отверстий. Все в полном порядке. Должно быть, ограбление осуществлялось неспешно по безупречному и точному плану.

— Арсен Люпен! Арсен Люпен! — удрученно шептал он.

Внезапно он набросился на двух подручных, как будто наконец решил дать выход своему гневу, он яростно расталкивал их, ругая последними словами. Но те все равно не просыпались!

— Черт возьми! — воскликнул он, — А что, если?..

Он наклонился над ними, внимательно разглядывая: оба спали, но каким-то неестественным сном.

Он сказал барону:

— Их усыпили.

— Но кто?

— Он самый, черт побери! Или его шайка, которой он и руководил. Да, чувствуется его почерк.

— В таком случае я пропал. Ничего не поделаешь.

— Да, ничего не поделать.

— Но это же ужасно, просто чудовищно!

— Заявите в полицию.

— Зачем?

— Господи, попытка не пытка. У правосудия свои возможности…

— Правосудие! Вы же сами видите… Послушайте, вот сейчас вы могли бы найти какую-то улику, что-то обнаружить, а вы даже с места не сдвинулись!

— Обнаружить что-то у Арсена Люпена? Но, дорогой друг, Арсен Люпен никогда не оставляет никаких улик. От него нельзя ожидать никаких случайностей! Я даже спрашиваю себя, а не специально ли он дал мне себя арестовать в Америке?

— Значит, я должен забыть про свои картины и про все остальное, что он украл? Но это же жемчужины моей коллекции! Я отдал бы целое состояние, чтобы вернуть их назад. Если он непобедим, то пусть хотя бы назовет свою цену!

Ганимар пристально посмотрел на него:

— Это здравая мысль. Вы не передумаете?

— Ни за что. Почему вы спрашиваете?

— Есть идея.

— Какая?

— Вернемся к ней, только когда расследование зайдет в тупик… Но никому ни слова обо мне, если хотите, чтобы у меня что-то получилось.

И пробормотал сквозь зубы:

— К тому же, честно говоря, гордиться мне нечем.

Оба его подручных мало-помалу приходили в себя, осоловело поглядывая вокруг, как люди, которые просыпаются от гипнотического сна. Они удивленно таращились, пытаясь понять, что

произошло. Когда Ганимар начал задавать им вопросы, оказалось, что они ничего не помнят.

— Но вы должны были кого-то видеть?

— Нет.

— Что-то помните?

— Ничего.

— Вы не пили?

Они подумали, и один из них ответил:

— Я выпил немного воды.

— Из этого графина?

— Да.

— Я тоже, — заявил второй.

Ганимар понюхал воду, попробовал на вкус. Она не имела ни привкуса, ни запаха.

— Послушайте, — сказал он, — мы понапрасну теряем время. Задачи, загаданные Арсеном Люпеном, за пять минут не решить. Но, черт возьми, клянусь, я его схвачу. Он взял верх во второй партии. Но решающая игра за мной!

В тот же день барон Каорн заявил в полицию, что его ограбил Арсен Люпен, содержащийся в тюрьме Санте.

Позже, когда замок Малаки был отдан на откуп жандармам, прокурору, следователю, журналистам, зевакам, которые пробираются всюду, где им быть не положено, барон не раз пожалел

об этом.

Это дело взбудоражило общественное мнение. Все произошло в таких необычных обстоятельствах, имя Арсена Люпена настолько возбуждало воображение, что самые невероятные домыслы, которыми пестрели газеты, воспринимались как чистая правда.

Но особое волнение вызвало первое письмо Арсена Люпена, опубликованное в газете «Эко де Франс» (так и осталось неизвестным, кто передал туда текст), в котором он нагло предупреждал барона Каорна о грозящей тому опасности. Тут же посыпались невероятные предположения. Вспомнили о существовании знаменитого подземного хода. И под влиянием подобных россказней полиция начала вести расследование в этом направлении.

Замок обыскали сверху донизу. Осмотрели каждый камень. Обследовали деревянные панели и камины, рамы зеркал и потолочные балки. При свете фонарей обшарили огромные подвалы, где в старину сеньоры Малаки хранили съестные и боевые припасы. Исследовали скалу. Но все напрасно. Подземелье обнаружить так и не удалось. Тайного хода не существовало.

Пусть так, доносилось со всех сторон, но ведь

мебель и картины не могли исчезнуть, как призраки. Обычно их выносят через окна или двери, а люди, завладевшие ими, проникают внутрь таким же путем. Кто эти люди? Как они попали туда? Как оттуда вышли?

Руанская полиция, признавшая свое бессилие, обратилась к парижским коллегам. Господин Дюдуи, глава сыскной полиции, отправил в замок своих лучших ищеек из отряда полиции особого назначения. Даже сам он провел в Малаки сорок восемь часов. Но тоже не смог ничего добиться.

И только тогда он призвал на помощь инспектора Ганимара, чью роль в расследованиях мог неоднократно оценить.

Ганимар молча выслушал инструкции начальника, потом покачал головой и произнес:

— Мне кажется, обыскивая замок, мы идем по ложному пути. Разгадка кроется не там.

— Так где же тогда?

— Поблизости от Арсена Люпена.

— Поблизости от Арсена Люпена! Если вы так считаете, значит допускаете его участие в ограблении.

— Да, допускаю. Более того, я совершенно в этом уверен.

— Послушайте, Ганимар, это просто нелепо.

Арсен Люпен в тюрьме.

— Верно, Арсен Люпен в тюрьме. Его неусыпно охраняют, в этом я тоже не сомневаюсь. Но даже если бы он был закован в кандалы, у него были бы завязаны руки, а во рту кляп, я бы остался при своем мнении.

— Но почему вы на этом настаиваете?

— Потому что только Арсену Люпену по плечу разработать такой грандиозный план и триумфально осуществить его… именно таким образом, как он и был осуществлен.

— Это все слова, Ганимар!

— Увы, это реальность. И потому не нужно искать подземелье, отодвигающиеся камни и прочие подобные трюки. Наш герой не прибегает к таким устаревшим уловкам. Он живет в сегодняшнем мире, вернее, даже в завтрашнем.

— И ваш вывод?

— Мой вывод — я убедительно вас прошу позволить мне провести с ним один час.

— В его камере?

— Да. Когда мы плыли назад из Америки, у нас установились прекрасные отношения, осмелюсь даже утверждать, что он испытывает некоторую симпатию к тому, кто сумел его задержать. И если он сможет открыться мне, не скомпрометировав

самого себя, то избавит меня от необходимости совершать бессмысленное путешествие в замок.

Чуть позже полудня Ганимара провели в камеру Арсена Люпена. Тот лежал на койке, он поднял голову и радостно воскликнул:

— Вот так сюрприз! Мой дорогой Ганимар — неужели это вы?

— Как видите, собственной персоной.

— В этом добровольном уединении я мечтал о многом… но сильнее всего — увидеть вас здесь.

— Вы весьма любезны.

— Что вы, что вы, я питаю к вам глубочайшее уважение.

— Крайне польщен.

— Я всегда утверждал: Ганимар — наш лучший детектив. Он почти не уступает — оцените мое прямодушие — Херлоку Шолмсу. Но, по правде сказать, мне очень жаль, что я могу предложить вам лишь этот табурет. Ни прохладительных напитков, ни даже кружки пива! Простите великодушно, я здесь ненадолго.

Ганимар улыбнулся и сел, а заключенный, радуясь, что нашел слушателя, продолжал:

— Господи, как приятно видеть перед собой порядочного человека. Как мне надоели физиономии всех этих шпиков и стукачей, которые

по десять раз на дню шарят у меня по карманам и обыскивают мою скромную камеру, чтобы удостовериться, что я не замыслил побег. Черт возьми, как же правительство дорожит мною!..

— И по справедливости.

— Ну что вы! Я был бы так счастлив, если бы мне позволили жить в этом тихом пристанище!

— На деньги других.

— Вот именно! Но это было бы слишком просто! Простите, я заболтался, несу ахинею, а вы ведь торопитесь. Перейдем к делу, Ганимар! Чем обязан вашему визиту?

— Делу Каорна, — без обиняков заявил Ганимар.

— Погодите секунду... У меня ведь в голове столько дел! Дайте я сначала отыщу досье дела Каорна... А, вот оно. Дело Каорна, замок Малаки, Нижняя Сена... Два Рубенса, один Ватто и кое-какие мелкие безделушки.

— Мелкие!

— О, поверьте, все это довольно заурядные вещицы. Встречаются куда получше! Но если уж это дело вас интересует... Слушаю вас, Ганимар.

— Должен ли я проинформировать вас, на какой стадии находится следствие?

— Не стоит. Я читал утренние газеты. Позволю

даже заметить, что вы продвигаетесь не слишком быстро.

— Именно поэтому я и рассчитываю на вашу любезность.

— Я полностью к вашим услугам.

— Прежде всего скажите: вы сами руководили операцией?

— От А до Я.

— А письмо-предупреждение? Телеграмма?

— Отправлены вашим покорным слугой. Где-то даже имеются квитанции.

Арсен открыл ящик небольшого стола из светлого дерева, который вместе с койкой и табуретом составляли всю меблировку камеры, достал два листочка бумаги и протянул Ганимару.

— Вот так-так! — воскликнул тот. — Я-то полагал, что за вами непрерывно наблюдают и обыскивают при малейшем подозрении. А вы читаете газеты, храните почтовые квитанции…

— Господи! Эти люди настолько глупы! Они распарывают подкладку пиджака, исследуют внутренности моих ботинок, выстукивают стены камеры, но ни у кого из них даже не возникло мысли, что Арсен Люпен настолько простодушен, что использует этот тайник на виду у всех. На это я и рассчитывал.

Ганимар, развеселившись, воскликнул:

— Ну вы и плут! Совсем меня озадачили! Ну, давайте рассказывайте!

— Вы хотите слишком многого! Чтобы я посвятил вас в свои секреты? Раскрыл свои хитрости? Это ведь дело серьезное…

— Значит, я понапрасну рассчитывал на вашу любезность?

— Конечно нет. И раз уж вы так настаиваете…

Арсен Люпен несколько раз прошелся взад и вперед по камере, потом остановился:

— А что вы думаете о моем письме барону?

— Думаю, вам хотелось слегка развлечься, поразить публику.

— Еще чего, поразить публику! Уверяю вас, Ганимар, я был о вас более высокого мнения. Неужели я, Арсен Люпен, стал бы прибегать к таким ребяческим проделкам? Неужели стал бы писать барону, если бы мог обчистить его без такого письма? Но поймите же, это касается и вас, и всех остальных, письмо — необходимая отправная точка, пружина, которая привела в движение весь механизм. Хорошо, начнем по порядку и, если хотите, спланируем вместе ограбление замка Малаки.

— Я вас слушаю.

— Итак, представьте себе надежно запертый, огражденный замок, как у барона Каорна. Неужели я сдамся и откажусь от вожделенных сокровищ только потому, что замок, в котором они находятся, неприступен?

— Разумеется, нет.

— Попытаюсь ли я пойти на штурм замка, как в былые времена, во главе отряда авантюристов?

— Слишком примитивно.

— Попытаюсь проникнуть туда хитростью?

— Невозможно.

— Остается единственный, на мой взгляд, способ — меня должен пригласить туда сам владелец замка.

— Весьма неожиданно.

— И как просто! Предположим, что в один прекрасный день вышеназванный владелец получает письмо, в котором его извещают о том, что́ замышляет против него некий Арсен Люпен, прославившийся своими ограблениями. И как же он поступит?

— Он отправит письмо прокурору.

— А тот только посмеется над ним, «поскольку упомянутый Арсен Люпен в настоящее время содержится в тюрьме». В результате наш приятель впадает в панику и готов обратиться за помощью

к первому встречному, не так ли?

— Несомненно.

— А если он случайно прочтет в местной газетенке, что где-то по соседству отдыхает знаменитый полицейский…

— Он отправится прямо к нему.

— Вы сами это сказали. Но, с другой стороны, допустим, что, предвидя неизбежное развитие событий, Арсен Люпен попросит одного из самых своих толковых друзей поселиться в Кодбеке, разговориться с редактором газеты «Ревей», *которую выписывает барон,* заметить вскользь, что он-то и есть тот самый полицейский… Что же тогда случится?

— Редактор сообщит в газете о том, что знаменитый полицейский находится в Кодбеке.

— Отлично. И тут возможны два варианта: либо рыбка — я имею в виду Каорна — не клюнет на приманку и тогда ничего не произойдет, либо, что вероятнее, он примчится к нему, дрожа от волнения. И вот наш Каорн умоляет одного из моих друзей защитить его от меня!

— Да, звучит весьма оригинально.

— Разумеется, псевдополицейский сначала отказывается от участия. Тогда приходит телеграмма от Арсена Люпена. Барон потрясен и снова

умоляет моего друга, предложив ему огромную сумму за свое спасение. Пресловутый друг соглашается, приводит двух парней из нашей банды, а те ночью, пока Каорн находится под охраной своего защитника, спускают на веревках через окно некоторые предметы, которые попадают прямо в лодку, зафрахтованную *ad hoc*[11]. Все просто, как у Люпена.

— Просто и гениально! — воскликнул Ганимар. — И дерзость самого плана, и изобретательность в деталях достойны всяческих похвал. Но не могу представить себе, кто же из наших полицейских столь знаменит, что одно его имя может привлечь барона и внушить ему такое доверие.

— Есть только один, другого такого не найти…

— Так кто же он?

— Один из знаменитейших сыщиков, личный враг Арсена Люпена, короче, его зовут инспектор Ганимар.

— Я?!

— Вы самый, Ганимар. И вот что замечательно: если вы отправитесь туда и барон решится поговорить с вами, то вы обнаружите, что должны арестовать самого себя, именно так, как вы по-

---

[11] Notes: 11
Специально для этого *(лат.)*.

ступили со мной в Америке. Видите, какой мне удался забавный реванш: арестовать Ганимара с помощью самого Ганимара!

Арсен Люпен от души смеялся. Раздосадованный инспектор кусал губы. Он считал, что эта шутка не заслуживает столь безудержного веселья.

Приход надзирателя дал Ганимару возможность прийти в себя. Тот принес обед, который Люпен, в виде особого благоволения, мог заказывать в соседнем ресторане. Надзиратель поставил поднос на стол и удалился. Арсен уселся, разломил кусок хлеба, откусил от него два или три раза и продолжал:

— Но не волнуйтесь, мой любезный Ганимар, вы туда не пойдете. Сейчас я скажу вам одну вещь, которая поразит вас: дело Каорна вот-вот закроют.

— Что?

— Я же сказал: вот-вот закроют.

— Ска́жете тоже, я только что был у начальника сыскной полиции.

— И что с того? Неужели господину Дюдуи известно больше моего о моих делах? Вы скоро узнаете, что Ганимар, простите, псевдо-Ганимар остался в прекрасных отношениях с бароном.

А тот не выдал его только потому, что инспектору поручено дело весьма деликатного свойства — обсудить со мной одну операцию, которая выльется господину барону в кругленькую сумму, и, вполне вероятно, что уже сейчас он получил назад свои любимые безделушки. Тогда он заберет назад свое заявление. То есть ограбления не было. И полиция должна будет закрыть дело…

Ганимар с изумлением смотрел на заключенного.

— А как вы это узнали?

— Только что получил телеграмму, которую уже ждал.

— Вы только что получили телеграмму?

— Сию минуту, мой дорогой друг. Из вежливости я не решился читать ее в вашем присутствии. Но если позволите…

— Вы издеваетесь надо мною, Люпен.

— Будьте столь любезны, мой милый друг, осторожно срежьте верхушку этого яйца всмятку. И вы сами убедитесь, что я отнюдь не издеваюсь над вами.

Ганимар машинально подчинился, срезал верхушку яйца лезвием ножа и удивленно вскрикнул. В пустой скорлупе лежал голубой листок бумаги. Он развернул его по просьбе Арсена.

Это была телеграмма, вернее, ее часть, название почтового отделения, откуда она была послана, отсутствовало.

Он прочел:

СОГЛАШЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНО. СТО ШТУК ПОЛУЧЕНЫ. ВСЕ НОРМАЛЬНО.

— Сто штук? — переспросил Ганимар.

— Да, сто тысяч франков! Это немного, но времена нынче выдались суровые… И неподъемные накладные расходы… Если бы вы видели мой бюджет… Это бюджет целого города!

Ганимар встал. Его дурного настроения как не бывало. Он несколько минут размышлял, стараясь мысленно охватить всю операцию в целом и найти в ней слабые места. А потом высказался, и в его голосе звучало нескрываемое восхищение профессионала:

— К счастью, такие, как вы, — большая редкость, иначе нам пришлось бы прикрыть лавочку…

Арсен Люпен ответил с напускной скромностью:

— Ну, мне просто хотелось немного развеяться, слегка развлечься… к тому же дело могло выгореть, только пока я сижу за решеткой.

— Как! — вскричал Ганимар. — Судебный процесс над вами, защита, следствие, вам этого мало для развлечения?

— Да, маловато, поскольку я решил в процессе не участвовать.

— Что?

Арсен Люпен медленно повторил:

— Я не буду присутствовать при разбирательстве моего дела.

— В самом деле?

— Неужели, дорогой друг, вы предполагали, что я собираюсь сгнить на сырой тюремной соломе? Вы меня обижаете. Арсен Люпен останется в тюрьме ровно столько, сколько ему захочется, и ни минутой больше.

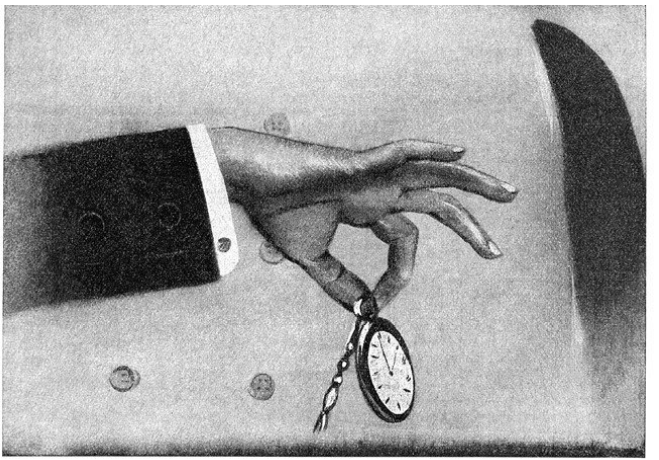
— А может быть, разумнее просто в нее не попадать? — заметил инспектор с иронией в голосе.

— А, месье изволит шутить? Месье вспомнил, что имел честь присутствовать при моем задержании? Так знайте, мой уважаемый друг, что ни один человек на свете — ни вы, ни кто-то другой — не смог бы добраться до меня, если бы в тот критический момент меня не вынудили пойти на этот шаг гораздо более веские основания.

— Вы меня изумляете.

— Ганимар, на меня смотрела женщина, а я был в нее влюблен. Понимаете, что это значит — когда любимая женщина смотрит на вас? Клянусь, все остальное значения уже не имело. Именно

потому я здесь.



— И кстати, уже довольно долго, позвольте заметить.

— Сперва мне хотелось забыться. Не смейтесь: приключение вышло прелестным, я до сих пор храню самые нежные воспоминания… К тому же мне несколько присуща неврастения, а жизнь

в наши дни столь безумна! В какие-то моменты нужно подвергать себя так называемой позитивной изоляции. Это место очень подходит для подобного строгого режима. В тюрьме Санте[12] можно пройти самый лучший оздоровительный курс.

— Арсен Люпен, вы насмехаетесь надо мной!

— Ганимар, — громко заявил Люпен, — сегодня пятница. В следующую среду я приду выкурить сигару к вам домой, на улицу Перголези, в четыре часа пополудни.

— Буду вас ждать, Арсен Люпен.

Они обменялись рукопожатием, как два добрых приятеля, которые воздают друг другу должное, и старый полицейский направился к двери.

— Ганимар!

Тот обернулся:

— В чем дело?

— Ганимар, вы забыли свои часы.

— Часы?

— Да, они случайно оказались у меня в кармане.

---

[12] Notes: 12

Игра слов: la santé *(фр.)* — здоровье. Тюрьма Ла Санте, или просто Санте, открытая в 1867 г. в Париже в районе Монпарнас, обязана своим названием находящейся рядом больнице Санте, позже переименованной в больницу Святой Анны.

И он с извинениями вернул их.

— Простите… дурная привычка… Но я взял их вовсе не потому, что конфисковали мои. Мне грех жаловаться — у меня есть хронометр, который полностью меня удовлетворяет.

Он вынул из ящика массивные золотые часы на толстой цепочке, большие и внушительные.

— Ну а из чьего кармана они попали сюда? — спросил Ганимар.

Арсен Люпен небрежно взглянул на инициалы:

— Ж. Б. Кто же это, черт возьми? Ах да, припоминаю, Жюль Бувье, мой следователь, милейший, кстати, человек…

Побег Арсена Люпена

В ту самую минуту, когда, закончив обед, Арсен Люпен доставал из кармана роскошную сигару с золотым ободком и с удовольствием поглядывал на нее, дверь камеры распахнулась. Он едва успел бросить сигару в ящик стола и отойти от него. Вошел надзиратель, наступил час прогулки.

— Я поджидал вас, милый друг, — воскликнул Люпен, по-прежнему пребывая в прекрасном расположении духа.

Они вышли. Едва они скрылись за поворотом коридора, как в камеру вошли двое и начали проводить тщательный обыск. Это были инспектор Дьези и инспектор Фолянфан.

Нужно было с этим покончить. Сомнений не оставалось: Арсен Люпен сохранял связи с внешним миром и общался со своими сообщниками. Только накануне газета «Гран журналь» напечатала следующие строки, обращенные к ее сотруднику — судебному хроникеру:

Месье,
в недавно опубликованном номере Вы отозвались обо мне в неподобаю-

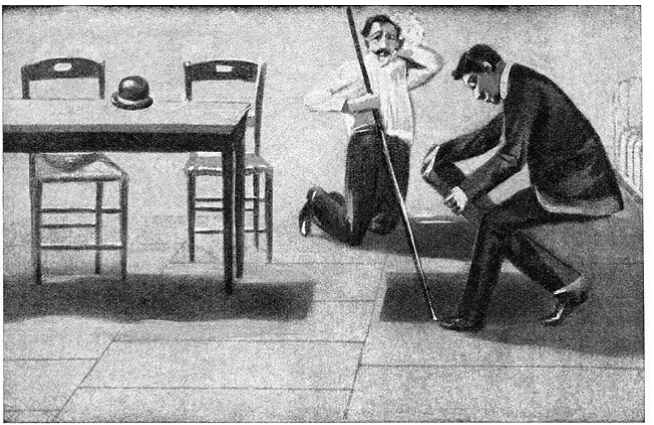
щем тоне. За несколько дней до начала судебного процесса я потребую у Вас объяснений.

С самым глубоким почтением,

Арсен Люпен.

Подпись действительно принадлежала Люпену. Выходит, он рассылал письма. Выходит, он их получал. Это подтверждало, что он готовит побег, о котором оповещал столь дерзким образом.

Терпеть это больше было нельзя. Согласовав свой визит со следователем, начальник сыскной полиции господин Дюдуи лично прибыл в Санте, чтобы обсудить с начальником тюрьмы необходимые меры предосторожности. И, едва приехав туда, он тут же послал двух своих людей в камеру заключенного.



Они подняли все плиты пола, разобрали кровать, проделали все, что требуется в подобной ситуации, и все же ничего не нашли. Они уже собирались признать свое полное поражение, как прибежал запыхавшийся надзиратель и сказал:

— Ящик... посмотрите в ящике стола. Мне показалось, что он задвигал его, когда я входил.

Они заглянули туда, и Дьези воскликнул:

— Слава богу, на сей раз клиент пойман с по-

личным!

Фолянфан остановил его:

— Не спеши, голубчик, пусть шеф все осмотрит сам.

— Однако эта дорогая гаванская сигара…

— Оставь ее, предупредим шефа.

Две минуты спустя господин Дюдуи уже изучал содержимое ящика. Сначала он нашел в нем пачку газетных вырезок из «Аргус де ля пресс», касавшихся Арсена Люпена, табачный кисет, трубку, тонкую прозрачную бумагу и, наконец, две книги.

Он взглянул на заглавия. Это были английское издание «Культа героев» Карлейля[13] и прелестный эльзевир[14] «Руководство» Эпиктета[15] в немецком переводе, напечатанный в 1634 году в Лейдене, в сохранившемся переплете того времени. Перелистав их, он убедился, что на страницах

---

[13] Notes: 13

Карлейль Томас (1795–1881) — английский историк и философ. Самое известное его произведение — «Французская революция» (1837).

[14] Notes: 14

Эльзевиры — малоформатные издания, которые выпускала семья Эльзевир — нидерландских издателей и типографов в XVI–XVII вв.

[15] Notes: 15

Эпиктет (ок. 50–138) — древнегреческий философ, основатель философской школы. Проповедовал идеи стоицизма. Сам Эпиктет не писал трактатов. Выдержки из его учения, известные под названиями «Беседы» и «Руководство», сохранились в записи его ученика Арриана.

сделаны пометки, отдельные слова подчеркнуты и что-то написано на полях. Какие-то условные знаки или просто следы, оставленные скрупулезным читателем?

— Мы тщательно это исследуем, — сказал господин Дюдуи.

Он осмотрел кисет для табака, трубку. Потом повертел в руках превосходную сигару с золотым ободком.

— Черт возьми, наш приятель неплохо устроился! — воскликнул он. — Сигара марки «Анри Клэ»!

Привычным жестом курильщика он поднес ее к уху и слегка сжал, чтобы проверить, не пересушена ли она. Но тут же вскрикнул от неожиданности — оболочка сигары лопнула. Он пригляделся и различил что-то белое среди наполнявших ее листьев. Булавкой он аккуратно извлек оттуда свернутый в трубочку, не толще зубочистки, кусочек тончайшей бумаги. Развернул ее. Это была записка, написанная женским почерком, которая гласила:

Воронок заменили. Восемь из десяти готовы. При нажатии ногой крайняя плита поднимется. Л. С. будет ждать с двенадцати до шестнадцати ежедневно. Где именно? Срочно ответьте. Не

волнуйтесь, ваша подруга заботится о вас.

Господин Дюдуи после минутного размышления произнес:

— Все достаточно ясно… Воронок… Восемь отсеков… С двенадцати до шестнадцати, иначе говоря, с полудня до четырех дня…

— А что значит «Л. С.», который будет ждать?

— В данном случае это должно означать автомобиль. Л. С. — лошадиные силы, так ведь на спортивном языке обозначают мощность мотора? Двадцать четыре л. с. — автомобиль мощностью двадцать четыре лошадиные силы.

Он встал и спросил:

— Заключенный заканчивал обед, не так ли?

— Да.

— И поскольку он не успел прочитать записку, о чем свидетельствует состояние сигары, вероятно, он в тот момент только что получил ее.

— Но каким образом?

— В еде — в хлебе или в картофелине, трудно сказать.

— Но это невозможно! Мы позволили ему заказывать еду только для того, чтобы подловить его, но, проверив, ничего не нашли.

— Подождем, когда вечером Люпен пошлет ответ. Пока задержите его и не пускайте в ка-

меру. Я покажу записку следователю. Если он подтвердит мои догадки, мы немедленно сфотографируем это послание, и через час можно будет положить назад в ящик точно такую же сигару с подлинной запиской. Заключенный не должен ни о чем догадаться.

Вечером, сдерживая любопытство, господин Дюдуи явился в канцелярию Санте в сопровождении инспектора Дьези. В углу на плите стояли три тарелки.

— Он поел?

— Да, — подтвердил начальник тюрьмы.

— Дьези, будьте любезны, нарежьте на мелкие кусочки эти три макаронины и разломите кусок хлеба. Ничего?

— Ничего, шеф.

Месье Дюдуи тщательно осмотрел тарелки, вилку, ложку, наконец, нож с круглым лезвием — такой, как полагалось по тюремным правилам. Он покрутил рукоятку налево, потом направо. Направо она поддалась и стала раскручиваться. Нож был полым, внутри лежал листок бумаги.

— Уф, — произнес он, — что-то слишком просто для такого типа, как Арсен. Но не будем терять времени. Вы, Дьези, отправляйтесь в ресторан и все там разведайте.

Потом он прочел:

Я целиком и полностью доверяюсь вам, Л. С. должен следовать за мной поодаль ежедневно. До встречи, мой дорогой, восхитительный друг.

— Наконец-то, — воскликнул господин Дюдуи, потирая руки, — кажется, мы на верном пути. Еще одно небольшое усилие с нашей стороны, и побег состоится… по крайней мере, чтобы дать нам возможность поймать сообщников.

— А если Арсен Люпен улизнет от вас? — возразил начальник тюрьмы.

— Выставим необходимое число людей. Ну а если он проявит излишнее проворство… Черт подери, тем хуже для него! Что же касается его шайки, мы заставим их заговорить, если их главарь отказывается.

И в самом деле, Арсен Люпен был немногословен. Вот уже несколько месяцев следователь господин Жюль Бувье тщетно пытался вызвать его на разговор. Допросы сводились к маловразумительным диалогам между следователем и адвокатом мэтром Данвалем, асом своего дела, который, впрочем, еще недавно знал об обвиняемом не больше любого обывателя.

Время от времени Арсен Люпен изрекал из вежливости:

— Ну конечно, господин следователь, мы же договорились: ограбление Лионского кредита[16], кража на улице Бабилон, подделка денежных купюр, махинации со страховыми полисами, ограбление замков Арменвиль, Гуре, Энблевен, Грозейе, Малаки — все это дело рук вашего покорного слуги.

— Хорошо, не могли бы вы объяснить мне тогда…

— Бесполезно, я признаюсь во всем сразу, не входя в подробности, а в придачу и во многом другом, этот список раз в десять длиннее, чем вы предполагаете.

Потеряв терпение, следователь прекратил эти утомительные допросы. Но после того, как ознакомился с двумя перехваченными записками, возобновил их. Теперь ежедневно в полдень Арсена Люпена вместе с несколькими другими арестантами доставляли из тюрьмы Санте в Депо[17] в тюремной машине. Назад их увозили часа в три-четыре.

Однако как-то раз эта поездка обратно прохо-

---

[16] Notes: 16

Лионский кредит — один из старейших и крупнейших банков Франции, был основан в Лионе в 1863 г. — *Примеч. ред.*

[17] Notes: 17

Депо — тюрьма при парижской уголовной полиции.

дила не так, как обычно. Поскольку остальных заключенных из Санте еще не успели допросить, решили сначала отвезти назад Арсена Люпена. Так он оказался в машине один.

Автомобили для перевозки заключенных, в просторечье «воронки'», внутри делятся по всей длине на две части центральным проходом, куда выходят десять отсеков-ячеек, по пять справа и слева. Каждый из них устроен таким образом, что находиться там можно только сидя, поэтому пятеро арестантов сидят один за другим, разделенные между собой параллельными перегородками. В самом конце прохода сидит жандарм-надзиратель.

Арсена поместили в третью ячейку справа, и тяжелая машина тронулась в путь. Он понял, что они выехали с набережной Орлож и приближаются к Дворцу правосудия. Тогда, где-то посередине моста Сен-Мишель, он, как обычно, нажал внешней, то есть правой, ногой на железную плиту в полу своей ячейки, что-то щелкнуло, и плита слегка отодвинулась. Он мог заметить, что она располагалась ровно между колесами машины.

Он настороженно выжидал. Машина медленно двигалась по бульвару Сен-Мишель. На пере-

крестке с бульваром Сен-Жермен остановилась. Впереди упала лошадь, тащившая подводу. Движение было приостановлено, и скоро образовался затор из фиакров и омнибусов.

Арсен Люпен просунул в отверстие голову. Рядом стояла другая тюремная машина. Он посильнее приподнял плиту, высунул ногу, уперся в спицу колеса и спрыгнул на землю.

Кучер его заметил, расхохотался и хотел было позвать на помощь. Но его голос потерялся в грохоте все прибывавших машин. Впрочем, Арсен Люпен был уже далеко.

Он немного пробежал, но, оказавшись на тротуаре, огляделся, будто зондируя почву, словно не зная, в каком направлении двигаться дальше. Потом решился и с беззаботным видом фланера, руки в карманах, пошел по бульвару.

Стояла мягкая погода, лучшее время осени. Кафе были переполнены. Он сел на террасе одного из них.

Заказал кружку пива и пачку сигарет. Он выпил пиво маленькими глотками, спокойно выкурил сигарету и начал другую. Наконец встал и попросил официанта позвать хозяина.

Тот подошел, и Арсен обратился к нему достаточно громко, так, чтобы слышали остальные

посетители:

— Я весьма сожалею, месье, но я забыл свой бумажник. Возможно, мое имя вам известно и вы предоставите мне кредит на несколько дней? Я Арсен Люпен.

Хозяин смотрел на него, подозревая розыгрыш. Но Арсен повторил:

— Люпен, заключенный из тюрьмы Санте, в настоящий момент в бегах. Смею надеяться, что мое имя вызовет у вас полное доверие.

Он удалился под общий смех, а хозяин даже не думал протестовать.

Люпен наискось пересек улицу Суффло и вышел на улицу Сен-Жак. Спокойно прошелся по ней, останавливаясь перед витринами и куря сигареты. На бульваре Порт-Руаяль осмотрелся, спросил дорогу и направился к улице Санте. Вскоре показались темные, мрачные стены тюрьмы. Миновав их, он остановился возле дежурного жандарма и приподнял шляпу:

— Здесь находится тюрьма Санте?

— Да.

— Я хотел бы вернуться в свою камеру. Машина потеряла меня по дороге, и мне не хотелось бы злоупотреблять…

Жандарм проворчал:

— Ну надо же, проваливай, откуда пришел, да поживее.

— Прошу прощения, именно отсюда я и пришел. А вы не даете Арсену Люпену вернуться назад, это может вам дорого стоить, дружище.

— Арсен Люпен! Скажет же такое!

— Сожалею, но я не захватил с собой визитной карточки, — сказал Арсен, делая вид, что шарит по карманам.

Обескураженный жандарм оглядел его с головы до пят. Потом как бы нехотя дернул за шнурок звонка. Железная дверь приоткрылась.

Несколько минут спустя в канцелярию ворвался начальник тюрьмы, он размахивал руками, стараясь изобразить безудержный гнев. Арсен улыбнулся:

— Господин начальник тюрьмы, не старайтесь обвести меня вокруг пальца. Подумать только! Из предосторожности вы везете меня одного в машине, устраиваете дорожный затор, полагая, что я возьму ноги в руки и сбегу к друзьям. А чем заняты двадцать ваших полицейских, которые сопровождают машину пешком, в фиакрах и на велосипедах? Могу представить себе, как бы они меня отдубасили! Живым я бы не вырвался. Скажите, господин начальник, наверное, вы на

это и рассчитывали?

Потом пожал плечами и добавил:

— Прошу вас, господин начальник, не нужно обо мне заботиться. В тот день, когда я решу отсюда сбежать, я обойдусь без посторонней помощи.

На следующий день газета «Эко де Франс», которая явно становилась главным органом, официально освещающим подвиги Арсена Люпена, — поговаривали, что он был одним из ее основных вкладчиков, — опубликовала подробное описание этого не доведенного до конца побега. Приводился даже текст записок, которыми обменялись заключенный и его таинственная подруга, рассказывалось о способе их передачи, пособничестве полиции, прогулке по бульвару Сан-Мишель, инциденте в кафе на улице Суффло — ничего не утаили. Было известно, что опрос официантов ресторана, поставлявшего еду Люпену, предпринятый инспектором Дьези, не дал никаких результатов. Более того, стал известен один потрясающий факт, доказывающий, насколько разнообразны возможности этого человека: тюремная машина, в которой его перевозили, оказалась специально приспособленной для побега, ею подменили один из шести «воронков» для перевозок заключенных.

Предстоящий побег Арсена Люпена теперь ни у кого не вызывал сомнений. Сам он объявил о нем весьма уверенно, о чем свидетельствовал его ответ господину Бувье на следующий день после инцидента. Когда следователь стал подтрунивать над его неудачей, Люпен посмотрел на него и холодно заметил:

— Выслушайте меня внимательно и поверьте мне на слово: этот пробный побег был частью общего плана побега.

— Не понимаю, — хмыкнул следователь.

— А понимать вам вовсе не обязательно.

И поскольку следователь, проводя допрос, полностью опубликованный в газете «Эко де Франс», снова вернулся к расследованию, Люпен заметил с усталым видом:

— Господи, к чему все это? Ваши вопросы не имеют никакого значения!

— Как это, никакого значения?

— Так! Я не буду присутствовать на суде.

— Вы не будете присутствовать…

— Не буду, это моя идея фикс, мое бесповоротное решение. Ничто не заставит меня от него отказаться.

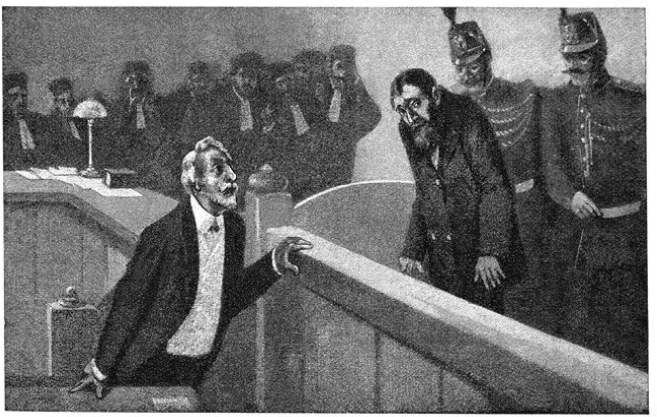
Подобная самоуверенность, необъяснимая заносчивость, которые заключенный постоянно

выказывал, раздражали и сбивали с толку правосудие. Здесь таились секреты, известные одному Арсену Люпену, и, таким образом, их разгадка могла исходить только от него самого. Но зачем он раскрывал свои тайны? И каким образом?

Однажды вечером Арсена Люпена перевели в другую камеру, этажом ниже. Следователь завершил расследование и направил дело в суд присяжных.

Потом наступила тишина. Она длилась два месяца. Арсен провел их, лежа на койке, почти все время повернувшись лицом к стене. Казалось, смена камеры была для него последним ударом. Он отказывался встречаться с адвокатом. Перемолвился считаными словами с надзирателями.

За две недели до начала процесса он словно ожил. Пожаловался на недостаток воздуха. Рано утром его вывели во двор в сопровождении двух тюремщиков.



Но общее любопытство, однако, не утихло. Каждый день ждали известия о его побеге. Этого желали почти все, настолько сам заключенный — своим остроумием, веселостью, многообразием средств, гениальной изобретательностью и тайной, окутавшей его жизнь, — вызывал восторги толпы. Арсен Люпен обязан совершить побег. Это было неизбежно и предрешено. Вызывало

удивление, почему он так долго тянет. Каждое утро префект полиции осведомлялся у своего секретаря:

— Ну что, все еще не сбежал?

— Нет еще, господин префект.

— Значит, сбежит завтра.

И вот накануне процесса в редакцию газеты «Гран журналь» зашел какой-то господин, попросил вызвать судебного репортера, бросил ему свою визитную карточку и быстро удалился. На карточке было написано следующее: «Арсен Люпен всегда держит свои обещания».

В такой обстановке началось слушание дела.

Зрителей собралось видимо-невидимо. Все хотели увидеть знаменитого Арсена Люпена и заранее предвкушали, как он посрамит судью. Адвокаты и государственные чиновники, репортеры и люди света, актеры и аристократки — словом, «весь Париж» теснился на скамьях в зале суда.

Шел дождь, день был пасмурный, и, когда стражники ввели Арсена Люпена, его было трудно разглядеть. Но все-таки его неповоротливость, неуклюжесть, с какой он грузно опустился на свое место, а потом застыл — безучастный и словно отсутствующий, — явно не располагали

в его пользу. Несколько раз его адвокат, один из секретарей мэтра Данваля, поскольку тот счел недостойной для себя отведенную ему роль, обращался к нему, но тот только качал головой и хранил молчание.

Секретарь суда прочел обвинительное заключение, затем судья сказал:

— Обвиняемый, встаньте. Ваше имя, фамилия, возраст и профессия?

Не получив ответа, он повторил:

— Ваше имя? Прошу назвать ваше имя.

Зычный и усталый голос четко произнес:

— Бодрю Дезире.

Раздался шепот. Но судья продолжал:

— Бодрю Дезире? Очередное перевоплощение! Это, кажется, восьмое по счету имя, на которое вы претендуете, наверняка такое же выдуманное, как и все остальные. Давайте все же будем придерживаться имени Арсен Люпен — под ним вы куда более известны.

Судья заглянул в свои записи и продолжал:

— Несмотря на все наши поиски, нам не удалось установить вашу личность. Вы представляете собой довольно оригинальное явление в нашем современном обществе — человек, не имеющий прошлого. Нам неизвестно, кто вы, откуда

взялись, где прошло ваше детство, короче, нам ничего не известно. Вы возникли совершенно неожиданно три года назад, непонятно из какой среды, чтобы внезапно явить нам Арсена Люпена, иначе говоря, эту странную смесь ума и порока, аморальности и благородства. Имеющиеся данные о вашей предшествующей жизни — скорее догадки. Есть вероятность, что некто, именуемый Роста, восемь лет назад работавший ассистентом иллюзиониста Диксона, не кто иной, как Арсен Люпен. Есть вероятность, что русский студент, который шесть лет назад стажировался у доктора Алтье в больнице Сен-Луи и часто поражал наставника неожиданностью своих гипотез в области бактериологии и смелостью экспериментов по дерматологии, не кто иной, как Арсен Люпен. Также Арсен Люпен — тренер по японской борьбе, который поселился в Париже еще до того, как заговорили о дзюдо. А возможно, Арсен Люпен — это велогонщик, выигравший Гран-при на Всемирной выставке[18], который получил свои десять тысяч франков и исчез. Не исключено, что Арсен Люпен — тот самый человек, который спас столько жизней во время пожара

[18] Notes: 18

Вероятно, речь идет о Всемирной выставке в Париже 1900 г., на которой был сооружен специальный велотрек для соревнований.

на Благотворительном базаре[19], вытащив людей через слуховое окно… но при этом ограбив их.

И после паузы он заключил:

— То время, как мне сдается, было для вас лишь периодом тщательной и методичной подготовки к борьбе, развязанной против общества, позволившей вам до предела развить силу, энергию и ловкость. Подтверждаете ли вы правильность этих фактов?

Пока судья произносил речь, обвиняемый переминался с ноги на ногу, сгорбившись, его руки безжизненно висели вдоль тела. При более ярком освещении стали заметны его крайняя худоба, ввалившиеся щеки, странно выступающие скулы, землистый цвет лица, испещренного тонкими красными прожилками, редкая клочковатая бороденка. Несомненно, в тюрьме он постарел и как-то увял. Куда делись былая элегантность, молодое привлекательное лицо, фотографии которого так часто печатали газеты?

Похоже, он не слышал обращенного к нему

---

[19] Notes: 19

Имеется в виду пожар на Благотворительном базаре, ежегодно проводившемся в Париже с 1885 г., который произошел 4 мая 1897 г. От разбившейся лампы загорелись все дощатые строения базара, что привело к гибели не менее 126 человек, в основном женщин, в том числе герцогини Алансонской (1847–1897), младшей сестры императрицы Австрии Елизаветы.

вопроса. Его повторили дважды. Тогда он поднял глаза, казалось, задумался, потом с большим усилием прошептал:

— Бодрю Дезире.

Судья рассмеялся:

— Я не могу до конца понять, какую систему защиты вы избрали, Арсен Люпен. Если вы собираетесь валять дурака или строить из себя сумасшедшего, это ваше право. Я же доведу дело до конца, не принимая в расчет ваши чудачества.

Он начал излагать подробности краж, мошенничества и подлогов, в которых обвинялся Люпен. Иногда он задавал ему вопрос, но тот что-то бормотал в ответ или вообще не отвечал.

Начали давать показания свидетели. Многие из них почти ничего не прояснили, другие были более убедительны, но общим было одно — все они противоречили друг другу. Заседание уже почти зашло в тупик, когда пригласили главного инспектора Ганимара, и публика оживилась.

Однако с самого начала старый полицейский несколько разочаровал аудиторию. У него был странный вид — нет, не столько неуверенный, таких свидетелей было немало, сколько взволнованный, словно ему было не по себе. Много раз в явном смятении он смотрел на обвиняемого.

При этом, держась обеими руками за барьер, он рассказывал об эпизодах, в которых принимал участие, о преследовании Люпена в Европе, о его прибытии в Америку. Его слушали с жадным вниманием, как слушают рассказы о самых захватывающих приключениях. Но уже в конце своих показаний, где он поведал о своих личных встречах с Арсеном Люпеном, он дважды отвлекся и нерешительно замолчал.

Было очевидно, что его мучит какая-то мысль. Судья обратился к нему:

— Если вам нездоровится, лучше прервать ваши показания.

— Нет, нет, вот только…

Он остановился, долго в упор смотрел на обвиняемого, потом сказал:

— Позвольте мне подойти к обвиняемому ближе. Тут кроется тайна, которую я должен раскрыть.

Он приблизился к нему, снова долго и весьма сосредоточенно его рассматривал, потом вернулся на место свидетеля и несколько торжественным тоном заявил:

— Господин судья, я утверждаю, что присутствующий здесь человек — не Арсен Люпен.

После этих слов воцарилась глубокая тишина.

Опешивший судья воскликнул:

— Что вы говорите? Вы с ума сошли?

Инспектор невозмутимо продолжал:

— На первый взгляд можно поддаться сходству, которое действительно существует, я это признаю. Но нужно лишь слегка присмотреться внимательнее. Нос, рот, волосы, цвет кожи… короче, это не Арсен Люпен. Например, глаза! Разве у него глаза как у алкоголика?

— Послушайте, давайте разберемся. Так что же конкретно вы, свидетель, подразумеваете?

— Откуда мне знать? Люпен подсунул нам вместо себя этого горемыку, которого должны были осудить и приговорить вместо него… Если только это не его сообщник…

Изо всех концов зала, взбудораженного таким неожиданным поворотом событий, доносились крики, смех, восклицания. Судья велел вызвать следователя, начальника тюрьмы Санте, надзирателей и объявил перерыв.

Когда заседание возобновилось, господин Бувье и начальник тюрьмы заявили, посмотрев на обвиняемого, что между этим человеком и Арсеном Люпеном имеется лишь весьма отдаленное внешнее сходство.

— Но в таком случае, — воскликнул судья, —

кто же такой этот человек? Откуда он взялся? Как попал в руки правосудия?

Пригласили двух надзирателей из тюрьмы Санте. Но их мнения поразительно отличались от предыдущих: они узнали заключенного, которого охраняли по очереди. Судья вздохнул с облегчением.

Но один из надзирателей продолжил:

— Да, да, мне кажется, это он.

— Что значит, вам кажется?

— Господи, да я почти не видел его лица. Мне передавали его вечером, а вот уже два месяца, как он лежал, постоянно отвернувшись к стене.

— А до того?

— До того он не занимал камеру двадцать четыре.

Начальник тюрьмы внес уточнение:

— После попытки побега заключенный был переведен в другую камеру.

— Но вы сами, господин начальник, видели его за эти два месяца?

— Нет, не довелось… Он вел себя спокойно.

— А присутствующий здесь человек — это не тот заключенный, которого вам вверили?

— Нет.

— Так кто же он?

— Не могу ответить.

— Получается, что два месяца назад произошла подмена, которую мы сейчас наблюдаем. Как вы можете это объяснить?

— Этого не могло случиться.

— Значит?..

В полном отчаянии судья повернулся к обвиняемому и произнес ободряющим тоном:

— Послушайте, обвиняемый, не могли бы вы объяснить нам, каким образом и как давно вы попали в руки правосудия?

Казалось, что доверительный тон рассеял недоверие или возымел действие на рассудок подсудимого. Он попытался ответить. Наконец, после умело заданных, осторожных вопросов, ему удалось выдавить из себя несколько фраз, из чего стало ясно следующее: два месяца назад его привезли в камеру предварительного заключения. Он провел там ночь и утро. У него ничего не нашли, кроме семидесяти пяти сантимов, и благополучно выпустили. Но в тот момент, когда он пересекал двор, двое жандармов схватили его под руки и посадили в тюремную машину. С тех пор он находился в камере 24, в общем-то, там не так плохо… кормят прилично… спать не мешают… Поэтому он и не протестовал…

Все это казалось невероятным. Под безудержный смех зала судья отложил дело, назначив дополнительное расследование.

Расследование незамедлительно установило факт, занесенный в тюремную книгу: восемь недель назад некто, именуемый Бодрю Дезире, провел ночь в Депо, в камере предварительного заключения. На следующее утро он был освобожден и покинул Депо в два часа пополудни. Однако в тот же самый день, ровно в два часа, Арсен Люпен вышел из кабинета следователя после своего последнего допроса и уехал в тюремной машине.

Неужели надзиратели допустили такую ошибку? Неужели сбитые с толку внешним сходством Люпена и Бодрю они по оплошности подменили заключенного из Санте этим человеком? Это воистину было бы тяжелейшим служебным нарушением, которое, принимая во внимание их должности, допустить было немыслимо.

Была ли подмена заранее подготовлена? Прежде всего, само место действия делало подобную операцию практически невозможной, к тому же Бодрю должен был быть сообщником Люпена и сознательно дать себя арестовать, чтобы занять его место. И каким же чудом в таком случае весь этот план, построенный исключительно на ряде

невероятных совпадений, случайных встреч и фантастических ошибок, мог быть так удачно осуществлен?

Сняли антропометрические данные Дезире Бодрю: карточки, соответствующей его описанию, в картотеке не оказалось. Впрочем, его следы нашлись без труда. Он был известен в Курбевуа, в Аньере, в Леваллуа. Жил подаяниями и ночевал в лачуге старьевщика, таких немало поблизости от заставы Терн[20]. Но вот уже год, как он исчез.

Неужели Арсен Люпен нанял его? Ничто не давало оснований предполагать это. И даже если бы это было действительно так, это никоим образом не проливало свет на побег заключенного. Тайна оставалась тайной. Ни одна из двух десятков гипотез не выдерживала проверки. Сам побег, пусть необъяснимый и эффектный, сомнений не вызывал: и правосудие, и люди неискушенные понимали, что это был результат длительной подготовки, цепочка загадочным образом связанных между собой действий, развитие которых подтвердило надменное пророчество Арсена Люпена: «Я не буду присутствовать на суде».

Целый месяц проводилось тщательное рас-

[20] Notes: 20

Застава Терн была возведена в Париже в 1843 г. во время строительства укреплений от площади Терн к мосту Нёйи.

следование, а тайна по-прежнему оставалась неразрешимой. Но нельзя же было бесконечно держать в заключении бедолагу Бодрю. Суд над ним выглядел бы пародией: какие обвинения можно ему предъявить? Следователь подписал постановление о его освобождении. Но начальник сыскной полиции распорядился вести за ним постоянное наблюдение.

Мысль эту подал ему Ганимар. По его мнению, в этом деле не было ни сообщников, ни случайностей. Бодрю оказался просто орудием в руках Люпена, которым тот и воспользовался с необыкновенной ловкостью. Когда Бодрю выйдет на свободу, он выведет полицию на Арсена Люпена или, по крайней мере, на кого-то из его подельников.

К Ганимару приставили еще двух инспекторов — Фолянфана и Дьези, и январским туманным утром перед Бодрю Дезире распахнулись ворота тюрьмы.

Сначала он выглядел слегка растерянным и вел себя как человек, который еще не знает, что будет делать дальше. Он двинулся по улице Санте и улице Сен-Жак.

Остановился перед лавкой старьевщика, снял пиджак и жилет, продал жилет, выручив несколь-

ко су, снова надел пиджак и направился дальше.

Он перешел на другой берег Сены. У площади Шатле его обогнал омнибус, он хотел было в него сесть, но там не оказалось свободных мест. Кондуктор посоветовал ему взять номер[21], и он зашел в зал ожидания.

В этот момент Ганимар подозвал к себе обоих агентов, не спуская глаз со здания станции, и торопливо распорядился:

— Остановите такси… Нет, два, так будет надежнее. Я сяду к одному из вас, и мы поедем следом за ним.

Агенты подчинились. Однако Бодрю не выходил. Ганимар подошел ближе — в зале никого не было.

— Какой же я кретин, — пробормотал он, — я забыл про второй выход.

И в самом деле, помещение этой станции соединялось внутренним коридором с другой, расположенной на улице Риволи. Ганимар кинулся туда. Он примчался как раз вовремя и успел

---

[21] Notes: 21

В соответствии с правилами Главной компании омнибусов, обслуживавшей в Париже тридцать один маршрут, пассажир должен был зайти в помещение станции и сообщить, куда он собирается ехать. В зависимости от направления он получал от контролера свой номер, который затем выкликал кондуктор соответствующего омнибуса, зайдя в помещение станции.

заметить Бодрю на империале омнибуса маршрута Батиньоль — Ботанический сад, который уже заворачивал за угол улицы Риволи. Инспектор бросился бежать и нагнал омнибус. Но потерял своих двух подручных. Теперь он должен был продолжать преследование один.

В ярости, чтобы разом со всем покончить, он чуть было не схватил Бодрю за шкирку. Разве не специально и весьма хитроумно этот якобы придурок оставил его без подкрепления?

Ганимар взглянул на него, тот дремал на скамейке: голова болталась из стороны в сторону, рот приоткрыт, а лицо выражало непроходимую глупость. Нет, не тот противник, чтобы обвести вокруг пальца старину Ганимара. Случайность, только и всего.

Возле Галери Лафайет Бодрю быстро пересел из омнибуса в трамвай, шедший в район Ля Мюэтт по бульвару Осман и авеню Виктора Гюго. Он вышел только на конечной станции и нетвердой походкой направился в сторону Булонского леса.

Он беспорядочно бродил по аллеям, возвращался назад, шел дальше. Что он искал? Была у него какая-то определенная цель?

Он слонялся так около часа и, казалось, изнемогал от усталости. И впрямь, завидев скамейку,

он плюхнулся на нее. Это место, неподалеку от пригорода Отей на берегу небольшого озера, скрытого среди деревьев, было совершенно пустынным. Прошло полчаса. Ганимар потерял терпение и решил сам завязать разговор.

Он подошел и уселся рядом с Бодрю. Зажег сигарету, стал чертить тростью круги на песке и произнес:

— Сегодня не жарко.

Молчание. И внезапно в тишине прозвучал смех, радостный, счастливый смех — так смеются дети в порыве неукротимого веселья, когда больше не в силах сдержаться. Явственно, физически Ганимар почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове. Этот смех, дьявольский смех, он слышал его столько раз!..

Он резко схватил Бодрю за лацканы пиджака и пристально, яростно стал вглядываться в его лицо — внимательнее, чем в зале суда: но теперь перед ним был вовсе не тот человек, которого он видел тогда. Нет, это все-таки был он, но… вместе с тем совсем другой, настоящий.

Он напряг все свое внимание и начал узнавать живые, пытливые глаза. Он всматривался в исхудавшее лицо, похожее на маску, видел, как из-под дряблой кожи начинает проступать истинная

плоть, а из-под перекошенных губ — нормальный рот. Это были глаза и рот другого человека, а главное — другое выражение лица: пытливое, живое, насмешливое, умное, такое открытое и юное!

— Арсен Люпен, Арсен Люпен, — бормотал он.

И внезапно, охваченный яростью, Ганимар вцепился ему в горло, пытаясь повалить на землю. Несмотря на свои пятьдесят лет, он все еще отличался недюжинной силой, тогда как его противник находился не в лучшей форме. К тому же какой его ждет триумф, если удастся снова засадить его за решетку.

Борьба продолжалась недолго. Арсен Люпен практически не защищался, но Ганимар отпустил его так же быстро, как и напал. Его правая рука повисла безжизненной плетью.

— Если бы на набережной Орфевр обучали борьбе дзюдо, — заявил Люпен, — вы бы знали, что этот прием называется по-японски «удэ-хисиги».

И холодно добавил:

— Еще секунда — и я бы сломал вам руку, а вы получили бы по заслугам. Как же вы, мой старинный друг, которого я так уважаю, кому, не раздумывая, раскрываю свое инкогнито, так могли злоупотребить моим доверием? Некрасиво…

Ну ладно, говорите, что там у вас?

Ганимар молчал. Он считал себя виновным в этом побеге — ведь он сам своим сенсационным заявлением ввел правосудие в заблуждение. Этот побег станет самым позорным пятном в его карьере. Слеза скатилась по седым усам.

— Господи, Ганимар, да не расстраивайтесь так! Если бы вы не заговорили, я бы подыскал кого-то другого. Послушайте, разве я мог бы допустить, чтобы осудили Бодрю Дезире?

— Выходит, — пробормотал Ганимар, — там были вы? И здесь тоже вы?

— Я, один я и только я.

— Но как это возможно?

— О, для этого вовсе не нужно быть чародеем. Достаточно, как заметил этот симпатяга-судья, лет десять тщательно готовиться и предусмотреть все возможные случайности.

— Но ваше лицо? Глаза?

— Вы же догадываетесь, что не из любви к искусству я полтора года проработал в больнице Сен-Луи у доктора Алтье? Я полагал, что тот, кто в один прекрасный день будет иметь честь назваться Арсеном Люпеном, должен преступить банальные законы природы, регулирующие внешний вид и идентичность индивида.

Внешний вид? Но его можно менять по своему усмотрению. Например, в результате простой подкожной инъекции парафина кожа набухнет в нужном вам участке. Пирогалловая кислота сделает вас похожим на индейца. Сок большого чистотела, если потребуется, разукрасит экземой и желваками. Одни химические вещества воздействуют на рост щетины и волос, другие — на тембр голоса. Добавьте к этому два месяца диеты в камере двадцать четыре, привычку склонять набок голову, горбиться и кривить рот, усвоенную тысячекратным повторением упражнений. Ну и наконец, если закапать в глаза пять капель атропина, взгляд станет растерянным и блуждающим, и дело в шляпе!

— Не могу представить себе, чтобы надзиратели…

— Метаморфоза происходила постепенно. Они не могли заметить ежедневных перемен.

— Ну а Бодрю Дезире?

— Бодрю существует. С этим ни в чем не повинным бедолагой я повстречался год назад, у меня с ним действительно есть некоторое внешнее сходство. Предвидя вероятность ареста, которую я никогда не исключаю, я отправил его в надежное укрытие и начал с того, что попытался опреде-

лить те черты, которыми мы явно отличаемся друг от друга, а затем постарался, насколько это возможно, сгладить их у себя. Мои друзья помогли ему провести ту ночь в камере предварительного заключения и постарались, чтобы мы с ним вышли оттуда в один и тот же момент, а также чтобы это совпадение во времени было зафиксировано. Обратите внимание, требовалось, чтобы обязательно остались какие-то следы его задержания, иначе правосудие задалось бы вопросом, кто же я такой… А вот если я подсуну им этого чудесного Бодрю, то слуги правосудия непременно уцепятся за него, слышите, непременно, и, несмотря на то что подменить заключенных практически невозможно, они скорее поверят в это, чем признают собственное невежество.

— Да, да, и впрямь, — шептал Ганимар.

— А кроме того, — воскликнул Арсен Люпен, — у меня на руках был беспроигрышный козырь, карта, которую я открыл в самом начале игры: все ждали моего побега. И вот совершена грубейшая ошибка — ее допустили и вы сами, и остальные: в этой захватывающей партии, разыгранной с правосудием, где ставкой была моя свобода, вы снова решили, что мною движет бахвальство, что я, как желторотый юнец, опьянен собственными

успехами. Неужели я, Арсен Люпен, настолько мелок? И снова, так же как в деле барона Каорна, вы не подумали: «Раз Арсен Люпен кричит на каждом углу, что он совершит побег, значит его на то вынуждают какие-то веские причины». Но черт побери, поймите же наконец: чтобы совершить побег, не совершая его, необходимо, чтобы все изначально свято в него уверовали, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения, чтобы это было ясно как день. И все произошло именно так, как я и задумал. Арсен Люпен сбежит, Арсен Люпен не будет присутствовать на суде! И когда вы встали и произнесли: «Присутствующий здесь человек — не Арсен Люпен», было бы просто невероятно, чтобы все в зале суда сразу же не поверили, что я — не Арсен Люпен. Но если хотя бы один человек в зале усомнился в этом и предположил: «А вдруг это все-таки Арсен Люпен?», в ту же минуту все было бы потеряно. Достаточно было взглянуть на меня с близкого расстояния, но не так, как это сделали вы и все остальные, — твердо веря в то, что я не Арсен Люпен, а допуская, что это все-таки может быть он, — и несмотря на все мои ухищрения, меня тут же бы опознали. Но я не волновался. С точки зрения логики и психологии никому не могла

прийти в голову такая здравая мысль.

Неожиданно он сжал руку Ганимара.

— Послушайте, Ганимар, сознайтесь, что через неделю после нашего разговора в тюрьме Санте вы ждали меня у себя дома в четыре часа, как я вас просил?

— А ваш тюремный фургон? — спросил Ганимар, уклоняясь от ответа.

— Чистый блеф! Мои друзья действительно подправили эту допотопную развалюху, уже списанную со службы, подменили ею настоящую и захотели рискнуть. Но я знал, что все может получиться, только если обстоятельства сложатся в нашу пользу. Я просто счел разумным довести до конца эту попытку побега и придать ей широкую огласку. Мой первый дерзко и заблаговременно спланированный побег придавал вероятность следующему.

— Выходит, сигара…

— Моих рук дело, так же как и полая рукоятка ножа.

— А записки?

— Их написал я.

— А таинственная корреспондентка?

— Мы с ней — одно лицо. Я могу, если захочу, имитировать любой почерк.

Ганимар минуту размышлял, потом возразил:

— Но каким же образом никто не заметил, что антропометрические данные Бодрю полностью совпадают с данными Арсена Люпена?

— Карточки Арсена Люпена просто не существует в природе.

— Скажете тоже!

— Либо она поддельная. Я подробно изучал этот вопрос. Система Бертильона[22] включает в себя визуальное описание, но, как вы успели заметить, она не безупречна, хотя туда входят измерения — головы, пальцев, ушей и т. д. Против них не поспоришь.

— Так как же тогда?

— Тогда пришлось заплатить. Еще до моего возвращения из Америки один из сотрудников антропометрической службы согласился помочь и вписал ложные данные в самом начале моего обмера. Этого достаточно, чтобы нарушить всю систему идентификации и поставить карточку в неправильный ящик, весьма отличный от того, где ей полагалось бы находиться. Таким образом, карточка Бодрю никоим образом не могла сов-

---

[22] Notes: 22

Бертильон Альфонс (1853–1914) — французский юрист, создатель системы идентификации преступников по их антропометрическим данным.

пасть с карточкой Арсена Люпена.

Снова воцарилась тишина, потом Ганимар спросил:

— А что вы теперь собираетесь делать?

— А теперь, — воскликнул Арсен Люпен, — я собираюсь отдыхать, усиленно питаться и мало-помалу становиться самим собой. Замечательно быть Бодрю или кем-то другим, менять свой облик, как перчатки, выбирать себе внешность, голос, взгляд и почерк. Но случается, что потом перестаешь узнавать себя, а это очень грустно. В данный момент я испытываю те же чувства, что и человек, лишившийся собственной тени. Я должен поискать… и найти себя.

Он прошелся взад и вперед. Начинало смеркаться. Он остановился перед Ганимаром:

— Нам больше нечего сказать друг другу, ведь так?

— Почему же, — ответил инспектор, — мне хотелось бы знать, раскроете ли вы тайну своего побега… Расскажете ли о моей ошибке…

— О нет, никто никогда не узнает, как отпустили Арсена Люпена. Я слишком заинтересован в том, чтобы мое имя было окутано непроницаемой тайной, и хочу, чтобы мой побег по-прежнему воспринимался почти как чудо. Поэтому не вол-

нуйтесь, дружище, и прощайте. Сегодня вечером я ужинаю в городе и должен успеть переодеться.

— А я-то полагал, что вы мечтаете об отдыхе!

— Увы, существуют светские обязательства, от которых невозможно отказаться. Отдых начнется с завтрашнего дня.

— А где же вы ужинаете сегодня?

— В английском посольстве.

Таинственный пассажир

Накануне мой автомобиль должны были перегнать в Руан. Сам же я собирался добираться туда по железной дороге, откуда, уже на машине, поехать навестить друзей, живущих на берегу Сены.

Однако в Париже за несколько минут до отхода поезда в мое купе набилось семеро мужчин, пятеро из них курили. И хотя поездка в Руан на экспрессе продолжается недолго, перспектива оказаться в подобном обществе вызывала у меня внутренний протест, к тому же в нашем вагоне допотопной конструкции вообще не было коридора. Я взял свое пальто, железнодорожный справочник, собрал газеты и перешел в соседнее купе.

Там сидела всего одна дама. При моем появлении она сделала протестующий жест, который от меня не укрылся, и высунулась в окно, там на подножке стоял господин, вероятно муж, который провожал ее на вокзал. Господин оглядел меня и, похоже, вынес положительный вердикт, поскольку он что-то с улыбкой шепнул жене —

так обычно успокаивают испуганных детей. Она тоже улыбнулась, бросила на меня доброжелательный взгляд, словно внезапно осознав, что я отношусь к тем галантным джентльменам, с которыми женщина может оставаться взаперти два часа кряду в крохотной клетушке площадью шесть квадратных футов и при этом ничего не опасаться.

Муж сказал ей:

— Дорогая, ты не обидишься? У меня срочная встреча, я должен идти.

Он нежно поцеловал ее и ушел. Она украдкой посылала ему через окно воздушные поцелуи и махала платочком.

Раздался свисток, и поезд тронулся.

В этот момент, несмотря на протесты дежурных на перроне, открылась дверь в наше купе, и на пороге появился мужчина. Моя спутница, которая укладывала свои вещи в багажную сетку, вскрикнула от ужаса и упала на сиденье.

Я совсем не из трусливых, но, признаюсь, подобные появления «под занавес» всегда неприятны. Они выглядят какими-то заранее подстроенными, подозрительными. Что-то тут скрыто, иначе зачем же…

Однако внешний вид и манеры нового попутчи-

ка в целом сглаживали неприятное впечатление от его вторжения. Весьма корректен, почти элегантен — галстук в хорошем вкусе, свежие перчатки, энергичное лицо… Но, в самом деле, где я уже его видел? Потому что сомневаться было невозможно, я действительно его где-то видел. Во всяком случае, я рылся в своей памяти — ведь в ней все равно что-то должно было осесть: так бывает, когда тебе много раз попадается изображение одного и того же человека, даже если ты никогда не встречал его в жизни. Но в то же время я понимал, что все мои ментальные усилия тщетны, настолько нечетким и расплывчатым было это воспоминание.

Но, переключив свое внимание на даму, я был просто потрясен — она страшно побледнела, черты ее лица исказились. Она смотрела на соседа по купе — они сидели рядом — с выражением настоящего ужаса, и я заметил, что дрожащей рукой она тянется к своему небольшому ридикюлю, лежавшему в двадцати сантиметрах от ее колен на сиденье. Наконец она дотянулась до него и нервным движением прижала к себе.

Наши взгляды встретились, в ее глазах я прочел такое волнение и боль, что не сдержался и спросил:

— Вам нездоровится, мадам?.. Может быть, открыть окно?

Не отвечая, она опасливым кивком указала на нашего попутчика. Я улыбнулся в точности как ее муж, пожал плечами и знаками постарался объяснить ей, что бояться нечего, что я здесь и что господин этот вполне миролюбив с виду.

В эту минуту он повернулся к нам, поочередно оглядел с ног до головы, потом забился в свой угол и больше не шевелился.

Наступило молчание, но дама, словно собрав последние силы, чтобы совершить безрассудный поступок, произнесла еле слышно:

— Вы знаете, кто едет в нашем поезде?

— Кто?

— Это он, он… Уверяю вас.

— Кто он?

— Арсен Люпен!

Она не сводила с него глаз, и звуки этого пугающего имени скорее были адресованы ему, чем мне.

Он сдвинул шляпу на нос. Пытался ли он скрыть свое замешательство или просто приготовился поспать?

Я заметил:

— Арсена Люпена вчера заочно приговорили

к двадцати годам каторги. Вряд ли он сегодня будет настолько неосторожен, что покажется на людях. К тому же ведь газеты сообщали утром, что всю зиму, с тех пор как он совершил свой сенсационный побег из тюрьмы Санте, он находится в Турции.

— Он в этом поезде, — повторяла дама с явным намерением, чтобы наш спутник ее услышал, — мой муж — заместитель начальника пенитенциарной администрации, и сам начальник вокзала сказал ему, что Арсен Люпен в розыске.

— Но это не значит…

— Его видели у касс. Он купил билет в вагон первого класса до Руана.

— Почему же его не задержали?

— Он исчез. Контролер на входе в зал ожидания его больше не видел, но, скорее всего, он вышел на пригородную платформу, а потом сел в экспресс, который отходил через десять минут после нашего.

— Ну тогда его точно схватят.

— А что, если в последний момент он выпрыгнул из того экспресса и пересел в наш? Это вполне вероятно… это возможно…

— Тогда его схватят здесь. Наверняка служащие и жандармы не оставили незамеченным его пе-

реход из поезда в поезд, и, когда мы прибудем в Руан, там его уж точно сцапают.

— Его? Никогда в жизни! Он найдет какой-нибудь способ и снова сбежит!

— В таком случае я желаю ему счастливого пути!

— Но тем временем он успеет такое вытворить…

— Что именно?

— Откуда мне знать? Нужно быть готовыми ко всему.

Она была крайне взволнована, но, впрочем, сложившаяся ситуация в какой-то мере оправдывала ее нервное возбуждение. Почти не задумываясь, я произнес:

— И впрямь есть некоторые любопытные совпадения… Но успокойтесь, даже если допустить, что Арсен Люпен едет в одном из вагонов, то, скорее всего, он будет вести себя крайне осторожно, не станет провоцировать новые неприятности, а просто постарается избежать грозящей ему опасности.

Увы, мои слова вовсе ее не успокоили. Но она все же замолчала, боясь показаться назойливой.

Я развернул газеты и просмотрел репортажи о процессе Арсена Люпена. Поскольку в них не

содержалось ничего нового, интереса они почти не представляли. К тому же я устал, плохо выспался и чувствовал, как тяжелеют веки, а голова клонится на грудь.

— Но, месье, вы же не станете спать?

Дама вырвала у меня из рук газету и с негодованием смотрела на меня.

— Разумеется, нет, — ответил я, — не имею никакого желания.

— Это было бы крайне неосторожно, — сказала она.

— Крайне… — повторил я.

Я стоически боролся со сном, всматривался в пейзажи за окном, в тучи, бороздившие небо. Но скоро все это перемешалось в голове, образ разгневанной дамы и дремавшего господина стерлись из моего сознания, и меня охватила огромная, бездонная тишина, какая бывает только во сне.

Скоро ее оживил неглубокий бессвязный сон, в нем действовал странный человек по имени Арсен Люпен. Он скрывался за горизонтом, унося на плечах ценные вещи, проходил сквозь стены и грабил замки.

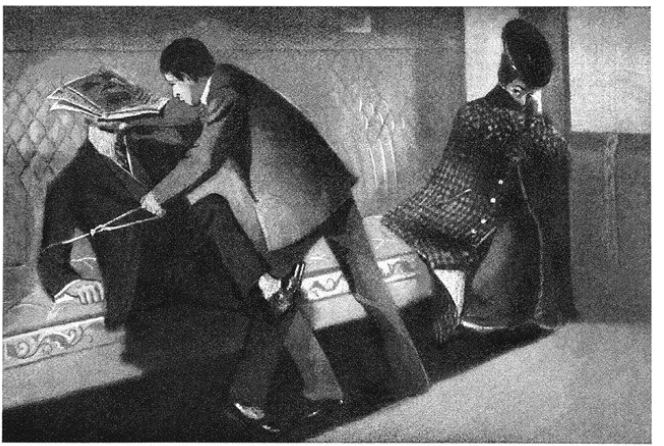
Потом силуэт этого человека, который, впрочем, уже не был Арсеном Люпеном, стал четче. Он

двигался по направлению ко мне, увеличиваясь в размерах, с невероятной ловкостью запрыгнул в вагон и опустился прямо мне на грудь.

Острая боль… душераздирающий крик… Я проснулся. Мужчина, наш сосед по купе, придавив мне коленом грудь, сжимал мое горло.

Все это я видел весьма расплывчато, поскольку глаза у меня налились кровью. Я также видел даму, которая в нервическом припадке билась в судорогах в углу купе. Я даже не пытался сопротивляться. Впрочем, на это у меня не хватило бы сил: в висках стучало, я задыхался и хрипел… Еще минута — и все будет кончено.

Наверное, мужчина понял это. Он ослабил хватку. Не отпуская меня, он правой рукой схватил приготовленную веревку с затяжной петлей и ловко связал мне запястья. За одну минуту я оказался скручен и обездвижен, с кляпом во рту.



Он осуществлял эти действия абсолютно естественно, с легкостью, в которой чувствовалось мастерство профессионального грабителя и преступника. Ни единого лишнего слова, ни одного поспешного движения. Только хладнокровие и отвага. А я сидел тут же на кресле, спеленатый как мумия, это я-то, Арсен Люпен!

По правде сказать, было над чем посмеяться. Но несмотря на драматизм случившегося, я не мог не отметить всю комичность и пикантность ситуации. Арсена Люпена провели как новичка. Обчистили, как простофилю, — поскольку бандит, разумеется, освободил меня от портмоне и бумажника! Арсен Люпен попался, как простой смертный, одурачен, побежден… Ну и приключение!

Оставалась дама. Но на нее он не обращал никакого внимания. Он только поднял с ковра ее ридикюль и извлек оттуда драгоценности, кошелек, золотые и серебряные безделушки. Дама приоткрыла один глаз, задрожала от ужаса, сняла свои кольца и протянула их мужчине, словно хотела избавить его от лишних усилий. Он взял кольца и взглянул на нее: она тут же упала без чувств.

Тогда, по-прежнему молча и невозмутимо, словно забыв про нас, он вернулся на свое место, зажег сигарету и предался подробному изучению завоеванных им сокровищ. Казалось, он остался полностью удовлетворен увиденным.

Я же был удовлетворен куда меньше. Я не имею в виду двенадцать тысяч франков, которые у меня умыкнули, я считал, что это временная по-

теря, и предполагал, что деньги вернутся ко мне в ближайшем будущем, как и весьма важные документы, находившиеся в бумажнике: проекты, расчеты, адреса, списки корреспондентов, компрометирующие письма. Но в данный момент мною владело более серьезное и сиюминутное беспокойство: что же произойдет дальше?

Как вы понимаете, ажиотаж, вызванный моим появлением на вокзале Сен-Лазар, не ускользнул и от моего внимания. Поскольку я был приглашен к друзьям, где фигурировал под именем Гийом Берла, а мое сходство с Арсеном Люпеном служило для них поводом для шуток, то я не мог как следует загримироваться, поэтому меня и узнали. К тому же увидели, как какой-то мужчина, наверняка Арсен Люпен, торопится на скорый поезд. Значит, нет сомнения, что комиссар руанской полиции, которого известили телеграммой, непременно будет присутствовать при прибытии поезда, допрашивать подозрительных пассажиров, а затем тщательно осмотрит каждый вагон.

Я все это предвидел и не слишком волновался по этому поводу, будучи уверенным, что руанская полиция не превосходит проницательностью парижскую и я смогу пройти незамеченным — ведь на выходе достаточно будет показать мое удосто-

верение депутата, которое уже внушило полное доверие контролеру на вокзале Сен-Лазар. Но как резко все изменилось! Я потерял свободу. Теперь невозможно проделать ни один из моих привычных трюков. И скоро комиссар обнаружит в поезде Арсена Люпена, так удачно оказавшегося связанным по рукам и ногам, смиренного, как агнец божий, полностью упакованного и готового к задержанию. Комиссару останется только получить товар, как получают на вокзале посланный на ваше имя груз, корзину с дичью или овощами и фруктами.

Но как же мне, скованному путами, избежать ужасной развязки?

А скорый поезд мчался мимо Вернона и Сен-Пьера прямо к Руану — последней и единственной остановке.

Меня занимала другая проблема. И хотя она касалась меня не столь непосредственно, но ее решение будоражило мое профессиональное любопытство. Интересно, какие же намерения вынашивает мой спутник?

Будь мы с ним наедине в купе, он бы успел спокойно выйти в Руане. Но как быть с дамой? Едва откроется дверь вагона, как дама, сейчас спокойная и смиренная, начнет кричать, метать-

ся, призывать на помощь!

Потому-то я был удивлен. Почему он не обрек ее на такую же неподвижность, как меня, ведь этим он выиграл бы время и мог бы скрыться до того, как обнаружится его двойное злодеяние?

Он по-прежнему курил, устремив свой взор в пространство, где начинал накрапывать робкий дождик, рассекая косыми штрихами оконное стекло. Но один раз он все же повернулся, схватил мой железнодорожный справочник и стал что-то в нем искать.

Дама же изо всех сил пыталась изображать обморок, дабы усыпить бдительность противника. Но судорожный кашель, вызванный табачным дымом, раскрывал ее обман.

Мне же было очень не по себе, все тело ломило. И я думал… просчитывал варианты…

Пон-де-л'Арш, Уазель… Наш экспресс радостно мчался на всех парах, словно опьянев от скорости.

Сент-Этьен… В эту минуту мужчина встал и сделал два шага в мою сторону, на что дама поспешила отреагировать новым криком и снова лишилась чувств, но на сей раз по-настоящему.

Но какую же цель он преследует? Он опустил окно с нашей стороны, дождь теперь хлестал изо

всех сил, и у него вырвался жест досады — ведь при нем не было ни зонта, ни плаща. Он бросил взгляд на багажную сетку, там лежал зонтик, принадлежавший даме. Он забрал его, а заодно прихватил мое пальто и надел его.

Пересекали Сену. Он закатал брюки, высунулся и отодвинул наружную задвижку дверцы купе.

Неужели он спрыгнет прямо на рельсы? На такой скорости — это явная гибель. Поезд вошел в тоннель, прорытый под холмом Сен-Катрин, мужчина приоткрыл дверцу и поставил ногу на верхнюю ступеньку. Какое безумие! Темнота, дым, грохот — его попытка закончится катастрофой. Но внезапно поезд замедлил ход, тормоза Вестингауза[23] сдерживали движение колес. За минуту скорость резко снизилась, потом почти сошла на нет. Было очевидно, что в этой части тоннеля уже несколько дней ведутся ремонтные работы, поэтому поезд должен был двигаться почти шагом, о чем наш попутчик был прекрасно осведомлен.

Ему оставалось лишь поставить на подножку вторую ногу, спуститься ниже и спокойно уда-

[23] Notes: 23

Вестингауз Джордж (1846–1914) — американский изобретатель и промышленник. В 1869 г. получил патент на пневматический железнодорожный тормоз, названный его именем.

литься, не забыв при этом запереть дверцу на внешнюю задвижку.

Не успел он скрыться, как показался дневной свет и паровозный дым превратился в белоснежный пар. Мы въезжали в долину. Еще один тоннель — и мы в Руане.

Едва моя попутчица пришла в себя, она стала сетовать на потерю драгоценностей. Я умоляюще смотрел на нее. Она поняла и вытащила изо рта душивший меня кляп. Она хотела было развязать веревки, но я остановил ее.

— Нет-нет, полиция должна увидеть все как есть. Им нужно знать то, что касается этого негодяя.

— Может быть, дернуть стоп-кран?

— Слишком поздно, следовало подумать об этом, когда он нападал на меня.

— Но он бы меня убил! Ах, месье, я же говорила, что он едет в нашем поезде! Я сразу узнала его по портрету. А теперь он скрылся с моими драгоценностями.

— Не волнуйтесь, его найдут.

— Арсена Люпена? Нет, это невозможно.

— Все зависит от вас, мадам. Послушайте. Как только мы прибудем, встаньте у двери и громко зовите на помощь. Сбегутся жандармы и дежур-

ные по станции. Расскажите им вкратце все, что вы видели: как на меня было совершено нападение, как Арсен Люпен сбежал. Опишете его — мягкая шляпа, зонт, кстати ваш, и серое приталенное пальто.

— Кстати, ваше, — заметила она.

— Что значит, мое? Нет, его собственное. Я был без пальто.

— А мне показалось, что, когда он вошел, он тоже был без пальто.

— Да что вы! А может быть, кто-то забыл это пальто в багажной сетке? Во всяком случае, ушел он в нем, и это главная примета — серое приталенное пальто, запомните… Ах да, совсем забыл, сразу же назовите свое имя. Положение вашего супруга вызовет прилив усердия у этих господ.

Они уже были рядом. Она наклонилась, открывая дверь. Я повторил чуть громче, но почти приказным тоном, чтобы мои слова врезались в ее память.

— Назовите им также мое имя — Гийом Берла. Если потребуется, скажите, что мы знакомы… Это сэкономит время. Нужно как можно скорее провести предварительное расследование… Главное — догнать Арсена Люпена… ваши драгоценности… Вы ведь хорошо запомнили? Гийом

Берла, приятель вашего мужа.

— Договорились… Гийом Берла.

Она уже звала на помощь, размахивала руками. Поезд еще не успел полностью остановиться, как к нам в купе уже поднимался какой-то господин, а следом за ним много других. Наступал решающий момент.

Дама закричала, с трудом переводя дыхание:

— Арсен Люпен… напал на нас… украл мои драгоценности… Я мадам Рено… мой муж — заместитель начальника пенитенциарной службы. Смотрите, а вот и мой брат, Жорж Ардель, директор Руанского кредита… вы наверняка его знаете…

Она обняла подошедшего к нам молодого человека, комиссар приветствовал его. Она продолжала в слезах:

— Да, Арсен Люпен… пока месье спал, он вцепился ему в горло… Месье Берла, приятель моего мужа.

Комиссар спросил:

— Так где же Арсен Люпен?

— Он спрыгнул с поезда в тоннеле, когда мы переехали Сену.

— Вы уверены, что это был он?

— Да, уверена! Я точно его узнала. Впрочем, его

видели на вокзале Сен-Лазар. Он был в мягкой шляпе…

— Нет, в шляпе из жесткого фетра, как эта, — сказал комиссар, указывая на мою.

— Нет, в мягкой шляпе, я утверждаю, — повторила мадам Рено, — и в сером приталенном пальто.

— Правильно, — пробормотал комиссар, — в телеграмме сказано: серое приталенное пальто с черным бархатным воротником.

— Именно так, с черным бархатным воротником, — торжествующе воскликнула мадам Рено.

Я облегченно вздохнул. Как мне повезло с такой храброй, замечательной попутчицей!

Тем временем жандармы освободили меня от пут. Я стал яростно кусать себе губы, потекла кровь. Я согнулся пополам, приложив к губам платок, как и подобает человеку, долгое время пребывавшему в неудобной позе, к тому же с явными кровавыми следами от кляпа, и сказал слабым голосом:

— Месье, никаких сомнений, это был Арсен Люпен… Если поторопиться, еще можно его поймать… Полагаю, что смогу быть вам полезен…

Отцепили наш вагон, поскольку он стал частью полицейского расследования. Состав проследовал

дальше в Гавр. Сквозь толпу зевак, заполнивших перрон, нас отвели в кабинет начальника вокзала.

В этот момент мною овладело сомнение. Я мог отойти, придумав какой-то предлог, отыскать свой автомобиль и сбежать. Промедление грозило мне опасностью. Случись что-то, скажем, придет телеграмма из Парижа — и я пропал.

Да, но как тогда быть с вором? Если положиться исключительно на собственные силы в этом не слишком знакомом мне месте, мне вряд ли удастся настичь его.

«Ну что ж, попытаем счастья и останемся! — сказал я себе. — Эта партия не из легких, но разыграть ее весьма забавно! Да и ставка того стоит!»

И так как нас попросили повторить показания, я воскликнул:

— Господин комиссар, пока что Арсен Люпен обогнал нас. Во дворе стоит мой автомобиль. Если вы окажете мне любезность и сядете в него, мы можем попытаться…

Комиссар с хитрым видом улыбнулся:

— Неплохая мысль… очень даже неплохая. Тем более что она уже приведена в исполнение.

— Неужели?

— Да, месье, двое моих агентов уже какое-то время назад отправились туда на велосипедах.

— Куда именно?

— К выезду из тоннеля. Там они поищут улики, опросят свидетелей и двинутся по следам Арсена Люпена.

Мне оставалось только пожать плечами.

— Ваши агенты не найдут ни улик, ни свидетелей.

— Вы так полагаете?

— Арсен Люпен постарается выбраться из тоннеля незамеченным. Он пойдет по первой же дороге, а оттуда…

— Оттуда в Руан, там-то мы его и схватим.

— Он не пойдет в Руан.

— Тогда останется в окрестностях, где мы его тем более…

— Он не останется в окрестностях.

— Правда? А где же он тогда спрячется?

Я вытащил часы:

— В настоящий момент Арсен Люпен бродит неподалеку от вокзала в Дарнетале. В десять пятьдесят, то есть через двадцать две минуты, он сядет в поезд, вышедший с Северного вокзала Руана по направлению к Амьену.

— Вы так считаете? А откуда вам это известно?

— О, это очень просто. В купе Арсен Люпен смотрел мой справочник с расписанием поездов. С какой целью? Он явно хотел узнать, нет ли неподалеку от того места, где он скрылся, другой железнодорожной ветки с вокзалом и не останавливается ли там какой-нибудь поезд? Я, в свою очередь, тоже взглянул на это расписание и сделал вывод.

— И вправду, месье, — сказал комиссар, — вы очень точно все рассчитали. Замечательная дедукция!

Но, увлекшись доказательствами, я допустил оплошность, продемонстрировав ему свою сообразительность. Он смотрел на меня с удивлением, и мне показалось, что у него закралось подозрение. Правда, весьма смутное, поскольку фотографии, разосланные повсюду полицией, были крайне несовершенны и на них Арсен Люпен выглядел совсем иначе, чем тот человек, который сидел перед ним. Опознать его было практически невозможно. Но тем не менее комиссар был растерян и непонятно почему обеспокоен.

Последовала пауза. Какое-то ощущение двусмысленности и странности происходящего мешало нам говорить. Я почувствовал холодок дрожи. Неужели ситуация обернется против ме-

ня? Взяв себя в руки, я рассмеялся:

— Господи, ничто так не ускоряет сообразительность, как потеря бумажника и желание вернуть его себе. И все-таки мне кажется, если бы вы разрешили двум своим полицейским сопровождать меня, мы бы втроем, возможно…

— О, прошу вас, господин комиссар, — воскликнула мадам Рено, — послушайте месье Берла.

Вмешательство моей прекрасной попутчицы оказалось решающим. Имя Берла, прозвучавшее из уст жены столь влиятельного человека, действительно стало моим и придавало мне ту подлинность, разрушить которую не могло ни одно подозрение. Комиссар поднялся:

— Месье Берла, поверьте, я буду весьма счастлив стать свидетелем вашего успеха. Я не меньше вашего заинтересован в аресте Арсена Люпена.

Он проводил меня до машины. В ней разместились двое полицейских, которых он мне представил: Оноре Массоль и Гастон Деливе. Я уселся за руль. Механик несколько раз повернул заводную ручку мотора, и через несколько секунд мы покинули вокзал. Я был спасен.

Должен признаться — когда мы ехали по бульварному кольцу, опоясывающему старинный

нормандский город, на моем «моро-лептоне»[24] мощностью в тридцать пять лошадиных сил, я испытывал известную гордость! Мотор размеренно гудел. Мимо, справа и слева от нас, проносились деревья. На свободе и вне опасности — мне только оставалось уладить мелкие личные дела с помощью двух достойных представителей правоохранительных органов. Арсен Люпен направлялся на поиски Арсена Люпена!

Скромные защитники общественного порядка Деливе Гастон и Массоль Оноре, какой бесценной оказалась для меня ваша помощь! Что бы я без вас делал! Сколько бы раз, не окажись вы рядом, я бы свернул не в ту сторону! Без вас один Арсен Люпен ошибся бы, а другой улизнул!

Но дело еще не было завершено. Предстояло еще немало: прежде всего поймать этого типа, а затем отобрать у него украденные документы. Ни за что на свете мои двое подручных не должны были сунуть нос в эти бумаги, а уж тем более заполучить их. Нужно было прибегнуть к их участию, но действовать в обход их, что было отнюдь не легко.

---

[24] Notes: 24

«Моро-Лептон» — марка автомобиля, выдуманная Морисом Лебланом. Прототипом, вероятно, послужил «Мерседес Фаэтон», мощностью 35 л. с.

В Дарнеталь мы прибыли спустя три минуты после отправления поезда. Правда, меня утешили сведения о том, что пассажир в сером приталенном пальто с черным бархатным воротником сел в вагон второго класса, предъявив билет до Амьена. Решительно, мой дебют в качестве полицейского оказался весьма многообещающим!

Деливе сказал мне:

— Это скорый поезд, он остановится теперь только через девятнадцать минут в Монтероль-Бюши. Если мы не попадем туда раньше Арсена Люпена, он сможет ехать дальше до Амьена или пересесть на поезд на Клер, а оттуда добраться до Дьеппа или Парижа.

— Сколько километров до Монтероль?

— Двадцать три.

— Двадцать три километра за девятнадцать минут… Мы будем там раньше его.

До чего же захватывающая гонка! Никогда еще мой верный «моро-лептон» не отвечал с такой горячностью и уверенностью на мое нетерпение. Мне казалось, что я управляю им силой собственной воли, без посредства рычагов и рукояток. Он разделял мои желания. Одобрял мое упорство. Понимал мою ненависть к этому негодяю Арсену Люпену. Мошеннику! Злодею! Смогу ли я взять

над ним верх? Сможет ли он в очередной раз посмеяться над властью, той самой властью, которую я сейчас воплощал?

— Направо! — кричал Деливе. — Налево!.. Прямо!..

Мы буквально парили над землей. Километровые столбы походили на мелких испуганных зверушек, разбегавшихся при нашем приближении.

И тут неожиданно на повороте дороге мы увидели облако пыли: «Северный экспресс».

На протяжении километра мы шли бок о бок, вели борьбу, неравную борьбу, исход которой был предсказуем. Мы обогнали его на двадцать корпусов.

За три секунды мы уже добежали до платформы, где останавливаются вагоны второго класса. Открылись двери. Вышло несколько человек, но моего вора среди них не было. Мы заглянули во все купе. Арсен Люпен исчез!

— Черт побери! — закричал я. — Он узнал меня, пока автомобиль шел параллельно с поездом, и выпрыгнул из вагона.

Начальник поезда подтвердил мою догадку. Он видел, как метрах в двухстах от вокзала какой-то человек скатился по насыпи.

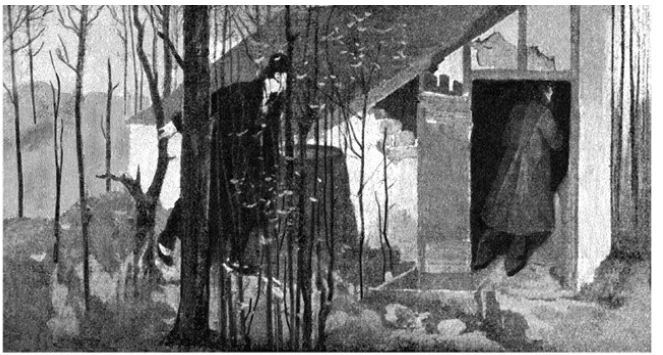
— Смотрите, он там, переходит железнодорожный переезд.

Я бросился туда, мои подручные за мной, вернее, только один из них, поскольку второй — Массоль — оказался отменным бегуном, быстрым и выносливым. Еще немного — и расстояние, отделявшее его от грабителя, чудесным образом сократилось. Тот заметил это, перескочил через перила и бросился к откосу, на который мгновенно взобрался. Теперь мы видели его издалека — он углублялся в небольшой лесок.

Когда мы туда добежали, Массоль уже поджидал нас. Он остановился, опасаясь, что мы потеряем друг друга.

— Поздравляю вас, дружище, — сказал ему я, — после такой гонки наш подопечный наверняка выдохся. Считайте, что он уже у нас на крючке.

Я осмотрелся, раздумывая, как же мне продолжить преследование одному, чтобы самому схватить беглеца и изъять то, что можно будет заполучить из рук правосудия лишь после долгих и неприятных дознаний. Затем вернулся к спутникам.



— Так, все очень просто. Вы, Массоль, станьте вот там, слева, а вы, Деливе, справа. Оттуда вы сможете вести наблюдение за дальним краем лесной полосы — тогда ему не выбраться незамеченным. Единственная возможность — уйти через тот овраг, но там уж займу свой пост я. Если он там спрячется и не выйдет, то я к нему спущусь и выгоню наружу по направлению к одному из вас. Вам остается только ждать. Да, совсем забыл, в случае тревоги — стреляем.

Массоль и Деливе разошлись по своим пози-

циям. Едва они скрылись из виду, я осторожно и бесшумно вошел в лесок, стараясь оставаться незамеченным. Это были густые невысокие заросли, посаженные для охоты и разделенные очень узкими тропинками, продвигаться по которым можно было лишь согнувшись, как по крытому лабиринту из зелени.

Одна из тропинок вела на опушку, где на мокрой траве виднелись человеческие следы. Я пошел по ним, пытаясь оставаться под прикрытием кустарника. Они привели к небольшому холму, увенчанному полуразвалившейся хибаркой, сооруженной из кусков штукатурки и других строительных отходов.

«Наверное, он там, — подумал я. — Отличная дислокация для наблюдения!»

Я пополз к хибарке. Легкий шорох выдал его присутствие. И действительно, через дыру в стене я увидел его, он стоял, повернувшись ко мне спиной.

Два прыжка — и я уже рядом. Он попытался направить на меня револьвер, который держал в руке. Но я не оставил ему времени, повалил на спину, предварительно заломив руки, так что он лежал и не мог пошевелиться, и при этом упирался коленом ему в грудь.

— Послушай, малыш, — сказал я ему на ухо, — я Арсен Люпен. Ты прямо сейчас любезно вернешь мне мой бумажник и ридикюль дамы… Тогда ты не попадешь в лапы полиции и войдешь в число моих друзей. Одно слово: да или нет?

— Да, — прохрипел он.

— Отлично. Ты ловко провернул утреннее дельце. Мы с тобой поладим.

Я поднялся. Он пошарил в кармане, достал оттуда большой нож и попытался меня ударить.

— Какой же ты дурак! — воскликнул я.

Одной рукой я отвел нож, другой нанес ему сильный удар, так называемый «хук в сонную артерию», в боковую часть шеи. Он свалился как подкошенный.

Я нашел в своем бумажнике деньги и документы. Из любопытства заглянул в его бумажник и на адресованном ему конверте прочел его имя: Пьер Онфрей.

Я вздрогнул. Пьер Онфрей, убийца с улицы Лафонтена в Отей! Пьер Онфрей, который задушил мадам Дельбуа и двух ее дочерей. Я наклонился над ним. Да, то самое лицо; тогда, в купе, мне показалось, что я уже где-то его видел.

Но время шло. Я положил в конверт две стофранковые купюры и визитную карточку, при-

писав на ней: «От Арсена Люпена — достойным коллегам Оноре Массолю и Гастону Деливе в знак благодарности». Положил конверт на видное место в центре комнаты. Рядом — ридикюль мадам Рено. Разве я мог не вернуть его своей прекрасной попутчице, которая пришла мне на помощь? Правда, должен признаться, я извлек оттуда все, представлявшее мало-мальский интерес, оставив лишь черепаховый гребень, тюбик красной губной помады «Дорен» и пустое портмоне. Черт возьми! Мы же деловые люди. И к тому же у ее мужа столь недостойное ремесло!..

Оставался мой вор. Он зашевелился. Что мне было делать? Я не мог ни спасти его, ни осудить.

Я обезоружил его и выстрелил в воздух из револьвера.

«Сейчас прибегут те двое, — подумал я, — вот пусть они и выкручиваются. Все будет так, как написано у него на роду».

И я быстро зашагал в обход по тропинке, которую заметил во время погони. Она привела меня прямо к автомобилю.

В четыре часа я отослал телеграмму в Руан друзьям, сообщив им, что непредвиденные обстоятельства помешали мне навестить их. Между нами говоря, я сильно подозреваю, что, учитывая

все то, что им теперь известно, мне придется отложить этот визит на неопределенный срок. Как же они будут разочарованы!

В шесть вечера я уже возвращался в Париж через Л'Иль-Адам, Энгьен и Порт-Бино.

В вечерних газетах я прочел сообщение, что Пьер Онфрей наконец-то задержан.

Назавтра — не стоит недооценивать достоинств хорошей рекламы — газета «Эко де Франс» опубликовала сенсационную заметку:

> Вчера в окрестностях Бюши в результате ряда попыток Арсен Люпен произвел задержание Пьера Онфрея. Незадолго до этого в поезде, следовавшем по маршруту Париж – Гавр, убийца с улицы Лафонтена ограбил мадам Рено, супругу заместителя начальника пенитенциарной администрации. Арсен Люпен вернул мадам Рено ее ридикюль с драгоценностями и щедро отблагодарил двух агентов Сюрте, помогавших ему в ходе этого драматического ареста.

Ожерелье королевы

Два или три раза в году по случаю больших торжеств, таких как бал в австрийском посольстве или прием у леди Билингстон, графиня де Дрё-Субиз украшала свои роскошные плечи ожерельем королевы.

Это было то самое знаменитое и легендарное колье, которое придворные ювелиры Бомер и Бассанж изготовили для Дюбарри[25]. Говорят, что кардинал де Роган-Субиз[26] подарил его королеве Франции Марии Антуанетте, а авантюристка Жанна де Валуа, графиня де Ламотт, вместе с мужем и их сообщником Рето де Вийетом как-то февральским вечером 1785 года разобрала его на части.

По правде говоря, подлинной в ожерелье была лишь оправа. Рето де Вийет сохранил ее, а супруги де Ламотт промотали варварски вырванные оттуда изумительные камни, с таким тщанием

---

[25] Notes: 25

Дюбарри Жанна (1743–1793) — графиня, фаворитка французского короля Людовика XV.

[26] Notes: 26

Очевидно, речь идет о Рогане Луи Рене, принце де Роган-Субиз (1734–1803) — князе-кардинале, епископе Страсбурга.

отобранные Бомером. Позднее в Италии Рето де Вийет продал оправу Гастону де Дрё-Субиз, племяннику и наследнику кардинала, спасшему его от разорения во время скандального банкротства семейства Роган-Гемене[27], а тот в память о дяде выкупил несколько бриллиантов, остававшихся в собственности английского ювелира Джефриса, добавил к ним другие, гораздо менее ценные, но схожие по величине, и таким образом сумел восстановить изумительное ожерелье королевы в том виде, в каком оно вышло из рук Бомера и Бассанжа.

В течение почти целого столетия поколения Дрё-Субиз оставались гордыми обладателями этого исторического сокровища. И хотя различные обстоятельства мало-помалу истощали их состояние, они были готовы скорее вести более скромный образ жизни, чем расстаться с драгоценной королевской реликвией. В частности, нынешний граф дорожил ею так, как дорожат родовым гнездом. Из предосторожности он снял сейф в Лионском кредите и хранил там ожерелье.

---

[27] Notes: 27

Бароны Роган-Гемене носили фамильное имя Людовик (Луи) с прибавлением порядкового номера. Банкротство их рода произошло в 1782 г. по вине князя Анри-Луи-Мари де Рогана и его супруги, их долги достигли 33 млн ливров.

Он сам шел за ним в тот день, когда жена собиралась надеть его на выход, а на следующее утро собственноручно клал его обратно в сейф.

В тот вечер графиня блистала на приеме в Кастильском дворце[28], и король Кристиан[29], в честь которого был устроен этот праздник, отметил ее дивную красоту.

Камни струились вокруг грациозной шеи. Бриллианты искрились тысячами граней и переливались в лучах света. Казалось, никто, кроме графини, не мог с такой легкостью и благородством носить на себе столь весомое украшение.

Это был двойной триумф. Граф де Дрё сполна им насладился и был весьма доволен собой, когда они вернулись домой, в свой старинный особняк в предместье Сен-Жермен, и вошли в спальню. Он гордился женой не меньше, чем драгоценным ожерельем, приносившим славу уже четырем поколениям его предков. Его супруга испытывала искренний восторг, что полностью соответство-

---

[28] Notes: 28

В 1864 г. богатый русский дворянин Александр Базилевски построил дворец на авеню Руа де Ром (позднее — авеню Клебер) и продал его в 1868 г. герцогу де Сю. Тот назвал его Кастильским дворцом (Palacio Castilla), поскольку он предназначался для Изабеллы II Испанской, королевы в изгнании.

[29] Notes: 29

Видимо, имеется в виду король Дании Кристиан IX (1818–1906), правивший страной с 1863 г. вплоть до своей смерти.

вало ее надменному нраву.

С некоторым сожалением она сняла колье и протянула его мужу. Тот с восхищением оглядел его, словно видел впервые. Потом положил в красный кожаный футляр, украшенный гербом кардинала, и вошел в кладовую, вернее, небольшой альков, полностью изолированный от спальни: вход в него находился в изножье кровати. Как обычно, он спрятал футляр на высокой полке среди шляпных коробок и стопок белья. Закрыл дверь и разделся.

Утром он встал в девять часов, намереваясь отправиться до завтрака в банк. Оделся, выпил чашку кофе и спустился в конюшню. Отдал приказания. Его беспокоила одна из лошадей. Он велел, чтобы ее провели перед ним во дворе шагом и рысцой. Потом вернулся к жене.

Она еще не выходила из комнаты, горничная причесывала ее. Она спросила мужа:

— Вы куда-то идете?

— Да… по этому делу…

— Ах да, конечно. Так разумнее.

Он зашел в кладовую. Но через несколько секунд спросил, впрочем, без малейшего удивления в голосе:

— Дорогая, вы взяли его?

Она ответила:

— Что? Да нет же. Я ничего не брала.

— Вы его переложили куда-то?

— Вовсе нет… Я вообще туда не заходила.

Он появился на пороге с изменившимся лицом и еле слышно прошептал:

— Вы не брали?.. Это не вы?.. Значит…

Она подбежала, и они стали лихорадочно рыться на полке, сбрасывая на пол шляпные коробки и разваливая стопки белья. Граф твердил:

— Бесполезно… Все это абсолютно бесполезно… Я его положил сюда, вот на эту полку.

— А вдруг вы ошибаетесь?

— Нет, абсолютно точно — на эту, а не на другую.

Они зажгли свечку, поскольку в кладовой было темно, и сняли с полки все, что на ней лежало. И когда полка опустела, были вынуждены признать в полном отчаянии, что знаменитое ожерелье королевы на золотой цепи исчезло.

Графиня, решительная от природы, не теряя времени на пустые стенания, поставила в известность комиссара Вальроба, в чьей мудрой проницательности и прозорливости они уже имели возможность убедиться. Его подробно проинформировали о случившемся, и он сразу же спросил:

— А вы уверены, господин граф, что никто не

мог проникнуть ночью в вашу спальню?

— Абсолютно уверен. Я очень чутко сплю. Более того, дверь этой комнаты заперта на задвижку. Утром, когда жена вызвала горничную, я собственноручно ее отодвинул.

— А не существует ли другой возможности попасть в кладовую?

— Нет.

— Там нет окна?

— Есть, но оно заделано.

— Я бы хотел в этом убедиться…

Зажгли свечи, и господин Вальроб тут же отметил, что окно лишь наполовину закрыто придвинутым к нему шкафом, который к тому же не касается вплотную оконной рамы.

— Но он стоит достаточно близко, — заметил месье де Дрё, — невозможно отодвинуть его бесшумно.

— А куда выходит окно?

— Во внутренний дворик.

— Это ведь не последний этаж?

— Нет, над ним еще два. Но на уровне этажа, где живут слуги, дворик огорожен сеткой с мелкими ячейками. Поэтому здесь так мало дневного света.

Когда отодвинули шкаф, то обнаружили, что

окно заперто, это означало, что в дом никто не залез снаружи.

— Разве что, — заметил граф, — этот некто вышел через нашу спальню.

— Но в этом случае задвижка на двери не была бы закрыта изнутри.

Комиссар мгновенье размышлял, потом повернулся к графине:

— Знал ли кто-то из вашего окружения, мадам, что вы вчера вечером собирались надеть это ожерелье?

— Разумеется. Я этого не скрывала. Но никто не знает, что мы прячем его в этой кладовой.

— Никто?

— Никто… Вот только…

— Прошу вас, мадам, уточните. Это весьма важно.

Она обратилась к мужу:

— Я подумала об Анриетте.

— Анриетта? Но она этого не знает, так же как и все остальные.

— Ты уверен?

— О ком вы говорите? — спросил господин Вальроб.

— Подруга по монастырю, она поссорилась с родными из-за того, что вышла замуж за просто-

людина. Когда ее муж умер, я приютила ее вместе с сыном и отвела им квартиру в нашем особняке.

И добавила в замешательстве:

— Она мне кое в чем помогает. У нее золотые руки.

— На каком этаже она живет?

— На нашем, недалеко отсюда… в конце коридора… Кроме того, я подумала, что… окно ее кухни…

— Выходит в тот же дворик, не так ли?

— Да, как раз напротив нашего.

После этого заявления наступило молчание.

Затем месье Вальроб попросил, чтобы его проводили к Анриетте.

Она шила, а ее сын Рауль, мальчуган лет шести-семи, читал, примостившись рядом. Комиссар был несколько удивлен, увидев, как скудно обставлена ее квартирка, состоявшая из одной комнаты без камина, и клетушки, служившей кухней, и приступил к допросу. Казалось, она была потрясена, узнав о краже. Накануне вечером она сама помогала графине одеваться и застегнула колье у нее на шее.

— Боже праведный! — воскликнула она. — Невозможно даже представить!

— И вы никого не подозреваете? Ведь есть ве-

роятность, что преступник проходил через вашу комнату.

Она от души рассмеялась, ей даже в голову не пришло, что ее могли заподозрить в содеянном:

— Так я даже из комнаты не выходила! Я ведь никогда никуда не хожу. А потом, взгляните…

Она открыла окно клетушки.

— Отсюда не меньше трех метров до карниза напротив.

— А кто вам сказал, что мы рассматриваем возможность совершения кражи оттуда?

— Но… ведь ожерелье хранилось в кладовой?

— Откуда вам это известно?

— Господи! Я всегда знала, что его кладут туда на ночь… Это упоминали при мне…

Ее еще юное лицо, уже отмеченное печатью горя, выражало кротость и смирение. Однако внезапно в общей тишине на ее лице вдруг появилось выражение тревоги, словно ей грозила какая-то опасность. Она прижала к себе сына. Ребенок взял ее руку и нежно поцеловал.

— Надеюсь, — сказал господин де Дрё комиссару, когда они остались наедине, — что ее-то вы не подозреваете? Я готов за нее поручиться. Это сама порядочность.

— Да, я полностью разделяю ваше мнение, — за-

верил его господин Вальдроб. — Скорее я полагал, что речь может идти о невольном соучастии. Но признаюсь, что и от этой версии приходится отказаться… К тому же это никак не проясняет загадку, над которой мы бьемся.

Комиссар не стал вести расследование дальше, он передал дело следователю, а тот продолжал его в течение еще нескольких дней. Допросили слуг, проверили все замки, открывали и закрывали окно кладовой, снизу доверху обследовали дворик… Все напрасно. Замок оказался нетронут. Окно нельзя было ни открыть, ни закрыть снаружи.

И все-таки расследование так или иначе все время возвращалось к Анриетте. Была тщательно изучена ее жизнь и установлено, что за все три года она только четыре раза покидала особняк — и все четыре раза ходила за покупками, что было легко проверить и подтвердить. На самом деле она выполняла функции горничной и портнихи мадам де Дрё, которая была к ней особенно придирчивой, о чем сообщали все слуги, прося не выдавать их.

— Впрочем, — сказал следователь, который за неделю пришел к тем же выводам, что и комиссар, — даже знай мы, кто совершил кражу, а нам это неизвестно, мы все равно оставались бы в

неведении, каким способом она была совершена. С обеих сторон препятствия — закрытые окно и дверь. Двойная загадка! Как можно было войти внутрь и как, что еще сложнее, выйти наружу, оставив запертой изнутри дверь и закрытое окно?

После четырехмесячных усилий следователь пришел к такому заключению, хотя и не стал его оглашать: супруги де Дрё, испытывавшие денежные затруднения, причем немалые, продали ожерелье королевы. И дело было закрыто.

Кража драгоценного ожерелья нанесла семейству Дрё-Субиз заметный удар, последствия которого еще долго были ощутимы. Их кредит больше не поддерживался принадлежавшим им сокровищем, и теперь они имели дело с более требовательными кредиторами и менее покладистыми заимодавцами. Им пришлось действовать решительно: что-то продать, что-то заложить. Все закончилось бы полной катастрофой, если бы не спасительные крупные наследства, оставленные очень кстати двумя дальними родственниками.

Также пострадала их гордость, ведь была запятнана их фамильная честь. И, как это ни странно, графиня винила во всем свою старинную подругу по пансиону. В ней вспыхнула настоящая злоба

к Анриетте, она открыто обвиняла ее в случившемся. Сначала ее переселили на этаж к слугам, а потом без предупреждения выгнали на улицу.

А жизнь тихо и мирно текла своим чередом. Супруги много путешествовали.

И только один факт, относящийся к этому времени, заслуживает внимания. Несколько месяцев спустя после выдворения Анриетты графиня получила от нее письмо, повергшее ее в изумление:

> *Мадам,*
>
> *даже не знаю, как мне Вас благодарить. Ведь это послали мне Вы? Конечно, это могли сделать только Вы. Кроме Вас, ни одна живая душа не знает о моем уединении в этой деревушке. Если я ошибаюсь, простите меня, но в любом случае примите заверения в моей благодарности за Вашу былую доброту…*

Что она имела в виду? Нынешняя и былая доброта графини по отношению к Анриетте сводилась ко многим несправедливым поступкам. Что означало это ее изъявление благодарности?

Когда от Анриетты потребовали разъяснений, она ответила, что получила не заказное и не

ценное, а простое почтовое отправление, а в нем две тысячефранковые купюры. На конверте, который она приложила к своему письму, стоял штамп Парижа и был написан только ее адрес явно измененным почерком.

Откуда взялись эти две тысячи франков? Кто послал их? Следствие попыталось установить это. Но напасть на след в этих потемках оказалось невозможно.

То же самое повторилось двенадцать месяцев спустя. Потом в третий раз и в четвертый; так происходило ежегодно в течение шести лет, с той только разницей, что на пятый и шестой год сумма была удвоена, и это дало возможность внезапно заболевшей Анриетте позволить себе должное лечение.

И еще одно отличие: поскольку почтовое начальство задержало отправление одного из писем под предлогом незаявленной ценности, то два последних были посланы в соответствии с требованиями: первое со штампом Сен-Жермена, второе — Сюрена. Отправитель подписался сначала «Анкети», потом «Пешар». Указанные адреса оказались несуществующими.

По прошествии шести лет Анриетта умерла. Тайна так и осталась неразгаданной.

Все эти обстоятельства получили широкую огласку. Дело попало в разряд историй, будораживших общественное мнение, и необычная участь знаменитого ожерелья, взволновавшая Францию в конце XVIII века, вызывала не меньше эмоций даже столетие спустя. Но то, что я здесь скажу, не известно никому, за исключением главных заинтересованных лиц и нескольких посвященных, поклявшихся хранить тайну. Вполне вероятно, что не сегодня завтра они нарушат свое слово, поэтому я без зазрения совести снимаю завесу с тайны, одновременно даю ключ к разгадке и разъясняю смысл письма, опубликованного в позавчерашних утренних газетах, — необыкновенного письма, которое вносит, если такое вообще возможно, еще больше таинственности и неясности в эту драму.

Это случилось пять дней назад. Среди приглашенных на обед к месье Дрё-Субиз были две его племянницы и кузина, а из мужчин — главный судья д'Эссавиль, депутат Боша, кавалер Флориани, которого граф знал по Сицилии, и генерал маркиз де Рузьер, старый друг семьи.

После обеда дамы перешли к кофе, а господа получили возможность выкурить по сигарете с условием оставаться в гостиной. Завязался общий

разговор. Потом одна из девушек забавы ради стала гадать по картам, предсказывая будущее. Затем речь зашла о знаменитых преступлениях. И именно в этой связи месье де Рузьер, никогда не упускавший возможности подколоть графа, вспомнил ненавистную тому историю с ожерельем.

Гости не преминули высказать свои мнения. Каждый по-своему прокомментировал расследование. Разумеется, версии противоречили одна другой и все были одинаково неправдоподобны.

— А вы, месье, — спросила графиня кавалера Флориани, — что вы думаете о краже?

— Я, мадам, вообще ничего не думаю.

Послышались удивленные восклицания. Ведь Флориани только что блестяще рассказывал о различных приключениях, в которых он участвовал вместе со своим отцом, судьей в Палермо, и явственно продемонстрировал свою склонность к подобным рассуждениям и вкус к таким историям.

— Признаюсь, — сказал он, — мне действительно случалось добиваться результатов там, где пасовали самые искусные. Но не стоит сравнивать меня с Херлоком Шолмсом… К тому же я почти не знаю, о чем идет речь.

Все взгляды обратились к хозяину дома. С большой неохотой он был вынужден изложить факты. Флориани выслушал, поразмыслил, издал несколько восклицаний и прошептал:

— Странно… Хотя на первый взгляд мне не кажется, что задача настолько уж сложная.

Граф пожал плечами. Но остальные гости сгрудились вокруг Флориани, и он продолжал не без некоторой назидательности:

— Обычно, чтобы найти виновника преступления или кражи, нужно определить, как это преступление или кража были совершены или, по крайней мере, как могли быть совершены. В данном случае, по-моему, все очень просто, поскольку мы не придерживаемся никаких гипотез, а знаем, причем точно и наверняка, что попасть в помещение можно было только через дверь спальни или окно кладовой. Но дверь, запертую на внутренний засов, невозможно открыть снаружи. Значит, вор влез через окно.

— Но окно проверили — оно было закрыто, — спокойно возразил месье де Дрё.

— А для этого, — продолжал Флориани, не реагируя на то, что его перебили, — он должен был соорудить нечто вроде мостика или перекидной лестницы между балконом на кухне и оконным

карнизом, и как только футляр…

— Но повторяю, окно было закрыто! — воскликнул граф с нетерпением в голосе.

На сей раз Флориани был вынужден ответить. Он сделал это крайне спокойно, с видом человека, которого не могут сбить с толку столь неубедительные возражения.

— Мне хочется верить, что так оно и было. Но разве в окне нет форточки?

— Откуда вам это известно?

— Ну, как правило, форточки делались во всех особняках того времени. А кроме того, форточка обязательно должна присутствовать, иначе кража необъяснима.

— И впрямь, она есть, но была закрыта, как и окно. Мы даже внимания на нее не обратили.

— Это неверно. Если бы обратили, то убедились бы, что она-то была открыта.

— Но каким образом?

— Полагаю, что, как и другие форточки, она открывается при помощи проволочного шнура с оплеткой, к нижнему концу которого приделано кольцо?

— Да.

— И это кольцо висело между оконной рамой и шкафом?

— Совершенно верно, но я не могу понять…

— Так вот. Через щель, проделанную в окне можно с помощью какого-либо инструмента, скажем железной палки с крючком на конце, подцепить кольцо, дернуть и открыть форточку.

Граф рассмеялся:

— Идеально! Просто идеально! Как легко вы все высчитали! Но забыли лишь об одной детали, дорогой друг, в окне нет никаких щелей.

— Щель есть.

— Не может быть, мы бы ее обязательно увидели.

— Чтобы увидеть, нужно смотреть внимательно, а никто из вас особенно не приглядывался. Щель существует, поскольку необходима технически, между стеклом и замазкой… Разумеется, в вертикальном направлении…

Граф встал. Казалось, он был крайне взволнован. Он несколько раз нервно прошелся по гостиной и подошел к Флориани:

— Там все осталось нетронутым с того самого дня… Никто в эту кладовую больше не заходил.

— В таком случае, месье, вам следует убедиться, что мое предположение соответствует действительности.

— Оно не соответствует ни единому факту, об-

наруженному следствием. Вы ничего не видели, ничего не знаете, но при этом утверждаете противоположное тому, что видели и знаем мы.

Казалось, Флориани не заметил раздражения в голосе графа и сказал с улыбкой:

— Господи, я просто стараюсь разобраться, только и всего. И если я ошибаюсь, докажите мне это.

— И незамедлительно. Признаюсь, что в конце концов ваша уверенность…

Месье де Дрё неразборчиво произнес еще несколько слов, потом неожиданно направился к двери и вышел.

Все молчали в напряженном ожидании, словно сейчас им должна была приоткрыться истина. И молчание было тяжелым.

Наконец в проеме двери появился граф. Он был бледен и странно возбужден. Он произнес дрожащим голосом, обращаясь к друзьям:

— Прошу прощения… Открытия месье Флориани столь неожиданны… Я никогда бы не подумал…

Его жена в нетерпении проговорила:

— Расскажи… Прошу тебя, ну что?

Он пробормотал:

— Щель существует… именно там, где нам сказали… она идет вдоль оконного стекла.

Он резко схватил Флориани за руку и сказал ему повелительным тоном:

— А теперь, месье, давайте продолжим… Признаю, что до сих пор вы были правы, но теперь… Мы еще не закончили… Ответьте мне, что же, по-вашему, все-таки произошло?

Флориани осторожно высвободился и через мгновенье произнес:

— По-моему, произошло следующее. Зная, что мадам де Дрё появится на балу в колье, вор в ваше отсутствие заранее перебросил мостик. Он наблюдал за вами через окно и увидел, как вы прячете ожерелье. Как только вы вышли, он вынул стекло и дернул за кольцо.

— Допустим, но расстояние слишком велико — он не мог через форточку дотянуться до оконной ручки.

— Если он не мог открыть окно, значит он сам влез внутрь через форточку.

— Это невозможно. Ни один мужчина, каким бы он ни был худым, не может через нее пролезть.

— Значит, это был не мужчина.

— Как это понимать?

— Буквально. Если проход слишком узок для взрослого мужчины, выходит, это был ребенок.

— Ребенок!

— Вы же сами говорили, что у Анриетты был сын.

— Действительно, сын по имени Рауль.

— Вполне возможно, что именно Рауль и совершил кражу.

— Какие у вас для этого доказательства?

— Какие доказательства? Да их сколько угодно! Ну скажем…

Он замолчал, несколько секунд размышляя. Потом продолжил:

— Скажем, этот мостик-перекладина. Трудно поверить, что ребенок принес ее снаружи, а потом унес и никто ничего не заметил. Должно быть, он использовал то, что было у него под рукой. В каморке, заменявшей Анриетте кухню, наверняка к стене были прибиты полки, где держали кастрюли, ведь так?

— Да, насколько я помню, две полки.

— Нужно было проверить, действительно ли они крепятся к деревянным консолям, на которые опираются. Если нет, то мы вправе предположить, что мальчик выдернул гвозди, снял полки, а потом соединил их между собой. К тому же, поскольку рядом стояла плита, возможно, там был и ухват, которым мальчик мог воспользоваться, чтобы открыть форточку.

Граф молча вышел, но на сей раз присутствующие даже не ощутили волнения перед неизвестностью. Теперь они знали, были совершенно уверены, что предположения Флориани подтвердятся. От этого человека веяло такой непоколебимой уверенностью, что, слушая его, казалось — он не просто выстраивает логическую последовательность фактов, а излагает по порядку ход событий, которые при желании легко проверить.

И никто не удивился, когда граф вернулся и сообщил:

— Это действительно был ребенок, это он, все подтверждается.

— Вы видели полки, ухват?

— Да, полки были сняты с консолей, ухват до сих пор там.

Мадам де Дрё-Субиз воскликнула:

— Вы говорите — это он… Вы, наверное, хотели сказать — это его мать. Виновата Анриетта, она могла заставить сына…

— Нет, — возразил Флориани, — мать тут ни при чем.

— Перестаньте! Они жили в одной комнате, ребенок не мог действовать без ее ведома.

— Да, они жили в одной комнате, но все про-

изошло в соседней комнате, ночью, когда мать спала.

— А ожерелье? — спросил граф. — Его бы нашли среди вещей мальчика.

— Простите, но ведь он выходил из дома. В то утро, когда вы застали его сидящим за столиком, он уже вернулся из школы, и, возможно, вместо того, чтобы тратить силы и подозревать ни в чем не повинную мать, полицейские должны были обыскать письменный стол мальчика, порыться в его учебниках.

— Допустим, но разве две тысячи франков, которые Анриетта ежегодно получала, не доказывают, что она была сообщницей?

— Будь она сообщницей, то разве стала бы благодарить вас за эти деньги? К тому же ведь за ней следили. А вот мальчик был свободен, он спокойно мог сбегать в соседний городок, найти какого-то перекупщика и задешево отдать ему сперва один бриллиант, потом второй, в зависимости от необходимости… при условии, что деньги будут отправлены из Парижа, и тогда процедура повторится на следующий год.

Необъяснимое ощущение неловкости овладело супругами де Дрё-Субиз и гостями. И в самом деле, в тоне, в манерах Флориани сквозила не

только уверенность, которая изначально так раздражала графа. Это напоминало иронию, скорее враждебную, нежели дружескую и сочувственную, как подобало бы в данном случае.

Граф натужно рассмеялся:

— До чего же все ловко придумано, поздравляю! У вас богатейшее воображение!

— Вовсе нет, — воскликнул Флориани совершенно серьезно, — я ничего не выдумываю, а лишь воспроизвожу события, которые должны были происходить именно так, как я их представил.

— Но откуда вам о них известно?

— Только из того, что вы сами мне рассказали. Я могу вообразить, как жили мать и сын в той глухой провинции, как мать заболела, как мальчик с помощью всяческих уловок и хитростей пытался продать камни и спасти мать или, по крайней мере, облегчить ее последние страдания. Но болезнь взяла верх. Она умерла. Проходят годы. Мальчик вырос, стал мужчиной. И вот тогда — на сей раз я охотно признаю, что даю волю своему воображению, — представим себе, что этот мужчина испытывает потребность вернуться туда, где он провел детство, найти и вновь увидеть тех, кто подозревал и обвинил его

мать… Подумайте, какой невероятно интересной могла бы оказаться подобная встреча в старинном доме, где развертывалась эта драма!

После этих слов на какое-то время воцарилось тревожное молчание, а на лицах супругов де Дрё можно было прочесть отчаянное стремление понять смысл этих слов, но вместе с тем ужас и боязнь понять их. Граф пробормотал:

— Так кто вы такой, месье?

— Я? Кавалер Флориани, мы с вами встречались в Палермо, и вы уже не раз приглашали меня к себе.

— Так что тогда означает эта история?

— Господи, ровным счетом ничего не означает. Чистая игра с моей стороны. Пытаюсь вообразить, какую радость испытал бы сын Анриетты — надеюсь, он еще жив, — если бы мог сообщить вам, что он один во всем виновен, что он один совершил кражу, потому что мать его была несчастна, она боялась потерять место прислуги, которое давало ей средства к существованию, а ребенок страдал, видя, как она несчастна.

Он говорил, сдерживая волнение, привстав со своего стула и наклонившись к графине. Сомнений больше не оставалось. Кавалер Флориани был не кто иной, как сын Анриетты. Это явство-

вало и из его поведения, и из его слов. Впрочем, его намерения тоже были очевидны — он явно желал быть узнанным.

Граф колебался. Как вести себя с этим смельчаком? Вызвать слуг? Спровоцировать скандал? Разоблачить давнишнего вора? Но ведь прошло столько лет! И кто поверит в эту абсурдную историю о мальчике-грабителе? Нет, пусть лучше все идет своим чередом, и нужно делать вид, что не догадываешься об истинном смысле сказанного. И, подойдя к Флориани, граф радостно воскликнул:

— Очень забавно, до чего же занятная история, просто настоящий роман! Уверяю вас, мне он кажется на редкость увлекательным! Но что же, по-вашему, стало с этим славным юношей, образцовым сыном? Надеюсь, он не пошел по тому опасному пути?

— Разумеется, нет!

— Неужели? После такого блестящего дебюта! Завладеть в шесть лет ожерельем королевы, знаменитым ожерельем Марии Антуанетты!

— И завладеть им, — заметил Флориани, принимая условия игры графа, — абсолютно безнаказанно: ведь никому даже в голову не пришло проверить оконное стекло или обратить

внимание, что карниз слишком чистый, ведь он вытер его, чтобы стереть отпечатки на толстом слое пыли… Признайтесь, шестилетнему мальчишке было от чего возгордиться! Разве это так уж просто? Всего-навсего захотеть, пошевелить пальцем, и готово? Но черт возьми, он захотел!

— И пошевелил…

— Причем всеми десятью, — ответил, смеясь, Флориани.

Граф вздрогнул. Какие тайны окутывают прошлое этого лже-Флориани? И какой невероятной должна быть жизнь этого авантюриста, совершившего в шесть лет столь гениальное ограбление? А сегодня, чтобы испытать утонченное наслаждение и заодно утолить давнюю обиду, он явился бросить вызов пострадавшей в ее же доме — отважно, безрассудно, но в то же время корректно, как и подобает галантному визитеру!

Флориани встал и подошел к графине, чтобы раскланяться. Она сделала усилие, стараясь не отшатнуться. Он улыбнулся:

— О, мадам, вы так испуганы! Неужели вы всерьез восприняли мою роль светского чародея в этой маленькой комедии?

Она взяла себя в руки и ответила со столь же ироничной непринужденностью:

— Ничуть, месье. Напротив, меня очень заинтересовала эта легенда о любящем сыне, я просто счастлива, что мое ожерелье помогло положить начало столь головокружительной карьере. Но не кажется ли вам, что сын этой… женщины, этой Анриетты, в сущности, следовал своему призванию?

Он вздрогнул, почувствовав скрытый выпад, и ответил:

— Я в этом совершенно уверен, к тому же это, видимо, было его истинным призванием, раз мальчик впоследствии, несмотря ни на что, не потерял к нему интереса.

— Но почему же?

— Разумеется, вы осведомлены, что часть камней были фальшивыми. Подлинными оказались всего несколько, купленных у английских ювелиров, остальные были проданы один за другим, в зависимости от выпадавших жизненных тягот.

— И все-таки все равно это ожерелье королевы, месье, — высокомерно ответила графиня, — и знаете, мне кажется, что сын Анриетты вряд ли мог это понять.

— Он был вынужден понять, мадам, что ожерелье, будь оно подлинным или поддельным, прежде всего — парадное украшение, вещь на-

показ.

Граф попытался вмешаться, но жена опередила его.

— Месье, — воскликнула она, — если у человека, о котором вы говорите, есть хоть капля стыда…

Но она замолчала, смущенная спокойным взглядом Флориани.

Он повторил:

— Если у этого человека есть хоть капля стыда…

Она поняла, что ничего не добьется, если продолжит говорить с ним в таком тоне, и, несмотря на гнев и возмущение, на свое оскорбленное достоинство, почти вежливо произнесла, стараясь подавить дрожь в голосе:

— Месье, согласно легенде, Рето де Вийет овладел ожерельем королевы и с помощью Жанны Валуа извлек оттуда все бриллианты, но он все же не осмелился прикоснуться к оправе. Он понял, что бриллианты были всего лишь украшением, неким аксессуаром, главной все-таки была оправа, творение художника, и он сохранил ее. Как вам кажется, тот человек, о котором мы говорим, тоже это понял?

— Я не сомневаюсь, что оправа существует.

Мальчик сохранил ее.

— Тогда, если вам, месье, доведется его встретить, передайте ему, что он незаконно владеет реликвией, которая является собственностью и гордостью некоторых семей. Пусть он даже извлек оттуда камни, но ожерелье королевы все равно принадлежит роду де Дрё-Субиз. Оно принадлежит нам, как и наше имя, как и наша фамильная честь.

Флориани ответил только:

— Я ему передам, мадам.

Он поклонился ей, простился с графом и с остальными гостями и вышел.

Через четыре дня мадам де Дрё обнаружила на столе в своей спальне красный кожаный футляр, украшенный гербом кардинала. Она открыла его. Это было ожерелье королевы на золотой цепи.

Но поскольку жизнь человека, заботящегося о единстве и логике, должна стремиться к той же цели и ни одна реклама этому не помеха, на следующий день в газете «Эко де Франс» были опубликованы следующие сенсационные строки:

Ожерелье королевы, знаменитая историческая драгоценность, когда-то

похищенная у семьи де Дрё-Субиз, было найдено Арсеном Люпеном. Арсен Люпен поспешил вернуть ее законным владельцам. Нам остается только восхититься этим красивым и благородным жестом.

Семерка червей

Возникает вопрос, и мне его часто задают:

— Как вы познакомились с Арсеном Люпеном?

Сомнений в том, что я его знаю, уже нет ни у кого. Известные мне подробности из жизни этого неуловимого человека, неопровержимые факты, которыми я располагаю, новые доказательства, которые я привожу, моя собственная интерпретация некоторых его поступков, о которых мы узнаем исключительно по внешним признакам, не вдаваясь ни в тайные мотивы, ни в тонкости исполнения, — все это доказывает пусть не близкие отношения, невозможные при образе жизни Арсена Люпена, но дружескую приязнь и неизменную откровенность.

Но как же все-таки я с ним познакомился? Каким образом мне выпала честь стать его историографом? Почему я, а не кто-то другой?

Ответ прост: в этом выборе совершенно нет моей личной заслуги, все это дело случая. Именно по воле случая я оказался втянут в одну из самых странных и таинственных авантюр; именно случаю было угодно, чтобы я стал действующим

лицом в блестяще срежиссированной им драме, мрачной и запутанной, полной стольких перипетий, что, приступая к рассказу, я испытываю известные затруднения.

Первый акт происходит в знаменитую ночь с 22 на 23 июня, о которой так много говорили. Что же касается моего собственного участия — отметим это сразу, — то я приписываю свое несколько странное тогдашнее поведение особому душевному состоянию, в котором я пребывал в тот вечер, возвращаясь домой. Я поужинал в компании друзей в ресторане «Каскад»[30], и весь вечер, пока мы курили, а цыганский оркестр исполнял грустные вальсы, разговор шел только о преступлениях, ограблениях и об ужасающих и покрытых мраком тайны интригах. Вообще-то, такие беседы не слишком способствуют безмятежному сну.

Супруги Сен-Мартен уехали на автомобиле. А мы с Жаном Даспри, милым и беззаботным Даспри, жизнь которого так трагически оборвется через полгода на марокканской границе, возвра-

---

[30] Notes: 30

Ресторан «Каскад» (La Grande cascade) в Булонском лесу получил название от расположенного там Большого каскада, известного водопада, построенного в 1856 г., высотой 7,5 м. Первоначально павильон, в котором расположен ресторан, служил охотничьим домиком Наполеону III. Ресторан существует и по сей день и по-прежнему славится романтической обстановкой и высокой кухней.

щались пешком темной, теплой ночью. Когда мы подошли к небольшому особняку на бульваре Майо, где я жил вот уже год, переехав в Нёйи, он спросил:

— Вам тут никогда не бывает страшно?

— Господи, с чего бы это?

— Черт возьми, ваш дом стоит совсем на отшибе, вдалеке от остальных. Соседей нет. Вокруг пустыри… Я не трус, но все же…

— Вы не трус, вы шутник!

— Да нет, я не шучу. На меня произвели сильное впечатление истории о бандитах, которыми нас развлекала чета Сен-Мартен.

Он пожал мне руку и удалился. Я достал ключ и открыл дверь.

— Надо же, — пробормотал я, — Антуан забыл зажечь свечу.

И тут я вспомнил, что Антуан уехал, ведь я сам отпустил его.

И сразу же темнота и тишина показались мне гнетущими. Я на ощупь, второпях поднялся в спальню на втором этаже и тотчас, вопреки привычке, запер дверь на ключ и задвижку.

Огонек свечи вернул мне хладнокровие. И все же я вынул из кобуры револьвер, большой дальнобойный револьвер, и положил возле кровати.

Эта предосторожность окончательно меня успокоила. Я лег и, как каждый вечер, чтобы заснуть, взял с ночного столика книгу.

Каково же было мое удивление, когда внутри вместо ножа для разрезания страниц я обнаружил конверт, запечатанный пятью красными сургучными печатями. Я схватил его. Вместо адреса были написаны мое имя, фамилия и пометка «Срочно».

Письмо! Письмо на мое имя! Кто мог вложить его сюда? Слегка волнуясь, я вскрыл конверт и прочел следующее:

> *Начиная с того момента, как Вы вскроете это письмо, что бы ни случилось, что бы Вы ни услышали, – не шевелитесь, не делайте ни одного движения и не кричите. Иначе Вам конец.*

Я вовсе не из трусливых и так же, как и многие, умею сохранять спокойствие перед лицом реальной опасности или подшучивать над выдуманными угрозами нашего разгулявшегося воображения. Но повторяю, я находился в необычном расположении духа, к тому же оказался довольно впечатлительным, и у меня явно сдали нервы. Впрочем, разве во всем этом не было

чего-то тревожного и необъяснимого, что впору потрясти самых больших храбрецов? Мои пальцы нервно сжимали листок бумаги, а глаза без конца перечитывали эти устрашающие строки: «Не делайте ни одного движения и не кричите. Иначе вам конец». «Да нет же, — думал я, — это какой-то розыгрыш, просто дурацкая шутка».

Я едва было не рассмеялся, причем во весь голос. Кто может мне в этом помешать? Почему неясный страх сжимает мне горло?

Как бы то ни было, я сейчас задую свечку. Нет, нельзя. «Не делайте ни одного движения! Иначе вам конец» — так было написано.

Стоит ли бороться с предчувствиями, которые зачастую имеют над нами бóльшую власть, чем самые достоверные факты? Оставалось лишь закрыть глаза. Я так и сделал.

В ту же минуту в тишине раздался какой-то легкий шум, потом что-то затрещало. Мне показалось, что звуки доносятся из большой соседней комнаты, отделенной от спальни лишь предбанником.

Близкая опасность привела меня в возбуждение, я чувствовал, что сейчас вскочу, схвачу револьвер и брошусь туда. Но я не вскочил: напротив меня на окне слева зашевелилась занавеска.

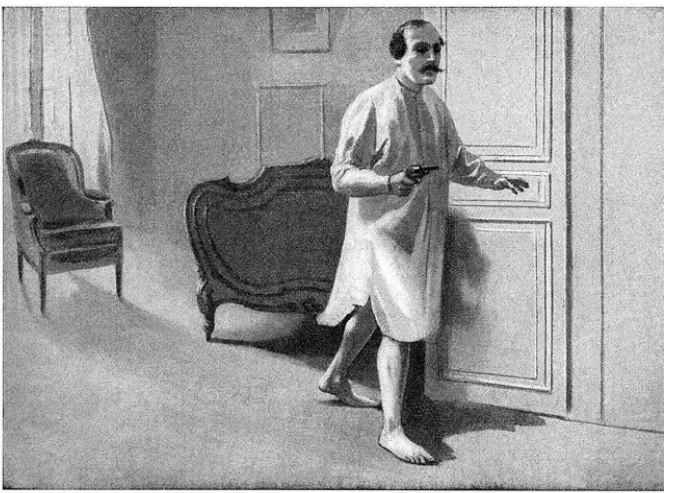
Сомнений не оставалось: она действительно зашевелилась. И продолжала шевелиться! И я увидел — причем вполне отчетливо, — что в узком пространстве между занавеской и окном вырисовывается человеческая фигура.

А человек тоже видел меня, было очевидно, что он меня видит сквозь крупное плетение ткани. И тут я все понял. Пока сообщники уносят добычу, этот должен был удерживать меня на почтительном расстоянии. Вскочить? Схватить револьвер? Невозможно… Он стоит совсем близко! При малейшем движении, малейшем восклицании я пропал.

Дом содрогнулся от страшного удара, за которым последовали более слабые, по два-три подряд, словно молоток бил по шляпке гвоздя и отскакивал от нее. Или, по крайней мере, так подсказывало мое воспаленное воображение. Примешивались и другие громкие звуки, создавая настоящий грохот, — грабители орудовали без всякого стеснения, ничего не опасаясь.

Но они добились своего: я не двигался. Из трусости? Нет, скорее мною овладела полная прострация, я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Но при этом сработало и благоразумие. Ведь в конце-то концов, к чему сражаться? За этим че-

ловеком стоял еще десяток других, которые сразу же поспешат ему на подмогу. Стоит ли рисковать жизнью ради спасения нескольких гобеленов и каких-то безделушек?



Эта пытка продолжалась всю ночь. Невы-

носимая пытка, безумный страх! Если шум прекращался, я *продолжал ждать*, когда же он возобновится. А еще этот человек, который стерег меня с оружием в руке! Я не мог оторвать от него испуганных глаз. Сердце колотилось. По лбу и по всему телу струился пот!

И тут неожиданно ощущение необъяснимого блаженства овладело мною: с бульвара донесся хорошо знакомый звук повозки молочника, мне показалось, что через закрытые ставни пробивается лучик зари и ко тьме в комнате примешивается дневной свет.

И в спальню проник свет. Прогрохотали другие повозки. И исчезли все ночные призраки.

Тогда я медленно и осторожно вытянул руку. Напротив меня ничто не шелохнулось. Я впился взглядом в складку занавески, именно туда мне следовало целиться, я точно просчитал свои движения, схватил револьвер и выстрелил.

Я соскочил с кровати, крича от радости, и бросился к окну. В занавеске и в оконном стекле зияли отверстия от пули. Человека же я не задел по той простой причине, что там никого не было.

Никого! Выходит, всю ночь меня вводила в состояние паралича складка на занавеске! А тем

временем злоумышленники... В яростном порыве, который никто не смог бы остановить, я повернул ключ в замке, открыл дверь, пересек предбанник, открыл вторую дверь и ринулся туда.

Но тут же застыл на пороге в полном ошеломлении, я задыхался, огорошенный увиденным, оно потрясло меня больше, чем отсутствие человека за занавеской в спальне. Ничего не исчезло. Все предметы, которые, как я предполагал, должны были быть украдены, — мебель, картины, старинные бархат и шелка, — все осталось на своих местах!

Невероятно! Я не верил собственным глазам! Чем же тогда объяснить этот шум, грохот передвигаемой мебели?.. Я обошел комнату, осмотрел стены, проверил по памяти знакомые предметы. Ничего не пропало! Но больше всего меня сбивало с толку, что не было никаких следов присутствия злоумышленников — ни отпечатков ног, ни одного сдвинутого с места стула.

— Ну хорошо, хорошо, — внушал я себе, обхватив голову руками, — я же не сошел с ума! Я все это слышал!

Сантиметр за сантиметром самым тщательным образом я обследовал помещение. Все впустую.

Или же… Но можно ли считать это находкой? Под лежащим на полу небольшим персидским ковром лежала карта, игральная карта. Это была семерка червей, точно такая же, как все семерки во французских колодах карт[31], правда мое внимание привлекла одна маленькая деталь. У каждого из семи красных знаков масти, имеющих форму сердца, в самой верхней точке виднелась аккуратная круглая дырочка, ее могли проделать тонким шилом.

Вот и все. Игральная карта и письмо, найденное в книге. Достаточно ли, чтобы утверждать, что все это мне не приснилось?

Все утро я обыскивал гостиную — это была очень большая комната, отличавшаяся по размерам от других сравнительно небольших помещений особняка, ее убранство выдавало несколько странный вкус ее создателя. Наборный пол выложен из крохотных разноцветных камешков, образующих крупные симметричные узоры. Стены покрыты такими же мозаичными панно с изображением аллегорических сцен в стиле помпейских или византийских или напо-

[31] Notes: 31

Французская колода состоит из 54 карт и используется для традиционных карточных игр (например, для бриджа), в отличие от испанского и других вариантов.

добие средневековых фресок: Бахус, оседлавший бочку, император с окладистой бородой, увенчанный золотой короной, с мечом в правой руке.

Под потолком, как в мастерских художников, находилось единственное большое окно. Оно всегда оставалось открытым на ночь, — вероятно, через него злоумышленники и проникли в дом по приставной лестнице. Но никаких доказательств опять же я найти не смог. От ножек лестницы должны были остаться отпечатки на утрамбованной земле во дворе, но их не было. Трава на пустыре вокруг дома тоже должна была бы быть примята, но и на ней не осталось никаких следов.

Признаюсь, что мне даже в голову не пришло обратиться в полицию, настолько абсурдными и неубедительными выглядели факты, которые я мог привести. Меня бы просто подняли на смех. Но на следующий день была моя очередь вести колонку в разделе хроники газеты «Жиль Блас»[32], где я тогда сотрудничал. Одержимый

[32] Notes: 32

«Жиль Блас» — парижская литературная газета (1879–1938), основанная скульптором А. Дюмоном и названная в честь одноименного романа А. Лесажа. Писатели того времени, в том числе Эмиль Золя, Ги де Мопассан и др., печатали в газете свои произведения до того, как они публиковались в виде книг. Газета славилась критическими рецензиями на литературные новинки и спектакли.

впечатлением от происшедшего, я подробно изложил свое приключение.

Статья имела успех, но я понимал, что всерьез ее никто не принял, ее считали скорее выдумкой, нежели реальным происшествием. Супруги Сен-Мартен подняли меня на смех. Однако Даспри, имевший некоторый опыт в подобных делах, пришел навестить меня, попросил ввести в курс дела и внимательно все осмотрел… Впрочем, он не добился никаких результатов.

Тем не менее как-то утром в один из последующих дней раздался звонок на воротах, и Антуан доложил, что меня хочет видеть какой-то господин, но имя свое тот назвать отказался. Я попросил провести его ко мне в гостиную.

Это был мужчина лет сорока, жгучий брюнет с волевым лицом, его чистая, хотя и поношенная одежда свидетельствовала о претензии на элегантность, которая шла вразрез с довольно вульгарными манерами.

Не тратя времени на преамбулу, он сообщил мне хриплым голосом, с произношением, выдававшим его социальное положение:

— Месье, я путешествую, и мне в кафе попалась на глаза газета «Жиль Блас». Я прочел вашу статью. Она меня заинтересовала… даже весьма.

— Благодарю вас.

— И я пришел.

— Правда?

— Да, поговорить с вами. Факты, о которых вы рассказали, приведены точно?

— Абсолютно точно.

— То есть вы ничего не выдумали?

— Ни единого слова.

— В таком случае, возможно, я могу сообщить вам кое-какие сведения.

— Слушаю вас.

— Нет.

— Что значит, «нет»?

— Прежде чем говорить, я должен убедиться, что мои сведения верные.

— Что значит — убедиться?

— Я должен остаться один в этой комнате.

Я с изумлением посмотрел на него:

— Я не совсем понимаю…

— Эта мысль пришла мне в голову, когда я читал вашу статью. Некоторые детали удивительным образом совпадают с другой невероятной историей, о которой я узнал случайно. Но если я ошибаюсь, мне лучше хранить молчание. Единственный способ узнать правду — это остаться одному…

Что таило в себе подобное предложение? Позднее я вспомнил: когда этот человек говорил со мной, вид у него был встревоженный, лицо выдавало волнение. Но в тот момент, хотя и я был удивлен, но не усмотрел ничего особо странного в его просьбе. К тому же меня подстегивало любопытство!

Я ответил:

— Договорились. Сколько вам потребуется времени?

— О, не больше трех минут. Через три минуты я вернусь к вам.

Я вышел из комнаты. Спустившись вниз, я достал часы. Прошла минута. Две… Почему мне было так не по себе? Почему эти мгновенья казались мне столь решающими?

Две с половиной минуты… Две минуты и три четверти… И вдруг раздался выстрел.

Я кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, вбежал в гостиную и закричал от ужаса.

Он неподвижно лежал на левом боку в центре комнаты. Из головы вытекала кровь вперемешку с мозгом. Рядом валялся еще дымящийся револьвер.

Он дернулся в конвульсии, и все было кон-

чено.

Но еще сильнее, чем это устрашающее зрелище, меня потрясло другое, поэтому я даже не сразу позвал на помощь и не опустился на колени, чтобы проверить дышит ли он. В двух шагах от него лежала карта — семерка червей.

Я поднял ее. В семи верхних точках семи красных сердечек были проделаны крохотные дырочки…

Полчаса спустя прибыл комиссар полиции Нёйи, потом судебный медик, потом начальник сыскной полиции господин Дюдуи. Я, разумеется, постарался не дотрагиваться до трупа. Ничто не должно было помешать выявлению улик.

Расследование продолжалось недолго, прежде всего еще и потому, что сначала не обнаружили вообще ничего или почти ничего. В карманах убитого не было никаких документов, на одежде — никаких бирок с именем, на его белье не оказалось вышитых инициалов. Короче говоря, ничего, что помогло бы установить его личность. А в гостиной все стояло как раньше. Мебель и все предметы были на своих местах. Но все же этот человек явился ко мне не только с намерением покончить с собой, полагая, что мой дом лучше подходит для этой цели. Этому жесту отчаяния

предшествовал какой-то мотив, который он обнаружил за те три минуты, пока находился один.

Что именно? Что он увидел? Что потрясло его? В какую страшную тайну он проник? Угадать было нельзя.

Но в последний момент была найдена улика, показавшаяся нам крайне значительной. Когда двое полицейских нагнулись, чтобы поднять тело и положить на носилки, они заметили, что левая рука, до того судорожно сжатая в кулак, вдруг расслабилась и из нее выпала скомканная визитная карточка.

На ней было написано: «Жорж Андерма, улица Берри, 37».

Что это значит? Жорж Андерма — крупный парижский банкир, основатель и президент «Банка металлов», давшего огромный толчок развитию металлургической промышленности Франции. Он вел роскошный образ жизни, имел собственный железнодорожный вагон, автомобили, конюшню скаковых лошадей. Его приемы пользовались огромным успехом, а мадам Андерма славилась своим изяществом и красотой.

— Неужели это имя покойного? — спросил я.

Начальник сыскной полиции наклонился над телом.

— Это не он. У месье Андерма бледное лицо и волосы с проседью.

— Но тогда что значит эта карточка?

— У вас есть телефон, месье?

— Да, в вестибюле. Пройдите, пожалуйста, за мной.

Он поискал имя в телефонной книге и попросил соединить его с номером 415–21.

— Месье Андерма у себя? Будьте любезны, передайте ему, что месье Дюдуи просит его срочно приехать в дом сто два по бульвару Майо. Дело неотложной важности.

Двадцать минут спустя месье Андерма уже выходил из своего автомобиля. Ему разъяснили причины, потребовавшие его присутствия, потом отвели в гостиную, где лежал труп.

Секунду его лицо выражало волнение, потом он тихо произнес, словно говорил сам с собой:

— Этьен Варен.

— Вы его знали?

— Нет, вернее, да… Но только с виду. Его брат…

— У него есть брат?

— Да, Альфред Варен… Его брат приходил когда-то ко мне о чем-то просить, уже не помню точно о чем.

— А где он живет?

— Они живут вместе… Кажется, на улице де Прованс.

— И вы не можете предположить, почему он решил застрелиться?

— Нет, никак не могу.

— Но почему тогда у него была зажата в руке эта карточка? Ваша визитная карточка с вашим адресом!

— Этого я вообще не понимаю. Очевидно, какая-то случайность, надеюсь, следствие объяснит нам причину.

Если и случайность, то весьма любопытная, подумал я и почувствовал, что все мы мыслим примерно одинаково.

На следующий день в газетах прозвучала та же мысль, подобным же образом рассуждали мои друзья, с которыми я поделился этой историей. Среди тайн, делавших ее еще более запутанной, после дважды найденной и сбивающей с толку проколотой семерки червей, после двух одинаково загадочных событий, происшедших в моем доме, казалось, что эта визитная карточка прольет наконец свет на случившееся. Приведет нас к истине.

Но, вопреки ожиданиям, месье Андерма не дал нам ни единой зацепки.

— Я рассказал все, что знаю, — повторял он. — Мне добавить нечего. Я больше всех удивлен, что здесь нашли мою карточку, и, как все остальные, жду, что что-то прояснится.

Но ничего не прояснилось. Следствие установило, что братья Варен, родом из Швейцарии, прикрываясь различными именами, вели весьма бурную жизнь, посещали игорные дома, тесно общались с шайкой иностранцев, состоявших на учете в полиции, но исчезли после целой серии краж, в которых принимали участие, что, правда, было установлено гораздо позже. В доме номер шесть по улице де Прованс, где братья действительно проживали шесть лет назад, никто не знал, что с ними стало.

Признаюсь, мне лично это дело казалось настолько запутанным, что я не верил, что его можно решить, и просто старался о нем не думать. Но Жан Даспри, с которым я тесно общался в то время, напротив, с каждым днем увлекался расследованием все больше и больше.

Именно он обратил мое внимание на отклик в иностранной газете, который перепечатала и комментировала вся пресса:

В ближайшее время в присутствии

> императора будут проведены первые испытания подводной лодки, которой предстоит кардинально изменить тактику грядущих морских сражений. Благодаря утечке информации мы узнали ее название: «Семерка червей». О месте проведения испытаний будет объявлено своевременно.

Семерка червей! Было ли это случайным совпадением или же нам оставалось установить связь между названием субмарины и происшествиями, о которых шла речь? Но какого рода связь? То, что происходило здесь, никоим образом не могло быть связано с тем, что происходило там.

— Что вы об этом знаете? — вопрошал меня Даспри. — Самые разрозненные факты иногда относятся к одному и тому же делу.

На следующий день до нас донесся еще один отголосок этой истории:

> Утверждают, что проект подводной лодки «Семерка червей» был разработан французскими инженерами, которые, не найдя поддержки у своих соотечественников, обратились столь же безрезультатно к английскому Адмиралтейству.

За достоверность информации мы не ручаемся.

Я не смею дольше оперировать этими сведениями весьма деликатного свойства, повлекшими, как мы помним, значительное волнение в обществе. Однако, поскольку теперь мы больше не опасаемся, что ситуация еще больше осложнится, я должен упомянуть о статье в газете «Эко де Франс», наделавшей тогда много шума и внесшей в дело семерки червей (как его называли) ясность, оказавшуюся, впрочем, весьма сомнительной.

Вот эта статья, появившаяся за подписью некоего Сальватора.

ДЕЛО СЕМЕРКИ ЧЕРВЕЙ. СЛЕГКА ПРИОТКРЫТА ЗАВЕСА ТАЙНЫ

Будем кратки. Десять лет назад молодой горный инженер Луи Лакомб, собираясь посвятить все свое время и состояние проводимым им исследованиям, ушел в отставку и снял небольшой особняк под номером 102 на бульваре Майо, архитектурный проект и интерьеры которого были незадолго до этого выполнены по заказу одного итальянского графа. При

посредничестве братьев Варен из Лозанны, один из которых участвовал в экспериментальной работе в качестве лаборанта, а второй подыскивал вкладчиков, Лакомб познакомился с господином Жоржем Андерма, недавно открывшим «Банк металлов».

После нескольких встреч Лакомбу удалось заинтересовать последнего проектом подводной лодки, над которым он тогда работал, и было решено, что, как только изобретение будет полностью опробовано, господин Андерма использует все свое влияние, чтобы министерство военно-морского флота дало разрешение на серию испытаний.

В течение двух лет Луи Лакомб регулярно посещал особняк Андерма, вводя банкира в курс дела касательно всех усовершенствований своего проекта, пока не остался полностью удовлетворен результатами своей работы: он наконец вывел долгожданную формулу и попросил господина Андерма начать кампанию по содействию.

В тот вечер Луи Лакомб ужинал у четы

Андерма. Ушел он около половины двенадцатого ночи. С тех пор его больше не видели.

В газетах того времени приводятся сведения, что семья молодого человека обратилась в полицию и этим делом занялась прокуратура. Но поскольку так ничего и не прояснилось, пришли к общему заключению, что Луи Лакомб, слывший юношей со странностями и необузданными фантазиями, отправился в путешествие, не поставив никого в известность.

Ну что ж, примем это… малоправдоподобное предположение. Но встает вопрос, имеющий большую национальную важность: а что стало с проектом подводной лодки? Увез ли Луи Лакомб с собой чертежи? Или они уничтожены?

Весьма серьезное предпринятое нами расследование свидетельствует о том, что этот проект существует. Чертежи попали в руки братьев Варен. Каким образом? Этого пока не удалось установить, неизвестно и другое – почему они не попытались продать их? Может быть,

братья опасались, что их попросят объяснить, каким образом они завладели чертежами? В любом случае эти опасения были недолгими, и теперь можно с полной уверенностью утверждать: проект Луи Лакомба перешел в собственность иностранной державы. Мы готовы опубликовать соответствующую переписку братьев Варен и представителя этой державы. В настоящее время «Семерка червей», изобретенная Луи Лакомбом, воплощена в жизнь нашими соседями.

Отвечает ли действительность оптимистическим прогнозам тех, кто замешан в этом предательстве? У нас имеются основания полагать обратное, и очень хочется верить, что грядущее событие нас не разочарует.

В постскриптуме говорилось:

Последние новости. Наши надежды оказались обоснованны. Благодаря полученной нами информации мы можем сообщить, что испытания «Семерки червей» прошли неудачно. Существует вероятность, что в чертежах, получен-

ных от братьев Варен, недостает одного, последнего документа, который Луи Лакомб вручил господину Андерма в день своего исчезновения. Этот документ, необходимый для общего понимания проекта, – своего рода конспект, где сведены окончательные выводы, оценки и измерения, содержащиеся в разных документах. Без него чертежи оказываются неполными, равно как и сам этот конспект бесполезен в отсутствие чертежей.

Таким образом, еще есть время действовать и вернуть назад то, что принадлежит нам по праву. И в этом нелегком деле мы рассчитываем на помощь господина Андерма. Он наверняка вознамерится объяснить причину своего необъяснимого поведения, свойственного ему с самого начала этой истории. Он должен не только растолковать, почему он скрывал то, что было ему известно на момент самоубийства Этьена Варена, но и почему он не сообщил об исчезновении известных ему документов. К тому же он должен разъяснить, с какой целью нанятые им агенты уже в течение шести лет ведут

слежку за братьями Варен.

Мы ожидаем от него не только слов, но и дел. В противном случае…

Угроза была неприкрытой. Но в чем она заключалась? Каким средством устрашения господина Андерма располагал анонимный автор статьи Сальватор?

Группа репортеров буквально осаждала банкира, и в десятке интервью он выразил свое презрение по отношению к поставленному ему ультиматуму. В ответ корреспондент «Эко де Франс» опубликовал следующие строчки:

Хочет того господин Андерма или нет, отныне он тоже участвует в нашем предприятии.

В тот день, когда появилась эта заметка, мы с Даспри вместе ужинали. Вечером, разложив газеты на столе, мы обсуждали это дело, рассматривая его со всех точек зрения и испытывая раздражение, подобное тому, как бывает, когда постоянно движешься в потемках, натыкаясь на одни и те же препятствия.

И тут неожиданно, хотя ни слуга не докладывал о посетителе, ни колокольчик в воротах не

звонил, открылась дверь и вошла дама в густой вуали.

Я тотчас же встал и подошел к ней. Она спросила:

— Месье, это вы здесь живете?

— Да, мадам, но, признаться…

— Калитка в воротах с бульвара была не заперта, — объяснила она.

— А входная дверь?

Она не ответила, и тогда я подумал, что она, вероятно, обошла дом и воспользовалась служебной лестницей. Значит, она знала дорогу?

Наступило неловкое молчание. Она взглянула на Даспри. Непроизвольно, словно мы столкнулись на светском приеме, я его представил. Потом попросил ее сесть и изложить цель своего визита.

Она подняла вуаль и оказалась брюнеткой с правильными чертами лица и, пусть не ослепительной красоты, но, по крайней мере, невероятного очарования, которое прежде всего излучали ее печальные и серьезные глаза.

Она просто произнесла:

— Я мадам Андерма.

— Мадам Андерма! — повторил я, еще более удивленный.

Снова молчание. И она продолжала совершенно спокойным голосом:

— Я пришла по поводу дела, о… котором вы осведомлены. Я подумала, что, возможно, смогу что-то от вас узнать.

— Боже мой, мадам, я знаю не больше того, что пишут в газетах. Извольте уточнить, чем я могу быть вам полезен.

— Не знаю… Не знаю…

Но только тогда я догадался, что спокойствие ее напускное, а за внешней невозмутимостью кроется страшное смятение. И оба мы, смешавшись, замолчали.

Но Даспри, не отрывавший от нее глаз, подошел к ней и сказал:

— Позвольте, мадам, задать вам несколько вопросов?

— Разумеется, так мне будет проще начать говорить.

— И вы будете отвечать на любые вопросы?

— Да, на любые.

Он подумал и спросил:

— Вы знаете Луи Лакомба?

— Да, через мужа.

— Когда вы видели его в последний раз?

— В тот вечер, когда он у нас ужинал.

— А вас тогда ничто не навело на мысль, что вы больше его не увидите?

— Нет. Правда, он намекал на какое-то путешествие в Россию, но очень неопределенно.

— Иначе говоря, вы предполагали его снова увидеть?

— Да, через день у нас на обеде.

— А как вы можете объяснить его исчезновение?

— Никак не могу.

— А ваш муж?

— Не знаю.

— И все-таки…

— Не спрашивайте меня об этом.

— Похоже, что в статье в «Эко де Франс» говорится…

— В ней, похоже, говорится, что нельзя исключать, что братья Варен приложили к этому руку.

— Вы разделяете это мнение?

— Да.

— А на чем основана ваша уверенность?

— Когда Луи Лакомб уходил от нас, при нем был портфель со всеми документами, относящимися к этому проекту. Два дня спустя мой муж встречался с одним из братьев Варен, тем, кто остался в живых, и получил доказательство, что

эти документы находятся у них.

— Он не сообщил об этом надлежащим органам?

— Нет.

— Почему?

— Потому что в портфеле лежали вовсе не документы Луи Лакомба.

— Что же?

Она поколебалась, уже собралась было ответить, но потом все-таки не решилась. Даспри продолжил:

— А вот и объяснение, почему ваш муж, не поставив в известность полицию, вел наблюдение за братьями. Он надеялся забрать и бумаги, и одновременно нечто его компрометирующее, то, чем Варены его шантажировали.

— Его… и меня.

— Как? И вас тоже?

— Прежде всего меня.

Она произнесла это глухим голосом. Даспри внимательно посмотрел на нее, потом сделал несколько шагов по комнате и вернулся к ней:

— Вы писали Луи Лакомбу?

— Разумеется… Мой муж был с ним связан…

— Вы писали Луи Лакомбу, помимо официальных писем… личные? Простите мою настойчи-

вость, но мне необходимо знать всю правду. Вы писали ему личные письма?

Она прошептала, красная от смущения:

— Да.

— И эти письма оказались у братьев Варен?

— Да.

— Значит, месье Андерма известно об этом?

— Он их не видел, но Альфред Варен сообщил ему об их существовании, угрожая предать все огласке, если муж предпримет какие-то действия против них с братом. Муж испугался… Он отступил из боязни скандала.

— Но пустил в ход все средства, чтобы отобрать у них эти письма?

— Да, пустил в ход все, что возможно… По крайней мере, мне так кажется, потому что после его последней встречи с Альфредом Вареном и после нескольких весьма грубых фраз, в которых мне была изложена суть этой встречи, между мной и мужем больше не существует ни былой близости, ни былого доверия. Мы живем теперь как два чужих человека.

— В таком случае вам нечего терять. Чего же вы боитесь?

— Сейчас я стала ему совершенно безразлична, но ведь прежде он меня любил и мог бы любить

по-прежнему. Да, я в этом уверена, — горячо прошептала она, — он любил бы меня, не попадись ему эти проклятые письма…

— Но каким образом? Ведь братья соблюдали осторожность?

— Да, они даже, кажется, похвалялись, что у них есть надежный тайник.

— Так как же тогда?..

— У меня есть все основания полагать, что муж обнаружил этот тайник!

— Неужели? Где же он находился?

— Здесь.

Я вздрогнул:

— Здесь?

— Да, я всегда это подозревала. Луи Лакомб, человек крайне изобретательный, страстно увлеченный механикой, в свободное время в виде развлечения мастерил сейфы и замки. Скорее всего, братья Варен застали его за этим занятием, а затем использовали его тайники и спрятали письма и наверняка многое другое.

— Но они ведь здесь не жили! — воскликнул я.

— До вашего переезда четыре месяца назад дом стоял пустой. Вполне вероятно, что они приходили сюда, да и вообще не считали, что ваше присутствие как-то им помешает, когда придет

время забрать отсюда бумаги. И моего мужа они в расчет не принимали, пока в ночь с двадцать второго на двадцать третье июня он не взломал сейф, взял… то, что искал, и оставил свою визитную карточку, чтобы продемонстрировать братьям, что он больше их не боится и отныне роли поменялись. Два дня спустя Этьен Варен, вычитав сообщение в газете «Жиль Блас», срочно примчался сюда, остался один в гостиной, обнаружил пустой сейф и застрелился…

Через мгновенье Даспри спросил:

— Но ведь это просто предположение, не так ли? Месье Андерма ничего вам не говорил?

— Нет.

— А его отношение к вам не изменилось? Он не показался вам более мрачным или озабоченным?

— Нет.

— И вы не думаете, что, найди он эти письма, он стал бы вести себя иначе? Мне кажется, он их вовсе не находил. Мне кажется, здесь был не он.

— Но кто ж тогда?

— Таинственный персонаж, который руководит этим делом, держит в руках все нити и преследует цель, о которой мы можем лишь догадываться, настолько она непонятна. Мы с

самого начала ощущаем и наблюдаем деятельность этого всемогущего незнакомца. Именно он со своими сообщниками проник в этот особняк двадцать второго июня, обнаружил тайник и оставил визитную карточку господина Андерма, именно он владеет вашими письмами и доказательством предательства братьев Варен.

— Но кто же этот «он»? — нетерпеливо перебил я.

— Корреспондент газеты «Эко де Франс», черт побери, тот самый Сальватор! Это ж ясно как день! Разве он в своей статье не приводит такие детали, которые может знать лишь тот, кто раскрыл тайну двух братьев?

— В таком случае, — прошептала мадам Андерма в ужасе, — у него в руках и мои письма, теперь он угрожает моему мужу! Боже мой, что же мне делать?

— Написать ему, — решительно заявил Даспри, — довериться ему, рассказать начистоту все, что вам известно, и все, что вы можете узнать.

— Что вы такое говорите!

— У вас с ним общие интересы. Нет никакого сомнения, что сейчас он борется с оставшимся в живых братом. Он изыскивает оружие не против господина Андерма, а против Альфреда Варена.

Помогите ему.

— Но как?

— Хранится ли у вашего мужа документ, который служит ключом к чертежам месье Лакомба?

— Да.

— Сообщите об этом Сальватору. Если тот попросит, постарайтесь раздобыть его. Короче, завяжите с ним переписку. Чем вы рискуете?

Совет был смелым и опасным даже на первый взгляд, но у мадам Андерма не было выбора. К тому же, как заметил Даспри, она ничем не рисковала. Если незнакомец был ей враг, ее попытка не усугубит положения. Если это иностранец, преследовавший конкретную цель, то эти письма представят для него лишь второстепенный интерес.

Как бы то ни было, появилась какая-то надежда, и мадам Андерма в своем отчаянии была счастлива за нее ухватиться. Она горячо поблагодарила нас, пообещав держать в курсе событий.

Действительно, назавтра она послала нам полученную ответную записку от журналиста:

Писем там не было. Но не беспокойтесь, я их получу. Все под наблюдением. С.

Я взял листок. Тот же почерк, что и на листке,

вложенном в мою книгу возле кровати вечером 22 июня.

И в самом деле, в окружавших нас сумерках забрезжил луч света, и некоторые обстоятельства прояснились самым неожиданным образом. Но так много других еще оставались покрыты мраком тайны — например, находка двух семерок червей! Я постоянно к этому мысленно возвращался; когда в столь пугающих обстоятельствах мне довелось увидеть семь крошечных красных значков с проделанными в них отверстиями, похоже, эти две карты заинтриговали меня больше, чем они того заслуживали. Какую роль играли они в этой драме? Имели ли какую-то особую важность? Какой следовало сделать вывод, исходя из того, что субмарина, построенная по чертежам Луи Лакомба, называлась «Семерка червей»?

Что касается Даспри, его эти две карты не интересовали, он был погружен в решение другой проблемы, казавшейся ему неотложной: он без устали искал пресловутый тайник.

— А ведь кто знает, — говорил он, — вдруг я найду там письма, которые не смог найти Сальватор? Возможно, по оплошности. Маловероятно, чтобы братья Варен извлекли из укрытия, которое считали недоступным, столь бесценное оружие.

И он искал. Скоро в гостиной уже не осталось ни одного неведомого ему укромного уголка, и он распространил свое расследование на остальные комнаты особняка: изучал его внутри и снаружи, разглядывал камни и кирпичную кладку стен, приподнимал кровельную плитку.

Как-то он принес кирку и лопату, дал мне лопату и сказал, указывая на пустырь у дома:

— Пойдем туда.

Я с энтузиазмом последовал за ним. Он поделил участок на отдельные секции и стал поочередно их обследовать. Неожиданно в одном углу, там, где сходились стены двух соседних домов, он заметил нагромождение булыжников и камней известняка, поросших травой и ежевикой. Он ринулся на приступ.

Мне пришлось помогать. В течение часа под палящим солнцем мы тщетно выбивались из сил. Но когда среди развороченных камней выступила земля и мы приступили к раскопкам, под киркой Даспри показались кости, фрагменты скелета, на котором еще болтались обрывки одежды.

Внезапно я почувствовал, что бледнею. Я заметил небольшую втоптанную в землю железную пластинку прямоугольной формы, на которой, как мне показалось, проступали красные пятна.

Я нагнулся. Да, мне не почудилось: пластинка не превосходила размером игральную карту, а ровно семь ярко-красных, местами выцветших пятен были расположены так же, как на семерке червей, и в верхней точке каждого из них зияло крошечное отверстие.

— Послушайте, Даспри, хватит с меня всех этих историй… Если вам они интересны, тем лучше! Продолжайте один.

То ли от пережитых волнений, то ли от усталости, вызванной работой на палящем солнце, но на обратном пути мне стало плохо, пришлось лечь в постель, где я провалялся двое суток в бреду и горячке, вокруг меня плясали скелеты и кидали друг в друга свои кроваво-красные сердца.

Даспри повел себя как верный друг. Он ежедневно оставался у меня на три или четыре часа, которые, по правде говоря, проводил в гостиной — шарил, простукивал, колотил.

— Письма здесь, в этой комнате, — говорил он время от времени, заглядывая ко мне. — Они здесь. Готов руку дать на отсечение.

— Оставьте меня в покое, — отвечал я с раздражением.

Наутро третьего дня я поднялся, еще не выздоровев до конца, но уже окрепнув. Мои силы

поддержал плотный завтрак. Но больше всего окончательному исцелению способствовало полученное около пяти часов письмо — настолько, оно, несмотря ни на что, вновь раззадорило мое любопытство.

Письмо гласило:

Месье,

драма, первый акт которой был разыгран в ночь с 22 на 23 июня, близится к завершению. Сам ход событий требует, чтобы я свел двух ее главных персонажей, и эта встреча должна произойти у Вас дома. Я был бы весьма признателен, если бы Вы предоставили мне Ваше жилище на сегодняшний вечер. Было бы хорошо с девяти до одиннадцати отпустить слугу, и желательно, чтобы Вы сами оказались столь любезны, что согласились бы оставить поле боя на откуп противникам. В ночь с 22 на 23 июня Вы уже имели возможность убедиться, что я никоим образом, даже в мелочах не покушался на Вашу собственность. Со своей стороны, мне кажется, я нанес бы Вам оскорбление, если бы хоть на йоту усомнился в

том, что Вы будете соблюдать молчание в отношении нижеподписавшегося.

Примите уверения в моей преданности.

Сальватор

В этом послании чувствовался налет куртуазной иронии, а в излагаемой просьбе — столь изящный полет фантазии, что я просто пришел в восторг. Какая очаровательная бесцеремонность! Ведь мой корреспондент вовсе не сомневался в моей готовности пойти ему навстречу. Ни за что на свете мне не хотелось его разочаровывать или ответить неблагодарностью на его доверие.

В восемь часов, едва ушел из дома мой слуга — я предложил ему билет в театр, — как появился Даспри. Я показал ему письмо.

— Итак? — спросил он.

— Итак, я оставлю ворота незапертыми, чтобы можно было войти.

— И вы уходите?

— Ни за что на свете!

— Но ведь вас просят…

— Просят соблюдать молчание. Я и буду молчать. Но мне безумно хочется увидеть все, что здесь произойдет.

Даспри рассмеялся:

— Черт подери, вы правы, я тоже остаюсь. У меня подозрение, что скучно нам не будет.

Его прервал звонок в дверь.

— Это они? — прошептал он. — На двадцать минут раньше времени! Невероятно.

Я дернул шнурок в вестибюле, соединенный с калиткой в воротах. В саду мелькнул женский силуэт: мадам Андерма.

Она выглядела сильно взволнованной и, задыхаясь, пробормотала:

— Мой муж… Он идет сюда… У него свидание… Ему отдадут письма…

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— Случайно. Муж за обедом получил записку.

— Телеграмму?

— Телефонограмму. Слуга по ошибке вручил ее мне. Муж тут же ее забрал, но я успела прочесть.

— Что же вы прочли?

— Примерно следующее: «Сегодня в девять вечера на бульваре Майо с документами, относящимися к делу. Письма в обмен». После ужина я поднялась к себе и вышла.

— Тайком от месье Андерма?

— Разумеется.

Даспри взглянул на меня:

— Что вы об этом думаете?

— То же, что и вы. Месье Андерма — один из приглашенных противников.

— Но кем и в каких целях?

— Именно это нам предстоит узнать.

Я проводил их в гостиную. Мы втроем с трудом, но смогли поместиться под каминным колпаком, прикрывшись бархатной драпировкой. Там и расположились. Мадам Андерма села между нами. Сквозь просветы в занавеске просматривалась вся комната.

Пробило девять. Несколько минут спустя скрипнула калитка.

Признаюсь, что не мог подавить волнение, я был словно в лихорадке! Вот-вот я узнаю разгадку тайны! Загадочная авантюра, которая постепенно разворачивалась у меня на глазах в течение нескольких недель, наконец обретет истинный смысл, и теперь баталия развернется тоже у меня на глазах.

Даспри схватил мадам Андерма за руку и прошептал:

— Главное, не шевелитесь! Что бы ни увидели и ни услышали, сохраняйте спокойствие.

Кто-то вошел в комнату. И по сходству этого человека с Этьеном Вареном я понял, что это его брат Альфред. Та же грузная походка, то же

землистого цвета лицо, обрамленное бородой.

Он вошел с настороженным видом, будто привык опасаться подстерегавших его ловушек, которые заранее угадывал и ловко избегал. Он обвел взглядом комнату, и мне почудилось, что камин, скрытый за бархатной портьерой, его как-то насторожил. Он сделал несколько шагов в нашу сторону. Но, видимо, его отвлекла более важная мысль, поскольку он подошел к стене и остановился перед мозаичным панно с изображением древнего короля с окладистой бородой и блестящим мечом, долго разглядывал его, вставал на стул, обводил пальцем контуры плеч и лица и даже ощупывал его лицо.

Но внезапно он спрыгнул со стула и отошел от стены. Раздался звук шагов. На пороге показался месье Андерма.

У банкира вырвался крик удивления:

— Вы! Вы! Это вы меня вызвали?

— Я? Вовсе нет, — запротестовал Варен надтреснутым голосом, напомнившим голос брата, — это вы меня вызвали своим письмом.

— Моим письмом?

— Да, за вашей подписью, где вы предлагаете мне…

— Я вам ничего не писал.

— Не писали?!

Инстинктивно Варен насторожился, опасаясь не банкира, но неизвестного противника, завлекшего его в эту западню. Его глаза вторично обратились в нашу сторону, и он быстро направился к двери.

Месье Андерма преградил ему путь.

— Куда вы, Варен?

— Что-то мне все эти трюки не по нутру. Я сматываюсь. Пока.

— Минутку!

— Послушайте, месье Андерма, хватит, нам нечего сказать друг другу.

— Нам есть много чего сказать, да и случай на редкость подходящий…

— Дайте пройти.

— Нет, ни за что. Не дам.

Варен отступил, решительность банкира его поколебала, и он пробормотал:

— Ладно, быстро поговорим, и баста!

Но меня удивило (и я не сомневался в том, что оба мои сообщника испытывали то же чувство разочарования) отсутствие Сальватора. Разве он не планировал явиться сюда сам? Неужели его устраивала встреча банкира и Варена наедине? Я был в полной растерянности. Без

участия Сальватора эта дуэль, им же задуманная и подстроенная, приобретала трагический размах событий, порожденных и управляемых безжалостной силой судьбы, столкнувшей сейчас этих двоих, и еще больше впечатляла, поскольку происходила помимо их воли.

Через мгновенье месье Андерма встал перед Вареном лицом к лицу и сказал, глядя прямо ему в глаза:

— Теперь, по прошествии стольких лет, когда вам нечего бояться, ответьте мне честно, Варен. Что вы сделали с Луи Лакомбом?

— Странный вопрос! Откуда мне знать, что с ним случилось?

— Вы знаете! Конечно знаете! Вы с братом ходили за ним по пятам, жили почти что у него в доме, в этом самом, где мы сейчас находимся. Вы были осведомлены о его работе, обо всех его проектах. А в тот последний вечер, Варен, когда я провожал Лакомба до своей двери, я видел в темноте два силуэта. Готов в этом поклясться.

— Ну и что с того?

— Это были вы с братом, Варен.

— А ну докажите!

— Лучшее доказательство то, что два дня спустя вы сами показывали мне документы и черте-

жи, которые вы нашли в портфеле Лакомба, и предложили мне их купить. Как же они попали к вам в руки?

— Я уже говорил вам, месье Андерма, мы нашли их на столе самого Луи Лакомба на следующее утро после его исчезновения.

— Это неправда.

— Докажите!

— Полиция могла бы доказать.

— Так почему же вы к ней не обратились?

— Почему? Действительно, почему же…

Он замолчал, помрачнев. Варен продолжал:

— Видите ли, месье Андерма, если бы вы хоть на самую малость были в этом уверены, то вообще бы не отреагировали на ничтожную угрозу с нашей стороны…

— Какую угрозу? Эти письма? Неужели вы думаете, что я на минуту поверил в их существование?

— Если вы не поверили в эти письма, почему предлагали мне сотни и тысячи, чтобы взглянуть на них? И почему тогда устроили облаву на нас с братом, как на диких зверей?

— Чтобы получить назад нужные мне чертежи.

— Бросьте. Все это из-за писем. А как только вы

бы их получили, вы бы нас сдали. Сразу же! Не успей я с ними расстаться!

Он рассмеялся, но неожиданно замолчал.

— Все, хватит! Можно без конца твердить одно и то же, а вперед мы ни на шаг не продвинемся. Давайте на этом и порешим.

— Нет, не порешим, — сказал банкир, — и раз уж вы заговорили о письмах, вы не выйдете отсюда, пока мне их не отдадите.

— Выйду.

— Ни за что.

— Послушайте, месье Андерма, советую вам…

— Вы не выйдете отсюда.

— А вот посмотрим, — сказала Варен с такой яростью, что мадам Андерма не смогла сдержать слабый крик.

Наверное, он услышал его, потому что ринулся прочь. Месье Андерма резко оттолкнул его. Тогда я увидел, что Верен засунул руку в карман сюртука.

— Говорю в последний раз!

— Сперва письма!

Варен выхватил револьвер и навел его на банкира.

— Да или нет?

Тот быстро пригнулся.

Раздался выстрел. Оружие упало на пол.

Я был потрясен. Выстрел прозвучал рядом со мной! Это Даспри одной пулей выбил револьвер из руки Альфреда Варена.

И внезапно он встал между противниками, лицом к Варену, и сказал, смеясь:

— Вам повезло, друг мой, вам крупно повезло. Я метил в руку, а попал в револьвер.

Оба в растерянности молча глядели на него. Даспри сказал банкиру:

— Простите, месье, что я вмешиваюсь не в свое дело. Но вы и впрямь разыгрываете свою партию на редкость нескладно. Позвольте мне взять карты.

И, повернувшись к другому:

— Сыграем вдвоем, дружище. И в открытую, прошу. Козыри — черви, ставлю на семерку.

И он поднес к самому его носу железную пластинку с семью красными отверстиями.

Мне в жизни не приходилось наблюдать такого потрясения. Бледный, с выпученными глазами на перекошенном лице, Варен, казалось, не мог пошевелиться, увидев перед собой незнакомца.

— Кто вы? — пробормотал он.

— Я уже сказал — тот, кто вмешивается не в свое дело… но уходит в него с головой.

— Что вам нужно?

— Все, что ты принес.

— Я ничего не принес.

— Неправда, иначе ты бы не пришел сюда. Ты утром получил записку, в которой тебя просили прийти в девять вечера и потрудиться принести с собой все имеющиеся в наличии документы. И вот ты здесь. Где же документы?

В голосе Даспри, в его манере сквозила какая-то особая властность, сбивавшая меня с толку: этот человек, обычно скорее беспечный и мягкий, теперь держался совсем иначе. Совершенно смирившись, Варен указал на свой карман:

— Документы здесь.

— Все документы?

— Да.

— Это все, что ты нашел в портфеле Луи Лакомба и продал майору фон Либену?

— Да.

— Это копии или оригиналы?

— Оригиналы.

— Сколько ты просишь?

— Сто тысяч.

Даспри расхохотался:

— Ты рехнулся. Майор дал тебе всего двадцать. Двадцать тысяч, выброшенных на ветер, потому

что испытания прошли неудачно.

— Они не смогли разобраться в чертежах.

— Одних чертежей мало.

— Тогда зачем вы их просите?

— Они мне нужны. Даю тебе пять тысяч, и ни су больше.

— Десять тысяч. И ни су меньше.

— Идет.

Даспри повернулся к месье Андерма.

— Извольте выписать чек, месье.

— Но… у меня с собой нет…

— Чековой книжки? Вот она.

Потрясенный, месье Андерма принялся ощупывать чековую книжку, которую протянул ему Даспри.

— Да, это моя. Но каким образом?..

— К чему пустые слова? Прошу вас, месье, вам осталось только подписать чек.

Банкир достал стило и подписал. Варен протянул руку.

— Руки прочь, — сказал Даспри, — еще не все закончено.

И произнес, обращаясь к банкиру:

— Вы ведь тоже требовали письма?

— Да, пачку писем.

— Где они, Варен?

— У меня их нет.

— Где они, Варен?

— Не знаю. Этим занимался мой брат.

— Они спрятаны здесь, в этой комнате.

— Ну тогда вам лучше знать, где они.

— Откуда ж я могу знать?

— Черт возьми, разве не вы рылись в тайнике? Кажется, вы в курсе, не хуже… Сальватора.

— Писем в тайнике нет.

— Они там.

— Тогда открой.

Во взгляде Варена читалось недоверие. Ведь все сводилось к тому, что Даспри и Сальватор — на самом деле одно лицо. Если это так, то, показав ему уже известный тайник, он ничем не рискует. Если же нет, это бесполезно…

— Открой! — повторил Даспри.

— У меня нет семерки червей.

— Есть, вот она, — сказал Даспри, протягивая ему железную пластинку.

Варен в ужасе отпрянул:

— Нет… нет… я не хочу…

— О чем тут спорить?

Даспри подошел к портрету старого монарха с окладистой бородой, влез на стул и приложил семерку червей к основанию меча рядом с рукоят-

кой, так, что пластинка полностью перекрывала по ширине клинок. Затем он взял шило и поочередно стал вводить его острие в семь отверстий, проделанных в каждом знаке, нажимая на кусочки мозаики. При седьмом нажатии раздался щелчок, изображение короля стало поворачиваться, открыв большой проем, оборудованный как сейф и облицованный изнутри железом с двумя полками из блестящей стали.

— Ты же видишь, Варен, что сейф пустой?

— И правда… Выходит, что мой брат забрал все письма.

Даспри подошел к нему и произнес:

— Не надейся, что перехитришь меня. Есть еще один тайник. Где он?

— Другого нет.

— Хочешь денег? Сколько?

— Десять тысяч.

— Месье Андерма, по-вашему, эти письма стоят десяти тысяч?

— Да, — ответил банкир уверенно.

Варен закрыл сейф, с видимым недовольством взял семерку червей, приложил к тому же самому месту в рукоятке меча. Затем засунул шило в одно за другим семь отверстий в знаках масти. Раздался новый щелчок, но на сей раз совершен-

но неожиданно повернулась лишь часть сейфа, открыв сейф поменьше, выдолбленный внутри толстой дверцы внешнего сейфа.

Там лежала пачка писем, перевязанная бечевкой и запечатанная. Варен отдал ее Даспри. Тот спросил:

— Месье Андерма, чек выписан?

— Да.

— И у вас также имеется последний документ Луи Лакомба, дополняющий чертежи субмарины?

— Да.

Произошел обмен. Даспри положил в карман документ и чек, а пачку писем передал месье Андерма.

— Вот то, что вы желали получить, месье.

Банкир секунду поколебался, словно боялся дотронуться до этих про́клятых листков, которые столь упорно разыскивал. Потом нервным жестом схватил их.

Рядом со мной раздался стон. Я схватил мадам Андерма за руку: рука была ледяной.

Даспри сказал банкиру:

— Полагаю, месье, наш разговор завершен. Нет, не стоит меня благодарить, прошу вас. Я смог оказаться вам полезным лишь благодаря случаю.

Месье Андерма удалился. Он уносил письма жены, адресованные Луи Лакомбу.

— Чудесно! — воскликнул Даспри с весьма довольным видом. — Все складывается как нельзя лучше. Осталось только довести наше дело до конца, дружище. Где документы?

— Вот они все.

Даспри проверил их, внимательно просмотрел и засунул в карман.

— Отлично, ты сдержал слово.

— Но…

— Но что?

— Два чека? Деньги?

— Какая наглость, старина. Ты еще смеешь что-то требовать?

— Я требую то, что мне причитается.

— А тебе что-то причитается за краденые документы?

Варен был вне себя от ярости. Он трясся от гнева, глаза налились кровью.

— Деньги… Двадцать тысяч… — бормотал он.

— Не выйдет. У меня на них свои виды.

— Деньги!

— Ну, будь же благоразумным и брось свой нож.

Он так резко схватил его за руку, что тот взвыл

от боли. Тогда Даспри добавил:

— Ступай отсюда, приятель. Тебе полезно проветриться. Тебя проводить? Я поведу тебя через пустырь и покажу груду камней, под которой…

— Это неправда! Неправда!

— Почему же? Это правда. Эта железная пластинка с семью красными пятнышками как раз оттуда. Луи Лакомб ведь с ней не расставался, помнишь? Вы с братом случайно зарыли ее вместе с трупом… и другими вещами, которые сильно заинтересуют полицию.

Варен закрыл лицо яростно сжатыми кулаками. Потом произнес:

— Ладно. Здорово меня обмишурили. Баста. Нет, еще одно слово, одно-единственное… Я хочу знать…

— Слушаю.

— А не было в сейфе, в большом сейфе, шкатулки?

— Была.

— Когда вы пришли сюда в ночь с двадцать второго на двадцать третье июня, она была?

— Да.

— И в ней лежало?..

— Все, что братья Варен в нее положили: неплохой набор драгоценностей — бриллианты и

жемчуг, украденные то там, то здесь уже упомянутыми братьями.

— И вы их взяли себе?

— Черт возьми, поставь себя на мое место!

— Выходит, что мой брат застрелился, когда увидел, что шкатулка исчезла?

— Возможно. Пропажи вашей переписки с майором фон Либеном было явно недостаточно. А вот пропажа шкатулки… Это все, что ты хотел у меня спросить?

— Нет, скажите еще ваше имя.

— Ты так говоришь, будто собираешься мне отомстить.

— Черт побери! Удача — дело наживное. Сегодня вы в выигрыше. Завтра…

— Придет твоя очередь.

— Очень надеюсь. Ваше имя?

— Арсен Люпен.

— Арсен Люпен!

Варен покачнулся, словно его огрели дубиной по голове. Похоже, что эти два слова отняли у него всякую надежду. Даспри рассмеялся:

— Ах вот в чем дело! Неужели ты вообразил, что какой-нибудь Дюпон или Дюран мог провернуть всю эту непростую операцию? Брось, тут был нужен по меньшей мере Арсен Люпен. А теперь,

когда ты посвящен в тайну, иди, малыш, готовься отомстить. Арсен Люпен ждет тебя.

И он без лишних слов выставил его за дверь.

— Даспри, Даспри, — закричал я, называя его, помимо своей воли, тем именем, под которым знал прежде.

Я отодвинул рывком бархатную портьеру.

Он подбежал:

— Что? Что такое?

— Мадам Андерма плохо.

Он кинулся к ней, поднес нюхательную соль и, продолжая приводить ее в чувство, спросил меня:

— А что же произошло?

— Письма! — ответил я. — Вы передали ее мужу письма Луи Лакомба!

Он стукнул себя по лбу:

— Она подумала, что я так поступил!.. Ну да, в конце концов, она могла так подумать. Какой же я дурак!

Мадам Андерма пришла в себя и жадно прислушивалась к его словам. Он вынул из бумажника небольшую пачку писем, очень похожую на ту, которую унес с собой месье Андерма:

— Вот ваши письма, мадам.

— А те, другие?

— Другие — очень похожи на эти, только переписанные мной этой ночью и тщательно отобранные. Ваш муж будет крайне счастлив, когда прочтет их, поскольку не заподозрит подмену — ведь они были найдены у него на глазах…

— А почерк?

— Нет такого почерка, который нельзя скопировать.

Она поблагодарила его в тех же выражениях, которые могла бы адресовать человеку своего круга, и я понял, что она, скорее всего, не слышала последних фраз, которыми обменялись Варен и Арсен Люпен.

Я же смотрел на него в некотором замешательстве, не зная, что мне сказать старому другу, представшему предо мной в столь неожиданном свете. Люпен! Это был Люпен! Мой закадычный друг — не кто иной, как Арсен Люпен! Я не мог прийти в себя. Он же чувствовал себя совершенно непринужденно:

— Можете распрощаться с Жаном Даспри.

— Неужели?

— Да, Жан Даспри отправляется в путешествие. Я посылаю его в Марокко. Вполне возможно, что там его ожидает достойный конец. Могу даже признаться, таково его намерение.

— Но ведь Арсен Люпен останется с нами?

— Вне всяких сомнений! Арсен Люпен еще только начинает свою карьеру и твердо рассчитывает…

В порыве непреодолимого любопытства я бросился к нему, увлекая его в сторону от мадам Андерма:

— Значит, вам удалось найти второй тайник, тот, где лежали письма?

— Да, пришлось поломать голову! Нашел его только вчера в полдень, пока вы отдыхали. А ведь только одному Богу известно, как это просто! Но о самом простом думаешь всегда в самую последнюю очередь.

И, показывая мне семерку червей:

— Я догадался, что открыть большой сейф можно, приложив пластинку к мечу этого старикана из мозаики…

— А как вы догадались?

— С легкостью. Помогла личная осведомленность. Я знал это уже двадцать второго июня вечером, когда пришел сюда…

— Когда расстались со мной…

— Да. После того как выбрав нужную тему для разговора, привел вас в соответствующее душевное состояние, и тогда такой впечатлительный

и легко возбудимый человек, как вы, неизбежно должен был позволить действовать, как мне заблагорассудится, причем не вылезая при этом из постели.

— Все рассчитано точно.

— Когда я шел сюда, я знал, что существует шкатулка, спрятанная в сейфе с секретным замком, что семерка червей — это ключ, кодовое число замка. Оставалось лишь поместить семерку в то место, которое явно ей отводилось. Мне хватило часа внимательного наблюдения.

— Часа!

— Да, он ушел на изучение старца с мозаичного панно.

— Старого императора?

— Этот старый император — точное изображение короля червей на всех карточных колодах, портрет Карла Великого[33].

— В самом деле… Но почему семерка червей открывает то большой, то маленький сейф? И почему сперва вы открыли только большой?

— Почему? Да потому, что я упорно ставил семерку в одно и то же положение. И только вчера заметил, что, если вращать ее, то есть когда

---

[33] Notes: 33

Во французской карточной колоде король червей традиционно ассоциируется с Карлом Великим, королем франков (742–814).

седьмое сердечко, которое расположено в центре карты, перевернуто, меняются позиции всех остальных значков.

— Черт побери!

— Разумеется, но нужно было до этого додуматься.

— Еще одно: вы же не знали про письма до того, как мадам Андерма…

— Упомянула о них при мне? Да, не знал. В сейфе, помимо шкатулки, я нашел лишь переписку двух братьев, которая и навела меня на мысль об их предательстве.

— Короче говоря, только благодаря случайности вы вышли на историю братьев и только потом стали искать документы, относящиеся к подводной лодке?

— Да, благодаря случайности.

— Но с какой целью вы начали поиски?..

Даспри со смехом перебил меня:

— Боже мой, как это дело вас заинтриговало!

— Скорее захватило!

— Хорошо, я только провожу мадам Андерма и отнесу в редакцию «Эко де Франс» сообщение, которое сейчас напишу, потом вернусь, и мы сразу же обсудим все до малейших подробностей.

Он сел и написал одну из тех коротких заметок,

где так ярко проявляется фантазия автора. Все, должно быть, помнят, сколько шуму она наделала во всем мире.

> Арсен Люпен решил задачу, поставленную недавно Сальватором. Став обладателем всех документов и подлинных чертежей Луи Лакомба, он передал их в руки министра военно-морского флота. По этому случаю Арсен Люпен объявляет сбор средств, чтобы передать государству первую субмарину, построенную по этим чертежам, и желает возглавить список, жертвуя двадцать тысяч франков.

— Двадцать тысяч франков по чекам месье Андерма? — спросил я его, когда он показал мне газету.

— Именно так. По справедливости Варен должен заплатить за свое предательство.

Вот так я и познакомился с Арсеном Люпеном. Так я узнал, что Жан Даспри, человек моего круга, светский приятель, был не кто иной, как Арсен Люпен, джентльмен-грабитель. Так я завязал дружеские узы с этим незаурядным человеком, так постепенно благодаря оказанному мне доверию

превратился в скромного, очень преданного и весьма благодарного историографа.

Сейф мадам Эмбер

В три часа ночи возле одного из особнячков, выстроившихся в ряд вдоль бульвара Бертье, где селятся художники, еще стояло полдюжины экипажей. Дверь особняка открылась. Оттуда вышла группа гостей — мужчин и женщин. Слева и справа тотчас подъехали четыре кареты, и на бульваре осталось лишь два визитера, они расстались на углу улицы де Курсель, где проживал один из них. Второй решил пройтись пешком до Порт-Майо.

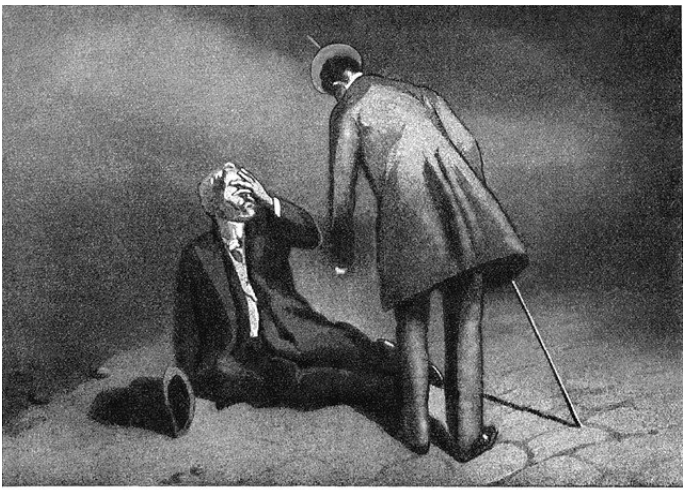
Итак, он пересек авеню де Вилье и продолжил путь по тротуару, тянувшемуся вдоль земляного вала. Как приятно прогуляться дивной ясной и морозной зимней ночью! Легко дышалось. Эхо весело вторило звуку шагов.

Но через несколько минут у него возникло неприятное чувство, будто его преследуют. Он обернулся и действительно заметил мужской силуэт, прятавшийся за деревьями. Он был не из пугливых, но все же ускорил шаг, чтобы побыстрее очутиться у заставы Терн. Но человек поспешил за ним. Он насторожился и решил,

что разумнее встретиться с ним лицом к лицу, и хотел вынуть из кармана револьвер.

Но не успел. Человек внезапно напал на него, и тут же на безлюдном бульваре завязалась драка, борьба врукопашную, и он сразу почувствовал, что уступает в силе. Попытался звать на помощь, отбиваться, но его повалили на кучу камней, стали душить, вместо кляпа засунули в рот носовой платок. Глаза у него закрылись, в ушах гудело, он почти потерял сознание, когда внезапно хватка ослабла, человек, вцепившийся ему в горло и навалившийся всей своей тяжестью, вскочил и стал, в свою очередь, защищаться от неожиданного нападения.

Удар тростью по запястью, удар сапогом по лодыжке… Мужчина каждый раз кричит от боли и улепетывает, хромая и ругаясь.



Не собираясь преследовать убегающего, новый персонаж наклоняется и спрашивает:

— Месье, вы ранены?

Нет, он не ранен, но кружится голова, и он не может стоять. К счастью, на крики прибегает дежурный с заставы. Вызван экипаж. Господин

садится в него в сопровождении своего спасителя, и они едут к нему домой на авеню Великой Армии.

Он уже полностью пришел в себя и перед дверью рассыпается в благодарностях:

— Я обязан вам жизнью, месье, поверьте, я никогда этого не забуду. Сейчас мне не хочется пугать жену, но надеюсь, она сама сумеет выразить вам нашу общую признательность в самое ближайшее время.

И просит его прийти на обед, называет свое имя: Людовик Эмбер, добавив при этом:

— Могу ли я узнать, с кем имею честь…

— Ну разумеется, — отвечает тот.

И представляется:

— Арсен Люпен.

В то время Арсен Люпен не имел той известности, какую снискали ему дело Каорна, бегство из Санте и многие другие нашумевшие подвиги. Тогда его даже не звали еще Арсеном Люпеном. Это имя, которому было уготовано столь славное будущее, было придумано специально для спасителя месье Эмбера, и можно сказать, что именно в этом деле оно получило боевое крещение. Арсен Люпен был готов к бою, что правда, то правда, вооружен до зубов, но, не имея ни средств, ни

авторитета, способствующих успеху, оставался лишь подмастерьем в том ремесле, где скоро ему предстояло прослыть мастером.

И поэтому когда утром, проснувшись, он вспомнил о полученном накануне ночью приглашении, то был вне себя от радости. Наконец-то он близок к цели! Наконец ему предстоит дело, достойное его сил и его таланта! Миллионы семейства Эмбер — замечательная добыча, достойная его аппетита!

Он оделся подобающим образом: потертый сюртук, залоснившиеся брюки, шляпа из порыжевшего шелка, обтрепанные манжеты и пристежной воротничок — все отменно чистое, но указывающее на стесненность в средствах. Вместо галстука — черный бант, а в нем бриллиантовая булавка с невероятной величины камнем — с горошину. И, вырядившись таким образом, он стал спускаться по лестнице своего дома на Монмартре. На четвертом этаже, проходя мимо закрытой двери одной из квартир, он постучал в нее набалдашником трости. Вышел на бульвар. Мимо проезжал трамвай. Он сел в него, а сосед с четвертого этажа, идущий за ним следом, занял место рядом.

И через минуту произнес:

— Так что, патрон?

— Все на мази.

— Каким образом?

— Я у них обедаю.

— Обедаете?

— Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я впустую растрачивал свое драгоценное время? Я вытащил месье Людовика Эмбера из лап неминуемой смерти, на которую ты его обрек. А месье Людовик Эмбер — человек благодарный. Вот он и пригласил меня отобедать у них.

Молчание. Собеседник неуверенно спросил:

— Значит, вы не отказываетесь?

— Мой милый, — ответил Арсен, — уж раз я разыграл это небольшое нападение — в три часа ночи неподалеку от земляного вала уложил тебя ударом трости по запястьям, а сапога — по ногам, рискуя тем самым покалечить своего единственного друга, то, разумеется, вовсе не затем, чтобы сегодня отказаться от преимуществ, приобретенных в результате столь удачно организованной операции по спасению.

— Но об их богатстве ходят дурные слухи…

— И пусть себе ходят. Я занимаюсь этим делом уже полгода, полгода навожу справки, исследую, расставляю сети, расспрашиваю слуг, поставщи-

ков, подставных лиц, полгода живу, наблюдая за мужем и женой. Именно потому я знаю, чего мне придерживаться. Не важно, откуда получено их состояние — от старого Брауфорда, как они утверждают, или из другого источника, я подтверждаю: оно существует. А раз оно существует, то должно принадлежать мне.

— Черт возьми, сто миллионов!

— Скажем, десять или даже пять, не важно! В сейфе лежит большой пакет ценных бумаг. И разрази меня гром, если в один прекрасный день я не доберусь до него.

Трамвай остановился на площади Этуаль. Сосед прошептал:

— Итак, на данный момент?..

— На данный момент полное бездействие. Я дам знать. Время у нас есть.

Пять минут спустя Арсен Люпен уже поднимался по роскошной лестнице особняка Эмберов, и Людовик представлял его жене. Жервеза была невысокой и весьма разговорчивой толстушкой. Она сердечно приняла Люпена.

— Мне так хотелось, чтобы мы чествовали нашего спасителя в узком семейном кругу! — сказала она.

И с первых же минут «нашего спасителя» при-

нимали как давнего друга. К десерту разговор стал совсем задушевным и посыпались признания. Арсен рассказал о своей жизни, о жизни своего отца, неподкупного судьи, о своем грустном детстве и нынешних трудностях. Жервеза, в свою очередь, поведала о своей юности, замужестве, доброте старого Брауфорда, унаследованных от него ста миллионах, о преградах, стоявших на пути и мешавших им вступить в права наследства, о займах, которые пришлось брать под невероятные проценты, о бесконечных тяжбах с племянниками Брауфорда, об опротестованных судебных решениях, запретах распоряжаться имуществом! Короче, обо всем на свете!

— Подумайте только, месье Люпен, ценные бумаги у нас под рукой, в кабинете моего мужа, но если мы возьмем оттуда на бедность хотя бы один купон[34], то лишимся всего! Они здесь, у нас в сейфе, а мы не можем до них дотронуться!

При мысли о подобном соседстве месье Люпен слегка вздрогнул. И очень четко понял, что месье Люпену никогда не хватило бы душевного благородства, свойственного этой милой даме, чтобы испытать подобные угрызения совести.

---

[34] Notes: 34

Купон — отрывная часть акции, предназначенная для получения дивиденда.

— А, так они здесь! — прошептал он с пересохшим горлом.

— Да, здесь.

Отношения, завязавшиеся при таких благих предзнаменованиях, могли только упрочиться. В ответ на тактичные расспросы Арсен Люпен признался в собственной бедности и невзгодах. И немедля несчастный юноша был назначен личным секретарем супругов с жалованьем в сто пятьдесят франков в месяц. Он может по-прежнему жить у себя, но должен ежедневно являться к Эмберам за распоряжениями, и для большего удобства ему выделят в качестве кабинета одну из комнат на третьем этаже.

Он выбрал. По какому-то невероятному стечению обстоятельств она располагалась прямо над кабинетом Людовика.

Арсену не потребовалось много времени, чтобы понять, что его должность секретаря сильно смахивает на синекуру. За два месяца ему пришлось переписать всего четыре письма и только один раз явиться по вызову хозяина к нему в кабинет, что позволило только один раз официально лицезреть тот самый сейф. Но при этом он заметил, что обладателя должности секретаря не считали достойным фигурировать в списке гостей рядом

с депутатом Анкети или председателем коллегии адвокатов Грувелем и поэтому забывали приглашать на светские приемы.

Он на это вовсе не обижался, предпочитая скромно держаться в тени, в стороне — счастливый и свободный. Впрочем, он не терял времени даром. Прежде всего совершил несколько тайных вылазок в кабинет Людовика, чтобы засвидетельствовать свое почтение сейфу, но тот, увы, так и остался непроницаемым. Это была огромная, мрачная с виду глыба из чугуна и стали, против которой были бессильны и напильник, и сверло, и фомка.

Но Арсен Люпен не стал упорствовать.

— Там, где нельзя взять силой, берут смекалкой, — сказал он себе. — Главное, приглядеться и навострить уши.

Поэтому он принял надлежащие меры и после тщательного и трудоемкого бурения паркета в своем кабинете, ему удалось засунуть туда свинцовую трубку, которая выходила в потолок кабинета хозяина, притаившись среди лепнины карниза. Используя ее и как слуховую, и как подзорную трубу, он надеялся увидеть и услышать, то, что ему требовалось.

Отныне он проводил все время, распластав-

шись на полу своего кабинета. И впрямь, он часто наблюдал, как супруги Эмбер о чем-то совещались перед сейфом, проверяли учетные книги и перебирали бумаги. Когда они по очереди поворачивали четыре ручки, набирая шифр, он силился услышать, сколько раз они щелкали в пазах. Он следил за движениями Эмберов, подслушивал их разговоры. А что они делали с ключом? Куда его прятали?

Как-то он в спешке спустился вниз, заметив, что они выходят из кабинета, не закрыв сейф. Он решительно вошел туда, но они тут же вернулись.

— Ой, простите, — сказал он, — я ошибся дверью.

Но Жервеза кинулась за ним, затаскивая его назад в комнату:

— Входите же, месье Люпен, входите. Разве вы здесь не у себя? Вот вы нам сейчас дадите совет. Какие ценные бумаги лучше продать — внешние или государственные?

— А как же запрет? — спросил Люпен, крайне удивившись.

— А… так запрет касается не всего.

Она приоткрыла дверцу. На полках лежали связки ценных бумаг, перехваченные бечевками. Она взяла одну из них. Но муж запротестовал:

— Нет, нет, Жервеза, это безумие — продавать внешние бумаги. Они будут расти в цене… А внутренние сейчас, наоборот, на пике. А как, дорогой друг, считаете вы?

Дорогой друг не имел на этот счет ни малейшего представления, однако посоветовал пожертвовать государственными займами. Тогда она взяла другую пачку и вытащила оттуда наугад одну трехпроцентную облигацию в 1374 франка. Людовик положил ее в карман. Днем, сопровождаемый секретарем, он продал ее биржевому маклеру и получил сорок шесть тысяч франков.

Что бы ни говорила Жервеза, но в особняке Эмберов Люпен не чувствовал себя как дома. Напротив, он не переставал удивляться. Много раз ему случалось убеждаться, что слуги не знают его имени. Они называли его просто «месье». А Людовик всегда говорил им так: «Предупредите месье… Месье уже пришел?» Почему такое загадочное обращение?

И хотя при первой встрече Эмберы восторженно отнеслись к своему благодетелю, теперь они почти с ним не разговаривали и, выражая должную учтивость, совсем не общались. Создавалось впечатление, что они воспринимают его как некоего чудака, который терпеть не может,

когда ему докучают, и поэтому с уважением относились к его замкнутости, словно подобное отношение было продиктовано им самим, было его собственной прихотью. Как-то раз, проходя по вестибюлю, он услышал, как Жервеза говорила двум визитерам:

— Он такой дикарь!

«Пусть так, — подумал он, — да, я дикарь». И, не пытаясь вникнуть в странное поведение этих людей, он продолжал приводить в исполнение свой план. Он взял себе за правило не полагаться ни на волю случая, ни на забывчивость Жервезы, которая всегда держала при себе ключ от сейфа и к тому же никогда не уносила ключ, пока не переставит шифр в замке. Значит, нужно было действовать, исходя из этого.

Но развитие событий ускорили обстоятельства: некоторые газеты развернули яростную кампанию против Эмберов. Их обвиняли в мошенничестве. Арсен Люпен присутствовал при развитии драмы, наблюдал волнение супругов и понял, что промедление грозит ему полным провалом.

Пять вечеров подряд он не отправлялся домой в шесть часов, как было заведено, а запирался в своей комнате. Все считали, что он уже ушел.

А он, лежа на полу, вел наблюдение за кабинетом Людовика.

Пять вечеров кряду, так и не дождавшись благоприятного момента, он уходил среди ночи через небольшую дверь, ведущую со двора на улицу. У него был от нее свой ключ.

Но на шестой день он узнал, что в ответ на бесчестные происки врагов Эмберы сами предложили открыть сейф и составить опись содержимого.

«Это случится сегодня вечером», — подумал Люпен.

И впрямь, после ужина Людовик расположился у себя в кабинете. Жервеза присоединилась к нему. И они принялись разбирать бумаги, лежавшие в сейфе.

Прошел час, потом другой. Он слышал, как слуги ложились спать. Теперь на втором этаже никого не было. Полночь. Эмберы продолжали работать.

— Вперед, — прошептал Люпен.

Он открыл окно. Оно выходило во двор, абсолютно темный в эту безлунную и беззвездную ночь. Он достал из шкафа веревку с узлами, привязал к балконным перилам, перешагнул через них и начал осторожно спускаться, держась за

водосточную трубу, прямо к окну кабинета, находившемуся под балконом. Плотные шторы на подкладке скрывали происходившее в комнате. Оказавшись на балконе ниже этажом, он на мгновенье замер возле окна, прислушиваясь и всматриваясь в темноту.

Тишина его успокоила, и он слегка надавил на створки окна. Если никто их не трогал, они должны легко поддаться, поскольку днем он повернул шпингалет, вынув его из паза.

Створки поддались. Тогда он стал бесшумно раскрывать их пошире и остановился, как только в проем вошла его голова. В щель сквозь неплотно задвинутые шторы пробивалась полоска света: он увидел Жервезу и Людовика, сидящих бок о бок возле сейфа.

Они полностью ушли в работу и только изредка тихо перекидывались отдельными словами. Арсен прикинул разделявшее их расстояние и точно рассчитал движения, намереваясь по очереди лишить их возможности двигаться, но не оставить времени позвать на помощь. Он уже собрался прыгнуть, как Жервеза сказала:

— Как-то вдруг стало холодно! Пойду-ка я спать. А ты?

— Я бы хотел закончить.

— Закончить! Да тут работы на всю ночь.

— Да нет же, не больше часа.

Она ушла. Прошло двадцать минут, полчаса. Арсен чуть шире растворил окно. Шторы заколыхались. Он толкнул раму сильнее. Людовик обернулся и, увидев, что шторы надулись от ветра, встал, собираясь закрыть окно…

Не последовало ни крика, ни намека на борьбу. Несколькими точными движениями, но, стараясь не причинить боли, Арсен оглушил его, замотал ему голову шторой и связал так быстро, что Людовик даже не разглядел лица нападавшего.

Потом он быстро направился к сейфу, схватил две связки бумаг, сунул под мышку, вышел из кабинета, спустился по лестнице, пересек двор и открыл служебную дверь на улицу. Там его ждал экипаж.

— Сперва возьми это, а потом иди за мной, — велел он кучеру.

Он вернулся в кабинет. В два приема сейф был опустошен. Потом Арсен поднялся в свою комнату, отвязал веревку и убрал все следы своего участия. Все было кончено.

После этого Арсен Люпен и его сообщник в течение нескольких часов разбирали связки бумаг. Он не был разочарован, поскольку заранее пред-

полагал, что состояние Эмберов не соответствует слухам. Миллионы исчислялись не сотнями и даже не десятками. Но однако, общий итог представлял собой весьма солидную сумму, поскольку деньги были вложены в выгодные предприятия: в акции железной дороги, парижские и государственные ценные бумаги, акции Суэцкого канала и северных угольных шахт и т. д.

Он был удовлетворен.

— Разумеется, — говорил он, — позднее нас ждет глубокое разочарование, когда настанет время продавать их. Возникнут препятствия, придется, и не раз, уступать их по бросовой цене. Не важно, получив это первоначальное вложение, я смогу жить, как мне захочется… и воплотить самые дорогие свои мечты.

— А остальное?

— Остальное можешь сжечь, малыш. Эта груда хорошо смотрелась в сейфе. Для нас она бесполезна. Что же до ценных бумаг, мы спокойно запрем их в шкафу и будем ждать удобного момента.

На следующий день Арсен решил, что может спокойно вернуться в особняк Эмберов, но узнал из газет неожиданную новость: Людовик и Жервеза исчезли.

Сейф открывали с большой торжественностью.

Представители судебной власти нашли в нем то, что оставил Арсен Люпен, иначе говоря, совсем немного…

Таковы факты, и некоторые из них объясняются вмешательством Арсена Люпена. Я слышал этот рассказ из его уст, когда он как-то разоткровенничался со мной.

В тот день он ходил взад и вперед по моему кабинету, а глаза его блестели незнакомым мне лихорадочным блеском.

— В общем и целом, — сказал ему я, — это ваше лучшее дело?

Не ответив мне напрямую, он продолжал:

— Есть в этой операции непостижимые загадки. И даже после всех моих объяснений, сколько остается неясного! Почему они сбежали? Почему не воспользовались услугой, которую я невольно оказал им? Ведь было так просто заявить: «В сейфе лежало сто миллионов. Их больше нет, потому что их украли!»

— Они потеряли голову.

— Хорошо, допустим… С другой стороны, ведь правда, что…

— Что?

— Нет, ничего.

Что означали эти недомолвки? Он явно чего-то

недоговаривал и явно не хотел говорить больше. Я был заинтригован. Видимо, речь шла о чем-то серьезном, раз у такого человека, как он, возникали сомнения.

Тогда я стал задавать ему вопросы наобум:

— Вы их больше не видели?

— Нет.

— И вам не случалось испытывать какое-то сострадание к этим несчастным?

— Мне? — воскликнул он, подскочив.

Его возмущение удивило меня. Неужели я задел его за живое? Я настаивал:

— Ну да, вам. Не будь вас, они, возможно, могли бы справиться с угрозой… или хотя бы исчезли, предварительно набив карманы.

— То есть вы приписываете мне угрызения совести?

— Да, черт возьми!

Он сильно ударил рукой по столу:

— Выходит, по-вашему, я должен был бы испытывать угрызения совести?

— Назовите это угрызениями совести или сожалениями, короче говоря, вы могли бы испытывать какие-то эмоции…

— Какие-то эмоции по отношению к людям…

— К людям, которых вы лишили состояния.

— Какого состояния?

— Ну, двух или трех пачек ценных бумаг...

— Двух или трех пачек ценных бумаг! Я их лишил груды ценных бумаг, не так ли? Части их наследства! И в этом моя вина? Мое преступление? Но, черт возьми, дорогой мой, разве вы не догадались, что эти ценные бумаги были фальшивыми? Слышите, ФАЛЬШИВЫМИ!

Я смотрел на него в полном потрясении.

— Фальшивыми? Четыре или пять миллионов?

— Фальшивыми, — воскликнул он в ярости, — более чем фальшивыми! Облигации, парижские и внутренние займы — это просто бумага, обычная бумага! Из всей этой кучи я не смог выручить ни единого су! А вы говорите об угрызениях совести? Это они должны их испытывать! Они обвели меня вокруг пальца как младенца! Обобрали, как последнего болвана! Как полного недоумка!

Он был по-настоящему разъярен, взыграли досада и уязвленное самолюбие.

— Признаюсь, что они меня обыграли с самого первого хода! Знаете ли вы, какую роль я сыграл в этом деле или, вернее, какую роль они мне отвели? Роль Андре Брауфорда! Да, дорогой мой, а я даже ничего не заподозрил!

И только позднее из газет, сопоставив отдельные детали, я догадался. Пока я выступал благодетелем, человеком, рисковавшим жизнью и вступившим в схватку с бандитом, они-то выдавали меня за одного из Брауфордов!

Правда, мило? Этот чудак, обитавший на третьем этаже, этот дикарь, которого демонстрировали издали, это был Брауфорд, а Брауфорд — это был я! И благодаря мне, благодаря уверенности, которую внушало имя Брауфорда, банкиры ссужали им деньги, нотариусы убеждали своих клиентов давать им взаймы! Неплохая школа для новичка! Уверяю вас, этот урок не прошел для меня даром!

Он резко остановился, схватил меня за руку и сказал с раздражением, хотя в его голосе легко было уловить нотки иронии и восхищения:

— Дорогой друг, пока что Жервеза Эмбер осталась должна мне полторы тысячи франков!

На сей раз я не мог удержаться от смеха. Да, это был верх остроумия. Даже сам Люпен искренне развеселился.

— Да, дорогой мой, полторы тысячи франков! Я ведь не только не получил ни единого су из положенного мне жалованья, но еще и дал ей взаймы полторы тысячи! Все свои юношеские

накопления! А знаете для чего? Ни за что не догадаетесь... Для ее бедняков! Говорю вам как на духу! Якобы для ее несчастных, которым она помогала тайком от Людовика! И тут я прокололся. Смешно, правда? Арсена Люпена одурачили на полторы тысячи франков, причем одурачила дамочка, у которой он украл на четыре миллиона фальшивых ценных бумаг! И сколько ухищрений, усилий, гениальных хитростей мне потребовалось ради достижения этого великолепного результата!

Это первый и единственный раз в жизни, когда меня оставили в дураках. Да уж! Зато по-настоящему, первоклассно!..

Черная жемчужина

Резкий звонок разбудил консьержку дома № 9 по авеню Ош. Она дернула за шнурок, открывающий дверь, и проворчала:

— Я-то думала, что все уже вернулись. Сейчас, наверное, часа три, не меньше!

Ее муж пробурчал:

— Наверное, за доктором пришли.

И впрямь чей-то голос произнес:

— Доктор Арель… какой этаж?

— Четвертый налево. Но доктор по ночам не ходит к больным.

— Придется пойти.

Человек вошел в вестибюль, поднялся на один этаж, на второй и, даже не задержавшись на площадке четвертого, где жил доктор Арель, пошел прямо на шестой. Там он вытащил два ключа: один повернул в дверной скважине, вторым открыл английский замок.

— Чудесно, — прошептал он, — работа намного упрощается. Но прежде чем приступать, нужно обеспечить отступление. Посмотрим… Достаточно уже прошло времени, чтобы я успел позвонить

в квартиру доктора и меня оттуда выгнали? Еще нет… подождем немного.

Через десять минут он спустился вниз и постучал в окошко консьержки, браня доктора. Ему открыли, и он вышел на улицу, хлопнув дверью. Правда, эта дверь полностью не захлопнулась, человек быстро вставил в паз кусочек железа, чтобы язычок не мог войти туда до конца.

Так он вернулся, не замеченный консьержами. Если возникнет опасность, отступление ему обеспечено.

Он спокойно снова преодолел шесть этажей. В передней, светя себе фонариком, положил на стул пальто и шляпу, присел на другой и надел войлочные шлепанцы поверх своих ботинок.

— Уф, готово… И до чего просто! Не могу понять, почему не все выбирают такое прекрасное ремесло грабителя? Что может быть лучше при известной ловкости и смекалке? Спокойное ремесло, подходит отцу семейства… на редкость удобное… иногда даже надоедает.

Он разложил перед собой подробный план квартиры.

— Нужно сориентироваться. Здесь я вижу треугольник, это вестибюль, где я сейчас нахожусь. Со стороны улицы — гостиная, будуар, столовая.

Там не стоит терять время, похоже, у графини чудовищный вкус… Ни единой ценной безделушки!.. Итак, прямо к цели… Ага, здесь нарисован коридор, ведущий в спальни. Через три метра мне должна попасться дверь гардеробной, соединенной со спальней графини.

Он сложил план, погасил фонарик и направился в коридор, считая про себя:

— Метр… Два… Три метра… Вот дверь… Господи, как все точно! Простая задвижка, совсем маленькая, отделяет меня от спальни. Более того, я знаю, что эта задвижка находится на высоте одного метра сорока трех сантиметров от пола… И таким образом, если мы сделаем небольшие надрезы по краям, мы от нее избавимся…

Он достал из кармана нужные инструменты, но внезапно остановился, поскольку его осенила одна мысль.

— А вдруг эта задвижка случайно не закрыта? Нужно попытаться… Где наша не пропадала!

Он повернул ручку, и дверь открылась.

— Мой милый Люпен, удача явно на твоей стороне. Что тебе делать дальше? Ты знаешь топографию местности, где проводишь операцию, знаешь место, где графиня прячет черную жемчужину… Следовательно, чтобы завладеть ею, ты

должен попросту быть тише воды ниже травы.

Арсену Люпену потребовалось не меньше получаса, чтобы открыть вторую дверь — застекленную, ведущую в спальню. Но он проделал это с такими предосторожностями, что, даже если бы графиня не спала, ее не потревожил бы ни один подозрительный шорох.

В соответствии с указаниями плана он должен был обогнуть шезлонг и оказаться возле кресла, а затем подойти к столику возле кровати. На столике стоит коробка с почтовой бумагой, а в ней и спрятана черная жемчужина. Только и всего.

Люпен лег плашмя на ковер и пополз, огибая шезлонг. Но затем остановился, пытаясь унять сердцебиение. И хотя он не испытывал ни малейшего страха, все равно не мог пересилить что-то похожее на панику, которая иногда возникает в мертвой тишине. Его самого это удивило, ведь ему не раз случалось переживать и более серьезные минуты. Ему не грозила опасность. Так почему же сердце колотится как бешеное? Может быть, его так напугала эта спящая женщина, эта жизнь, оказавшаяся так близко от его собственной?

Люпен прислушался, и ему показалось, что он уловил ритм дыхания. Он успокоился, словно

почувствовал присутствие друга.

Поискал кресло, потом почти неслышно переместился к столику и вытянул правую руку, нащупывая его очертания. Рука уперлась в ножку стола.

Наконец-то! Оставалось лишь встать, забрать жемчужину и уйти. И как раз вовремя! Сердце снова запрыгало в груди, как загнанный зверь, и с таким грохотом, что ему показалось, оно непременно разбудит графиню.

Ему удалось унять его каким-то чудодейственным усилием воли, но в ту секунду, когда он пытался подняться, левая рука наткнулась на ковре на какой-то предмет, он сразу узнал — это опрокинутый на пол канделябр, и тут же подвернулось еще что-то — часы, небольшие дорожные часы, оправленные в кожаный футляр.

Что? Что тут произошло? Он не понимал. Этот канделябр… часы… Почему они не стоят на привычных местах? Но что же случилось в этой пугающей тьме? Он дотронулся до… Боже, до чего-то странного, невообразимого! Нет, не может быть! Страх сковал ему разум. Двадцать секунд, тридцать, он не мог пошевелиться от страха, на лбу выступил пот. А в пальцах сохранялось ощущение этого прикосновения.

Пересилив себя, он снова протянул руку. Снова дотронулся до какого-то странного, немыслимого предмета. Ощупал его. Заставил себя ощупать и осознать, что это за предмет. Это была копна волос, лицо… и оно было холодным, почти ледяным!

Какой бы ужасающей ни была реальность, люди, подобные Арсену Люпену, способны справиться с любой ситуацией, если понимают, что именно происходит. Он быстро включил фонарь. Перед ним лежала женщина, залитая кровью. Страшные раны обезобразили ее шею и плечи. Он наклонился и осмотрел ее. Она была мертва.

— Мертва, мертва! — повторял он в оцепенении.

Он вглядывался в ее глаза, устремленные в одну точку, в искаженный гримасой рот, мертвенно-бледную кожу и черные сгустки крови на ковре.

Привстав, он повернул выключатель, и комната наполнилась светом; тогда он смог увидеть следы отчаянной борьбы. Кровать была разворочена, одеяла и простыни сдернуты на пол. Там же валялся канделябр и часы, стрелки которых показывали одиннадцать двадцать, чуть дальше — перевернутый стул, и повсюду кровь, лужи крови.

— А где же черная жемчужина? — пробормотал он.

Коробка с почтовой бумагой стояла на месте. Он быстро открыл ее. В ней лежал футляр, но он был пуст.

— Черт возьми, — сказал он, обращаясь к самому себе, — ты слишком рано радовался, что тебе повезло, Арсен Люпен… Графиня убита, жемчужина пропала… Да, положение не из блестящих! Нужно убираться восвояси, иначе ты сильно рискуешь нарваться на крупные неприятности.

И все же он не шевелился.

— Бежать? Да, другой бы на моем месте сбежал. Но Арсен Люпен? Может быть, есть варианты получше? Хорошо, рассмотрим все по порядку. Во-первых, твоя совесть чиста… Предположим, что ты комиссар полиции и должен приступить к расследованию… Да, но для этого нужно, чтобы голова ясно работала. А моя сейчас плохо соображает, что к чему!

И он рухнул в кресло, подперев кулаками пылающий лоб.

Дело авеню Ош относится к разряду тех дел, которые возбуждали самое живое любопытство за последнее время, но я не стал бы рассказывать о нем, если бы участие Арсена Люпена не внесло

бы в него бóльшую ясность. О его роли мало кому известно. В любом случае никто до конца не осведомлен об удивительной подноготной этой истории.

Кто из гулявших в Булонском лесу не знал Леонтину Залти, бывшую певицу, супругу и вдову графа д'Андийо, знаменитую Залти, роскошь которой еще каких-нибудь двадцать лет назад ослепляла весь Париж? Залти, графиню д'Андийо, чьи бриллианты и жемчуг славились по всей Европе. Поговаривали, что ее декольте вмещает капиталы нескольких банкирских контор и золотых австралийских приисков. Самые известные ювелиры работали на Залти, как некогда — на королевский двор.

А кто не помнит о катастрофе, поглотившей все ее сокровища? Банковские конторы и золотые прииски — все поглотила бездна. И от чудесных драгоценностей, разошедшихся по аукционам, осталась только одна прославленная черная жемчужина. Черная жемчужина! Целое состояние, если бы графиня надумала с ней расстаться.

Но она не захотела. Она предпочла скорее ограничить себя во всем, жить в скромной квартире с компаньонкой, кухаркой и лакеем, чем продать бесценный камень. И за этим крылась причина,

которую графиня не боялась придать огласке: черная жемчужина была подарком императора! И почти полностью разорившаяся, обреченная на самое скромное существование, она оставалась верна свидетельнице своих лучших времен.

— Пока я жива, — говорила она, — я с ней не расстанусь.

С утра до вечера она носила ее на шее. На ночь прятала в тайник, известный ей одной.

Все эти факты, смакуемые прессой, подстегивали любопытство, и, что уж совсем странно, хотя легко объяснимо для тех, кто знает разгадку, именно арест предполагаемого убийцы еще больше запутал дело и накалил страсти. И действительно, на следующий день в газетах появилась следующая новость:

> Стало известно об аресте Виктора Данэгра, лакея графини д'Андийо. Против него выдвинуты неоспоримые обвинения. На люстриновом рукаве его ливреи, найденной начальником сыскной полиции господином Дюдуи в мансарде слуги между пружинной сеткой и матрасом, обнаружили следы крови. К тому же на ливрее отсутствует пуговица, обтянутая

материей. Но именно такая пуговица была извлечена из-под кровати жертвы во время обыска.

Вероятно, после ужина вместо того, чтобы подняться к себе в мансарду, Данэгр спрятался в гардеробной и через стеклянную дверь подсмотрел, куда графиня прячет жемчужину.

Следует добавить, что это остается лишь предположением, поскольку до сих пор не найдено никаких доказательств. К тому же существует еще одно непонятное обстоятельство. В семь часов утра Данэгр заходил в табачный магазин на бульваре де Курсель: это подтверждают консьержка и продавец. Но с другой стороны, и кухарка графини, и ее компаньонка, комнаты которых находятся в конце коридора, заявили, что в восемь утра, когда они встали, двери, ведущие в вестибюль и на кухню, были заперты на двойной оборот. Обе женщины, прослужившие графине два десятка лет, находятся вне подозрений. Тогда возникает вопрос, каким образом Данэгр мог выйти из квартиры. Имел ли он копию

ключа? Следствие должно прояснить эти моменты.

Но следствие абсолютно ничего не прояснило, скорее, напротив, запутало дело еще больше. Было установлено, что Виктор Данэгр был опасным рецидивистом, алкоголиком и дебоширом и легко мог схватиться за нож. Но по мере расследования тайна становилась еще более непроницаемой, а противоречия — еще более необъяснимыми.

Начать с того, что мадемуазель де Синклев, кузина и единственная наследница жертвы, заявила, что графиня раскрыла ей в одном из писем, написанном за месяц до смерти, потайное место, где она хранила жемчужину. На следующий день после того, как мадемуазель получила это письмо, она обнаружила, что оно исчезло. Кто его украл?

Консьержи рассказали, что открыли дверь какому-то человеку, который поднялся к доктору Арелю. Вызвали доктора. Но ночью к нему в квартиру никто не звонил. Кто же тогда этот человек? Сообщник?

Эта гипотеза о существовании сообщника была подхвачена прессой и публикой. Старый инспектор Ганимар поддерживал ее, и не без

оснований.

— В этом замешан Люпен, — говорил он следователю.

— Бросьте, — возражал тот, — вам повсюду мерещится один Люпен.

— Повсюду мерещится, потому что он действительно вездесущий.

— Скажите лучше, что он мерещится вам всякий раз, когда дело заходит в тупик. К тому же в данном конкретном случае заметьте следующее: преступление было совершено в одиннадцать часов двадцать минут вечера, как указывают часы, а ночной визит, о котором сообщили консьержи, произошел только в три часа ночи.

Правосудие часто отступает под тяжестью улик и подгоняет факты под первую выдвинутую версию. Темное прошлое Виктора Данэгра, рецидивиста, пьяницы и дебошира, оказало воздействие на следователя, и хотя не обнаружилось никаких новых доказательств, подтверждающих две или три первоначально обнаруженные улики, он остался непоколебим. И следствие было закрыто. Несколько недель спустя начались судебные слушания.

Они были путаные и неубедительные. Судья не выражал никаких эмоций. Доводы прокурора

выглядели довольно слабыми. В таких условиях адвокат Данэгра оказался в прекрасном положении. Он указал на все пробелы и несостыковки в обвинениях. Не существовало ни единой убедительной материальной улики. Кто сделал копию ключа, она должна существовать, ведь без него Данэгр, выйдя из квартиры, не смог бы запереть дверь на два оборота? Кто видел этот ключ и что с ним стало? Кто видел нож убийцы и что стало с ним?

— В любом случае, — заключил адвокат, — докажите, что убил мой клиент. Докажите, что кражу и убийство совершил не тот таинственный персонаж, который вошел в дом в три часа ночи. А часы показывали одиннадцать, возразите вы? И что с того? Стрелки можно перевести на любое нужное вам время.

Виктор Данэгр был оправдан.

Он вышел из тюрьмы в пятницу на исходе дня — похудевший, подавленный шестимесячным пребыванием в тюрьме. Следствие, одиночное заключение, судебные слушания, решение присяжных — все это наполнило его паническим страхом. По ночам его мучили чудовищные кошмары, постоянно снилась виселица. Он дрожал от лихорадки и ужаса.

Назвавшись Анатолем Дюфуром, он снял комнатушку на самой вершине Монмартра и жил, перебиваясь случайными разовыми заработками.

Жалкое существование! Трижды его брали на работу, и трижды хозяева, узнав, кто он, тут же его выгоняли.

Часто он замечал или ему так казалось, что за ним ведется слежка, что это полиция: он не сомневался, что его хотят заманить в ловушку, и уже предчувствовал, как твердая рука хватает его за шиворот.

Как-то вечером он ужинал в трактирчике недалеко от дома, когда напротив него сел какой-то человек лет сорока в черном сюртуке сомнительной свежести. Он заказал суп, овощи и литр вина.

Доев суп, он поднял глаза на Данэгра и долго смотрел на него.

Данэгр побледнел. Наверняка этот тип был из тех, кто следит за ним уже много недель подряд. Что ему нужно? Данэгр попытался встать. Но не смог. У него подкашивались ноги.

Человек налил вина себе и наполнил бокал Данэгра:

— Чокнемся, приятель?

Виктор пролепетал:

— Да… конечно… ваше здоровье, приятель.

— Ваше здоровье, Виктор Данэгр.

Тот подскочил:

— Я!.. Я!.. Нет, клянусь вам…

— В чем вы клянетесь? Что вы — это не вы? Не слуга графини?

— Какой слуга? Меня зовут Дюфур. Спросите хозяина.

— Ну да, для хозяина вы Анатоль Дюфур, но для правосудия Виктор Данэгр.

— Неправда! Неправда! Вас обманули.

Незнакомец достал из кармана карточку и протянул ее. Виктор прочел: «Гримодан, бывший инспектор сыскной полиции. Частный детектив». Он вздрогнул.

— Вы из полиции?

— Уже нет, но я любил это ремесло и продолжаю им заниматься… только получаю побольше. Время от времени всплывают такие вот дела — просто на вес золота… как ваше.

— Мое?

— Да, ваше. Уникальное дело, если вы пожелаете быть более сговорчивым.

— А если нет?

— Придется. Вы находитесь в таком положении,

когда не можете мне отказать.

Виктором Данэгром овладело дурное предчувствие. Он спросил:

— В чем дело? Я слушаю.

— Хорошо, — ответил тот, — давайте по существу. В двух словах — меня прислала к вам мадемуазель де Синклев.

— Синклев?

— Наследница графини д'Андийо.

— Зачем?

— Затем, что мадемуазель де Синклев поручила мне потребовать у вас черную жемчужину.

— Черную жемчужину?

— Которую вы украли.

— Я не крал.

— Неправда.

— Если я украл, значит я и убил.

— Вы и убили.

Данэгр натужно рассмеялся:

— К счастью, любезнейший, суд присяжных пришел к другому мнению. Все присяжные, слышите, все как один, признали меня невиновным. А когда совесть чиста и вы заслужили доверие двенадцати порядочных людей…

Бывший инспектор схватил его за руку:

— Не надо пышных слов, милейший. Вни-

мательно выслушайте меня и подумайте над моими словами, они того стоят. За три недели до убийства вы, Данэгр, украли у кухарки ключ от черного хода и заказали дубликат у слесаря Утара, дом 244 по улице Оберкампф.

— Вовсе нет, — проворчал Виктор, — никто этого ключа не видел, потому что его не существует.

— Вот он.

Выдержав паузу, Гримодан продолжил:

— Вы убили графиню складным ножом, который купили на рынке на площади Республики в тот же день, когда заказали ключ. Лезвие треугольной формы с бороздкой.

— Все это трепотня, вы говорите наобум. Никто не видел этого ножа.

— Вот он.

Виктор Данэгр отшатнулся. Бывший инспектор продолжил:

— На нем видны следы ржавчины. Я должен объяснять вам, откуда она взялась?

— И что с того? Вы раздобыли ключ и нож… А кто может доказать, что они мои?

— Прежде всего слесарь, а потом продавец, у которого вы купили нож. Я уже освежил их память. Когда они увидят вас, то непременно вспомнят.

Он говорил сухо и жестко, с убийственной

определенностью. Данэгр сжался от страха. Ни следователь, ни председатель суда присяжных, ни помощник генерального прокурора не вникали в дело так глубоко, не видели его так отчетливо, да он и сам уже многое забыл.

И все-таки он постарался напустить на себя безразличный вид:

— И это все ваши доказательства?

— Есть еще одно. Совершив преступление, вы ушли тем же путем. Но когда очутились в гардеробной, вас охватил страх и, чтобы не упасть, вам пришлось опереться о стену.

— Откуда вы знаете? — прошептал, заикаясь, Виктор. — Этого знать никто не может.

— Правосудие не может, потому что никому из этих господ не пришло в голову взять свечку и хорошенько осмотреть стены. Но если бы они потрудились, то увидели бы на белой штукатурке бледное красное пятнышко, правда достаточно четкое, чтобы обнаружить отпечаток вашего большого пальца, измазанного кровью, которым вы прикоснулись к стене. Надеюсь, вы не станете отрицать, что в антропометрии это один из главных способов идентификации.

Виктор Данэгр побледнел как полотно. Капли пота стекали по его лбу и падали на стол. Он

смотрел безумными глазами на этого странного человека, который описывал его преступление, словно присутствовал при нем, как невидимый свидетель.

Он опустил голову, бессильно признавая свое поражение. Уже много месяцев он сражался со всем миром. Но сейчас почувствовал, что против этого человека он не выстоит.

— Если я верну жемчужину, — пробормотал он, — сколько вы мне дадите?

— Ничего!

— Вы что, смеетесь? Я отдам вам вещь, которая стоит тысячи или даже сотни тысяч, и не получу ничего взамен?

— Почему же? Получите свою жизнь.

Несчастный содрогнулся. Гримодан добавил почти мягко:

— Послушайте, Данэгр, эта жемчужина для вас не имеет никакой цены. Вы не сможете ее продать. К чему ее хранить?

— Есть же скупщики… и когда-нибудь по любой цене…

— Когда-нибудь будет поздно.

— Почему?

— Да потому, что правосудие снова заинтересуется вами, и на сей раз, имея улики, которые я им

представлю: нож, ключ, отпечаток пальца, — вы пропали, дружище.

Виктор обхватил голову руками и задумался. Он чувствовал, что пропал, окончательно пропал, и одновременно на него навалилась огромная усталость, неистребимая потребность в отдыхе и покое.

Он прошептал:

— Когда она нужна вам?

— Сегодня. Даю не больше часа.

— Или?

— Или я отправлю государственному прокурору письмо мадемуазель де Синклев, в котором она разоблачает вас.

Данэгр налил себе и выпил залпом бокал вина, затем другой, потом сказал, поднимаясь:

— Заплатите по счету и пойдем… Хватит с меня этого гнусного дела.

Наступила ночь. Они шли по улице Лепик, потом по бульварам к площади Этуаль. Они шли молча, Виктор — сгорбившись, усталой походкой.

У парка Монсо он сказал:

— Я жил рядом…

— Черт возьми! Перед арестом вы выходили из дома только в табачный магазин.

— Это здесь, — произнес Данэгр глухим голосом.

Они прошли вдоль садовой решетки и пересекли улицу, на углу которой находился табачный магазинчик. Данэгр остановился в нескольких шагах от него. У него дрожали ноги. Он рухнул на скамейку.

— В чем дело? — спросил его спутник.

— Это здесь.

— Здесь? Что вы мне заливаете?

— Здесь, перед нами.

— Перед нами! Послушайте, Данэгр, не стоило…

— Повторяю, она здесь.

— Где?

— Спрятана между булыжниками.

— Какими?

— Ищите.

— Какими? — повторил Гримодан.

Виктор не ответил.

— Прекрасно, ты решил меня провести, дружище.

— Нет… Но я сдохну в нищете.

— Значит, ты все еще сомневаешься? Так и быть, поступлю по-царски. Сколько ты хочешь?

— Чтобы хватило на билет в Америку, пусть

даже на нижней палубе.

— Договорились.

— И сто франков на первые расходы.

— Получишь двести. Говори.

— Посчитайте булыжники вправо от водостока. Она между двенадцатым и тринадцатым.

— В сточной канавке?

— Да, за тротуаром.

Гримодан огляделся. Проезжали трамваи, проходили люди. Но, черт возьми, кому такое могло бы прийти в голову?..

Он раскрыл свой перочинный нож и воткнул его между двенадцатым и тринадцатым булыжником.

— А если ее там нет?

— Если никто не видел, как я нагнулся и засунул ее туда, то она должна быть там.

Неужели она могла лежать там? Черная жемчужина, брошенная в грязь, в сточной канавке, так что ее мог бы найти кто попало? Черная жемчужина… целое состояние!

— На какой глубине?

— Примерно десять сантиметров.

Он начал рыть влажный песок. Кончик ножа во что-то уперся. Он пальцами расширил ямку.

И увидел черную жемчужину.

— Держи, вот твои двести франков. Билет в Америку я пришлю.

На следующий день «Эко де Франс» опубликовала заметку, которую перепечатали газеты во всем мире:

> Со вчерашнего дня знаменитая черная жемчужина находится в руках Арсена Люпена, который забрал ее у убийцы графини д'Андийо. Скоро точные копии этой уникальной драгоценности будут выставлены в Лондоне, Санкт-Петербурге, Калькутте, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке.
>
> Арсен Люпен ждет предложений, которые пожелают сделать ему его корреспонденты.

— И вот выходит, что преступление всегда наказуемо, а добродетель вознаграждена, — заключил Арсен Люпен, посвятив меня во всю подноготную этого дела.

— И вот выходит, что вы были посланы провидением под именем бывшего инспектора сыскной полиции Гримодана, чтобы помешать преступнику насладиться плодами своего злодеяния.

— Именно так. И должен признаться, что это од-

но из тех приключений, которыми я больше всего горжусь. Сорок минут, проведенные в квартире графини после того, как я констатировал, что она мертва, были самыми удивительными и самыми насыщенными в моей жизни. Оказавшись в почти безвыходной ситуации, я за сорок минут сумел с помощью некоторых улик реконструировать преступление и пришел к выводу, что совершить его мог только слуга графини. И наконец, я понял, что смогу получить жемчужину, только если арестуют этого слугу (и я подбросил пуговицу его ливреи), но что доказательств его вины должно быть недостаточно (и я унес нож, брошенный на ковре, и ключ, оставленный в замочной скважине). Я закрыл дверь на два оборота и стер отпечатки пальцев со стены гардеробной. Мне кажется, это было озарением…

— Гениальности, — прервал его я.

— Гениальности, если хотите, и оно вряд ли посетило бы кого попало. За одну секунду решить два условия задачи — арест и оправдание, — воспользоваться машиной правосудия, чтобы сбить с толку моего подопечного, одурачить его, другими словами, довести его до такого состояния, чтобы, освободившись, он обязательно, непременно попал бы в довольно примитивную

ловушку, которую я ему расставил!

— Довольно примитивную? Самую что ни на есть примитивную! Ведь ему вообще не угрожала никакая опасность.

— Правильно, не угрожала! Всем известно, что оправдательный приговор не подлежит пересмотру.

— Бедняга!

— Бедняга… Виктор Данэгр! Вы забыли, что он убийца? Оставить ему черную жемчужину было бы верхом несправедливости. Он ведь остался в живых, этот Виктор Данэгр!

— А черная жемчужина осталась у вас!

Он вынул ее из потайного кармашка своего бумажника, внимательно и бережно оглядел, нежно погладил и вздохнул:

— Какой богач, какой безмозглый и спесивый раджа завладеет этим сокровищем? Какому американскому миллиардеру уготована эта крупица красоты и роскоши, украшавшая белоснежную шею Леонтины Залти, графини д’Андийо?

Херлок Шолмс явился слишком поздно

— Вельмон, ну до чего же вы похожи на Арсена Люпена!

— Вы разве с ним знакомы?

— Ну, как все на свете — по фотографиям, и, хотя он везде выглядит по-разному, создается общее впечатление, что, по сути, это одно лицо… Ваше…

Орас Вельмон, казалось, был уязвлен.

— Неужели, дорогой Деван? Вы, кстати, не первый, кто это замечает, уж поверьте мне!

— Причем настолько похожи, — продолжал Деван, — что если бы вы не были представлены мне моим кузеном д'Эстеваном как известный художник, чьими прекрасными морскими пейзажами я действительно восхищаюсь, то, боюсь, я известил бы полицию о вашем пребывании в Дьеппе.

Шутка была встречена общим смехом. Кроме Вельмона, в большой столовой замка Тибермениль находились деревенский кюре аббат Жели и дюжина офицеров — в окрестностях проходили

маневры их полков. Все они пришли сюда по приглашению Жоржа Девана и его матери. Один из них воскликнул:

— Но ведь настоящего Арсена Люпена видели на побережье после знаменитого происшествия в экспрессе Париж — Гавр, это правда?

— Именно так, это случилось три месяца назад, а через неделю после этого я познакомился в казино с нашим чудесным Вельмоном, который с тех пор удостоил меня несколькими визитами — приятная прелюдия к более основательному визиту, которым он почтит мой дом в ближайшие дни… или, скорее, в ближайшие ночи!

Снова раздался смех, и гости перешли в бывший гвардейский зал, просторную комнату с высоченными потолками, занимавшую все внутреннее пространство башни Гийом, где Жорж Деван разместил свои несравненные богатства, собранные поколениями владельцев замка Тибермениль. Сундуки и серванты, жирандоли и напольные светильники украшали ее. Каменные стены были задрапированы дивными гобеленами. Глубокие ниши четырех стрельчатой формы окон с витражами в свинцовой оправе были оснащены скамейками. Между дверью и левым окном возвышался монументальный книжный

шкаф в стиле ренессанс, на фронтоне которого золотыми буквами сияла надпись: «Тибермениль», а ниже — гордый фамильный девиз: «Делай что пожелаешь».

И поскольку настало время сигар, Деван продолжал:

— Только поспешите, Вельмон, осталась последняя ночь.

— И почему? — спросил художник, явно приняв это за шутку.

Деван хотел было ответить, но мать знаком остановила его. И все же возбуждение, царившее за ужином, желание заинтриговать гостей взяли верх.

— Ба, — прошептал он, — теперь я могу говорить. Болтунов можно не бояться.

Все расселись вокруг него, с трудом сдерживая любопытство, и он объявил с довольным видом, сознавая, что сообщает важную новость:

— Крупнейший английский сыщик Херлок Шолмс, для кого не существует загадок, кто способен разгадать все мыслимые тайны, необычайная личность, словно полностью созданная воображением писателя, так вот, этот самый Херлок Шолмс нанесет мне визит завтра в четыре часа дня.

Послышались восклицания. Херлок Шолмс в замке Тибермениль! Неужели это правда? Значит, Арсен Люпен действительно находится где-то в окрестностях?

— Да, Арсен Люпен со своей бандой неподалеку. Не считая дела Каорна, именно ему, нашему похитителю с национальной репутацией, остается приписать ограбления замков Монтиньи, Грюше, Красвиля? Сегодня очередь дошла до меня.

— И вас тоже предупредили, как раньше барона Каорна?

— Один и тот же трюк дважды не срабатывает.

— И как же тогда?

— Как же тогда?.. А вот как…

Он встал и указал на пустое пространство на полке книжного шкафа между двумя фолиантами:

— Здесь стоял том шестнадцатого века под названием «Летопись Тибермениля» — история замка с момента его строительства герцогом Роллоном на месте феодальной крепости. Внутри было три гравюры. Первая — общий вид владений с высоты птичьего полета, вторая — общий план строений, а третья — и тут я прошу вашего внимания — схема подземного хода, один выход из которого выводил на первую линию укрепле-

ний, а противоположный — сюда, в гвардейский зал, где мы сейчас находимся. Так вот, месяц назад эта книга исчезла.

— Черт возьми! — сказал Вельмон. — Это дурной знак. Но этого все-таки маловато, чтобы прибегнуть к вмешательству Херлока Шолмса.

— Согласен, этого было бы недостаточно, не случись второе происшествие, и оно придает значимость первому, о котором я вам рассказал. В Национальной библиотеке существовал второй экземпляр этой летописи, отличавшийся от моего издания деталями плана подземного хода, например расчетами поперечного сечения и масштабом, а также разными пояснениями, но не напечатанными, а написанными от руки чернилами и почти стершимися. Я знал об этих деталях, а также понимал, что окончательный план мог быть составлен только путем тщательнейшего сопоставления обоих чертежей. Однако на следующий день после пропажи моего экземпляра том, хранившийся в Национальной библиотеке, был затребован читателем и украден, причем так и не удалось установить, каким образом он был вынесен из здания библиотеки.

Эти слова были встречены громкими возгласами.

— На сей раз дело принимает серьезный оборот.

— Кроме того, — сказала Деван, — на сей раз полиция отреагировала и провела двойное расследование, которое, увы, не принесло никакого результата.

— Как и любое другое, где замешан Арсен Люпен.

— Именно так. И вот тогда мне пришла мысль пригласить Херлока Шолмса, а он ответил, что с большой радостью вступит в контакт с Арсеном Люпеном.

— Какая честь для Арсена Люпена! — сказал Вельмон. — Но если наш похититель с национальной репутацией, как вы его называете, не вынашивает планов касательно Тибермениля, то Херлоку Шолмсу придется уехать ни с чем?

— Нет, почему же? Он живо интересовался поисками подземного хода.

— Но вы же сказали, что один выход из подземелья ведет за пределы замка, а другой — прямо в этот зал!

— Да, но куда именно? В какое место в зале? Линия, изображающая подземный ход на картах, обычно заканчивается кружком, и рядом две заглавные буквы: Б. Г. Несомненно, это обозна-

чение башни Гийома. Но башня круглой формы, и кто может установить, из какой именно точки исходит эта линия?

Деван раскурил вторую сигару и налил себе бенедиктина. Гости наперебой принялись задавать вопросы. Он улыбался, явно довольный, что тема вызвала такой интерес. Наконец произнес:

— Секрет утерян. Никто на свете его не знает. Легенда гласит, что могущественные сеньоры передавали его от отца к сыну на смертном одре вплоть до седьмого термидора второго года[35], когда последнему в роду, девятнадцатилетнему Жоффруа, отрубили голову на эшафоте.

— Но ведь в течение века этот секрет искали?

— Искали, но тщетно. Когда я купил замок у сына внучатого племянника члена Конвента Лерибура, то тоже занялся раскопками. Зачем? Представьте себе, что эта башня, окруженная водой, соединяется с замком только посредством моста, таким образом, получается, что подземелье проходит под бывшими оборонительными рвами. В плане книги из Национальной библиотеки обозначен спуск из четырех лестниц, насчитывающих сорок восемь ступенек, ина-

---

[35] Notes: 35
25 июля 1794 г.

че говоря, можно предположить, что глубина достигает больше десяти метров. А масштаб, приведенный на другой карте, указывает расстояние в двести метров. В действительности секрет заключен где-то здесь — между полом, потолком и стенами. Но честное слово, признаюсь, мне не хочется их крушить.

— И никаких других подсказок?

— Никаких.

Аббат Жели возразил:

— Месье Деван, возможно, имеет смысл сослаться на две цитаты?

— О, — со смехом вскричал Деван, — наш месье кюре — большой знаток архивов, поклонник мемуаристики, все, имеющее отношение к замку Тибермениль, вызывает его глубокий интерес. Но объяснение, которое он имеет в виду, на самом деле еще больше все запутывает.

— И все-таки?

— Вы настаиваете?

— Решительно.

— Итак, в результате его штудий стало известно, что в эту тайну были посвящены два французских короля.

— Два короля!

— Генрих Четвертый и Людовик Шестнадца-

тый.

— Да, это не какие-то там первые встречные… А как же господин аббат узнал об этом?

— О, это очень просто! — продолжал Деван. — Накануне битвы при Арке[36] король Генрих Четвертый ужинал и ночевал в этом замке. В одиннадцать вечера герцог Эдгар привел к нему через подземный ход Луизу де Танкарвиль, первую красавицу Нормандии, раскрыв ради этого их семейный секрет. Позднее Генрих Четвертый выдал тайну своему министру Сюлли, а тот описал этот эпизод в своих мемуарах «Королевская экономика», снабдив таким малопонятным комментарием: «Топор повернется и воздух содрогнется, но распахнется крыло, и мы направимся прямо к Богу».

Все молчали, и Вельмон пошутил:

— Нельзя утверждать, что это ясно как день.

— Ведь правда? Господин кюре считает, что Сюлли приводит здесь разгадку, но так, чтобы не поняли писцы, которым он диктовал свои мемуары.

---

[36] Notes: 36

Битва при Арке — сражение, произошедшее 15–18 сентября 1589 г. между французской королевской армией Генриха IV и войсками Католической лиги под командованием Шарля Лотарингского во время Восьмой (и последней) религиозной войны во Франции.

— Очень остроумная гипотеза.

— Допускаю. Но что это за топор, который крутится, и крыло, которое распахивается?

— И что идет прямо к Богу?

— Это тайна!

Вельмон продолжал:

— А славный Людовик Шестнадцатый велел воспользоваться подземным ходом тоже ради свидания с дамой?

— Этого я не знаю. Могу лишь сказать, что в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году Людовик Шестнадцатый останавливался в Тибермениле и что в знаменитом железном шкафу, найденном в Лувре по доносу Гамена, обнаружили лист бумаги с такой надписью: «Тибермениль: два-шесть-двенадцать».

Орас Вельмон расхохотался:

— Победа! Мрак отступает. Дважды шесть равно двенадцати.

— Смейтесь, сколько душе угодно, месье, — сказал аббат, — но не исключено, что в этих цитатах заключена разгадка, и придет день, когда кто-то сумеет истолковать ее.

— Прежде всего Херлок Шолмс, — сказал Деван, — если только Арсен Люпен не сумеет опередить его. Что вы думаете, Вельмон?

Вельмон встал, положил руку на плечо Девана и заявил:

— Я думаю, что в дополнение к данным, почерпнутым в вашей книге и в томе библиотеки, нужно было еще одно очень важное указание, которое вы сейчас любезно мне предоставили. Я весьма признателен.

— Таким образом?..

— Таким образом, когда топор повернется, крыло распахнется, а дважды шесть составит двенадцать, мне останется лишь приступить к действиям.

— Не теряя ни минуты.

— Не теряя ни секунды! Ведь мне нужно сегодня же ночью до прибытия Херлока Шолмса успеть ограбить ваш замок.

— Да, тогда время поджимает. Хотите, я подвезу вас?

— До Дьеппа?

— До Дьеппа. В любом случае мне нужно встретить на вокзале месье и мадам д'Андроль и дочь их друзей, они прибывают поездом в полночь.

И, обращаясь к офицерам, Деван добавил:

— Впрочем, мы встречаемся здесь утром за завтраком, господа, не правда ли? Я очень рассчитываю на вас, поскольку в одиннадцать часов

ваши полки должны окружить замок и взять его штурмом.

Приглашение было принято, гости распрощались, и мгновения спустя автомобиль «Золотая звезда 20–30»[37] уносил Девана и Вельмона по направлению к Дьеппу. Деван высадил художника у казино и поехал на вокзал.

В полночь его друзья вышли из поезда. В половине первого автомобиль въехал в ворота Тибермениля. В час ночи после легкого ужина, поданного в зале, все разошлись по своим комнатам. Одна за другой гасли лампы. Глубокая ночная тишина окутала замок.

Но луна раздвинула скрывавшие ее тучи, заглянула в окна и наполнила гостиную белым светом. Это продолжалось лишь мгновенье. Она сразу же скрылась за линией холмов, и стало совсем темно. В полной темноте тишина казалась совсем глухой. Время от времени ее едва нарушал скрип мебели или шелест тростника в пруду, омывавшем зеленой водой стены старого замка.

Часы пересчитывали секунды, как бусины на четках. Пробило два часа. И снова торопливо и монотонно падали секунды в тяжелой ночной

---

[37] Notes: 37
Марка автомобиля, придуманная Морисом Лебланом.

тишине. Потом пробило три.

И внезапно что-то щелкнуло, словно сработал откидной диск сигнала на железной дороге. Тонкий луч света, как стрела, прорезал зал из конца в конец, оставляя после себя сверкающий след. Он исходил из центральной каннелюры[38] в колонне, на которую справа опирался фронтон книжного шкафа. Сначала луч замер, распластавшись ярким кругом на противоположной панели, потом прошелся из стороны в сторону, словно встревоженный взгляд, всматривающийся во тьму, потом почти растаял и вспыхнул снова, а тем временем целый отсек книжного шкафа стал поворачиваться вокруг своей оси, приоткрывая большой сводчатый проем.

Оттуда вышел человек с электрическим фонарем в руке. Следом за ним второй и третий, они несли мотки веревок и разные инструменты. Первый осмотрел комнату, прислушался и сказал:

— Зовите остальных.

Из подземелья вышло восемь крепких парней с энергичными лицами и начали выносить мебель.

Все шло быстро. Арсен Люпен переходил от

---

[38] Notes: 38

Каннелюры — вертикальные желобки на стволе колонны или пилястры.

одного предмета к другому, осматривал его и в зависимости от его размеров или художественной ценности либо не трогал, либо командовал:

— Выносите.

И предмет уносили в зияющую пасть тоннеля, отправляя в чрево земли.

Так исчезли шесть кресел и шесть стульев в стиле Людовика XV, гобелены Обюссона[39], канделябры работы Гутьера, два Фрагонара, один Натье, один бюст работы Гудона и несколько статуэток. Иногда Люпен останавливался возле какого-то сундука или восхитительного холста и вздыхал:

— Слишком тяжелый, слишком большой… какая жалость!

И продолжал свой отбор.

За сорок минут зал, как сказал Люпен, был «расчищен». И все это с соблюдением идеального порядка, бесшумно, словно предметы, попавшие в руки сообщников, были укутаны толстым слоем ваты.

Тогда он сказал, обращаясь к последнему, уно-

---

[39] Notes: 39

В 1665 г. во французском городе Обюссоне была открыта мануфактура по производству гобеленов (изготовленных вручную настенных ковров с вытканными картинами), предназначавшихся для интерьера королевских дворцов.

сившему стенные часы, подписанные Булем[40]:

— Больше не возвращайтесь. Как договорились, как только перенесете все в грузовик, гоните к амбару Рокфора.

— А вы, шеф?

— А мне оставьте мотоцикл.

Когда тот ушел, Люпен повернул на место отсек книжного шкафа, уничтожил все следы своего присутствия, стер отпечатки ног, а затем приподнял портьеру и вошел в галерею, соединявшую замок с башней. Посередине галереи стояла витрина, именно из-за нее Арсен Люпен продолжил свои поиски.

В ней хранились всякие чудесные поделки — уникальное собрание часов, табакерок, колец, ожерелий, миниатюры тончайшей работы. Он вскрыл замок клещами и испытал невероятное наслаждение, когда у него в руках оказались эти золотые и серебряные вещицы, произведения столь тонкого и изящного искусства.

Он повесил на шею большой холщовый мешок, специально приспособленный для столь удачной

---

[40] Notes: 40

Буль Андре-Шарль (1642–1732) — потомственный резчик по дереву и художник-гравер, создатель особого стиля в производстве мебели, именуемого «техника Буля». Его работы украшали интерьеры дворцов в Версале, Лувре, Шеверни и др.

находки, и наполнил его. То, что не поместилось, он рассовал по карманам пиджака, брюк и жилета. Он уже опустил левую руку на лежавшие горкой ридикюли, расшитые жемчугом, столь любимым предыдущими поколениями женщин и так почитаемым современными модницами, как вдруг до него донесся легкий шум.

Он прислушался: нет, он не ошибся, шум усилился.

И внезапно он вспомнил: в конце галереи есть внутренняя лестница, ведущая в пустовавшую квартиру, туда сегодня вечером должны были поселить девушку, которую Деван ездил встречать в Дьепп, она приехала с его друзьями.

Быстрым движением он выключил фонарь и едва успел спрятаться в нише окна, как на верхней площадке лестницы открылась дверь и галерея озарилась слабым светом.

Ему показалось, поскольку, спрятавшись за портьерой, он ничего не видел, что кто-то осторожно спустился на несколько ступенек. Он надеялся, что дальше этот человек не пойдет. Однако этот кто-то продолжал спускаться и сделал несколько шагов по галерее. Затем раздался крик. Наверное, заметили разбитую и почти опустошенную витрину.

По запаху духов он понял, что рядом женщина. Ее одежда почти коснулась портьеры, за которой он спрятался, и ему почудилось, что он слышит, как бьется ее сердце. Наверное, она угадала чужое присутствие у себя за спиной, в темноте, на расстоянии вытянутой руки… Он сказал себе: «Ей страшно… Она уйдет… Она не может не уйти…» Но она не уходила. Пламя свечи, дрожавшей в ее руке, перестало колебаться. Она обернулась, секунду помедлила, вслушиваясь в пугавшую ее тишину, потом резким движением отдернула портьеру.

Они посмотрели друг на друга.

Арсен прошептал в потрясении:

— Вы… Вы… мадемуазель.

Это была мисс Нелли.

Мисс Нелли! Пассажирка с трансатлантического лайнера, та, с которой они вместе предавались грезам во время этого незабываемого плавания, которая присутствовала при его аресте и вместо того, чтобы выдать его, великолепным жестом бросила в море фотоаппарат, где были спрятаны драгоценности и банковские купюры… Мисс Нелли! Милое, приветливое создание, чей образ так часто то печалил, то радовал его в долгие тюремные дни!

Поворот судьбы, столкнувший их в замке в столь поздний час, казался настолько невероятным, что они замерли в изумлении, не в силах вымолвить ни слова, словно загипнотизированные чудесным явлением друг друга.

От волнения она едва стояла на ногах и должна была сесть.

Он остался стоять перед ней. И постепенно, пока тянулись мгновения, показавшиеся ему бесконечными, он осознал, какое впечатление должен был производить на нее сейчас — руки, полные безделушек, раздутые карманы и набитый до краев мешок. Его охватило страшное смущение, он горел от стыда при мысли, что она застала его с поличным на месте грабежа. И что бы ни случилось, отныне для нее он навсегда останется вором, который запускает руку в чужие карманы, отпирает отмычкой двери и залезает тайком в дома.

Сначала на ковер упали одни часы, потом другие. И еще какие-то вещи стали выпадать у него из рук, а он не мог их удержать. Тогда, внезапно решившись, он бросил часть предметов на кресло, опорожнил карманы и стащил с шеи мешок.

Теперь он чувствовал себя перед ней увереннее, сделал к ней шаг, собираясь заговорить. Но

она отшатнулась, потом быстро встала, словно ее охватил страх, и бросилась в сторону зала. Она спряталась за портьеру, он подошел к ней. Она стояла, дрожа, не веря своим глазам, и с ужасом оглядывала огромную опустевшую комнату.

Он сказал ей:

— Завтра в три часа все будет стоять на своих местах… Мебель принесут обратно…

Она не отвечала, и он повторил:

— Завтра в три часа. Обещаю… Я сдержу свое слово, что бы ни случилось… Завтра в три…

Повисло долгое молчание. Он не осмеливался нарушить его, а эмоции, написанные на лице девушки, были для него мучительны. Тихо, не произнеся ни слова, он отошел.

И подумал: «Пусть она уйдет!.. Пусть чувствует себя свободной и уходит. Пусть меня не боится!..»

Но внезапно она вздрогнула и еле слышно прошептала:

— Слышите, шаги… Там кто-то ходит…

Он удивленно взглянул на нее. Она, казалось, была потрясена, словно ощущая приближение опасности.

— Я ничего не слышу, — ответил он, — и все-таки…

— Как не слышите? Нужно бежать… быстрее, бегите…

— Бежать? Но почему?

— Так надо… Надо… Нет, не стойте же…

В тот же миг она метнулась к двери в галерею и прислушалась. Нет, никого. А может быть, шум доносился снаружи?.. Она выждала мгновенье, потом вернулась успокоенная.

Арсен Люпен исчез.

Как только Деван обнаружил, что замок ограбили, он сразу же подумал, что это дело рук Вельмона, а Вельмон — это не кто иной, как Арсен Люпен. Тем самым все объяснялось, и другого объяснения быть не могло. И все же мысль эта лишь мелькнула у него в голове, настолько невероятным казалось, что Вельмон — вовсе не Вельмон, известный художник, хороший знакомый его кузена д'Эстевана. И когда явился тотчас уведомленный командир отделения жандармерии, Деван даже не стал излагать ему это абсурдное предположение.

Все утро в замке Тибермениль царила неописуемая суматоха. Жандармы, сельский полицейский, комиссар полиции из Дьеппа, жители деревни — все толкались в коридорах, в парке или слонялись вокруг замка. Стягивавшиеся для маневров во-

инские подразделения и выстрелы придавали происходящему особую живописность.

Первоначальный осмотр ничего не выявил. Окна целы, двери не взломаны, не оставалось сомнений, что мебель вынесли через потайной ход. Но на коврах не нашли отпечатков ног, никаких царапин на стенах.

Единственная неожиданность, которая прекрасно демонстрировала причудливое воображение Арсена Люпена: знаменитые летописи XVI века стояли на прежнем месте, а рядом — второй экземпляр, тот самый, украденный из Национальной библиотеки.

В одиннадцать явились офицеры. Деван радостно приветствовал их. И хотя он был сильно огорчен утратой таких сокровищ, но его несметное состояние позволяло перенести этот удар, не теряя присутствия духа. Спустились его друзья д'Андроль и Нелли.

Когда все были представлены друг другу, вдруг обратили внимание, что не хватает одного гостя — Ораса Вельмона. Неужели он не придет?

Его отсутствие вновь пробудило подозрения Жоржа Девана. Но Вельмон появился ровно в полдень. Деван воскликнул:

— А вот и вы! И даже вовремя!

— Разве я опоздал?

— Нет, но могли бы после столь бурной ночи! Вы, наверное, слышали новость?

— Какую новость?

— Вы ограбили замок!

— Бросьте!

— Я не шучу. Но сперва подайте руку мисс Андердаун, и пройдем к столу… Мадемуазель, позвольте…

Он замолчал, удивленный замешательством девушки. Потом неожиданно вспомнил:

— Ведь правда, вы путешествовали в обществе Арсена Люпена раньше… еще до его ареста… Вас удивило сходство, не так ли?

Она не ответила. Вельмон улыбался, стоя подле нее. Поклонился, она взяла его под руку. Он отвел ее на место и сел напротив.

Во время завтрака говорили только об Арсене Люпене, похищенной мебели, подземном ходе, Херлоке Шолмсе. И только в конце трапезы, когда перешли к другим темам, Вельмон включился в разговор. Он был то веселым, то серьезным, поражал то красноречием, то остроумием. И все это, казалось, только для того, чтобы произвести впечатление на девушку. Но она настолько ушла в себя, что, похоже, ничего не слышала.

Кофе подали на террасе, возвышавшейся над парадным двором и французским садом со стороны главного фасада. Посреди лужайки заиграл военный оркестр, и толпа крестьян и солдат растеклась по аллеям парка.

Внезапно Нелли вспомнила обещание Арсена Люпена: «Завтра в три часа все будет стоять на своих местах… Обещаю».

В три часа! А стрелки больших часов на правом крыле замка показывали два сорок. Она невольно все время поглядывала на них. А потом переводила взгляд на Вельмона, который спокойно покачивался в удобном кресле-качалке.

Два часа пятьдесят минут… Два часа пятьдесят пять… Нетерпеливое волнение охватило девушку. Неужели свершится чудо, свершится в точно назначенную минуту, когда замок, двор, окрестности полны людьми, и именно в это время следователь и республиканский прокурор ведут расследование?

И все же… все же Арсен Люпен так торжественно клялся! Будет так, как он обещал, подумала она, она уже была околдована исходившими от него волей, уверенностью, энергией. И это уже казалось ей не чудом, а естественным событием, которое должно было быть вполне в порядке

вещей.

На мгновенье их взгляды встретились. Она покраснела и отвернулась.

Три часа… раздался первый удар, второй, третий… Орас Вельмон вытащил часы, взглянул на циферблат башенных и положил свои обратно в кармашек.

Прошло несколько секунд. И тут толпа на лужайке расступилась, в воротах парка появилась повозка, запряженная парой лошадей, за ней вторая. Это были обозы, которые сопровождают перемещение войск и перевозят солдатские ранцы и ящики с офицерским багажом. Они остановились возле лестницы. С повозки соскочил каптенармус[41] и попросил позвать месье Девана.

Деван бегом спустился к нему. Он увидел, что под чехлами лежали аккуратно сложенные и тщательно завернутые принадлежащие ему предметы мебели, картины и произведения искусства.

В ответ на вопросы сержант показал приказ, полученный от дежурного старшины, который тот, в свою очередь, получил на построении.

---

[41] Notes: 41

Каптенармус — военнослужащий, обычно ведающий учетом, хранением и выдачей военного имущества.

Согласно этому приказу вторая рота четвертого полка должна обеспечить доставку движимого имущества, складированного на дорожном узле Аллё в Аркском лесу, и к трем часам пополудни передать его в распоряжение господина Жоржа Девана, владельца замка Тибермениль. Подпись: полковник Бовель.

— На дорожном узле, — пояснил сержант, — все было уже готово, разложено на траве и охранялось прохожими. Мне это показалось странным, но приказ есть приказ!

Один из офицеров взглянул на подпись: она была искусно скопирована, но поддельная.

Музыка замолчала, фургоны выгрузили, мебель водрузили на место.

Среди всей этой суматохи Нелли осталась стоять одна на краю террасы. Она выглядела крайне озабоченной, ее волновали какие-то непонятные мысли, которые она даже не пыталась сформулировать. Внезапно она заметила, что к ней приближается Вельмон. Она хотела было уклониться от встречи, но оказалась зажата с обеих сторон соединявшейся под углом балюстрадой террасы, а стоящие в ряд кадки с апельсиновыми деревцами, олеандром и бамбуком оставляли ей единственный отходной путь, по которому

уже шел молодой человек. Она не шелохнулась. На ее золотых волосах дрожал солнечный луч, проникавший сквозь хрупкие листочки бамбука. Кто-то сказал шепотом:

— Я сдержал слово, данное ночью.

Арсен Люпен стоял рядом с ней, а вокруг не было ни души.

Он неуверенно и робко повторил:

— Я сдержал слово, данное ночью.

Он ждал хотя бы одного похвального слова, хотя бы жеста, подтверждающего ее интерес к его поступку. Она молчала.

Ее презрение разозлило Люпена, но в то же время он ощущал, какая пропасть разделяет их теперь, когда Нелли знает всю правду. Ему хотелось оправдаться, найти какие-то доводы, показать ей, что его жизни не чужды великие дела и отвага. Но он даже не успел произнести эти слова, как уже почувствовал их неуместность, абсурдность и дерзость любых объяснений. Тогда, охваченный воспоминаниями, он грустно прошептал:

— Как далеко от нас прошлое! Помните наши долгие часы на палубе «Прованс»? Да, как сейчас вижу, у вас в руке роза, такая же бледная, как эта… Я попросил вас подарить ее мне… Я думал, вы не

услышали… И все же после вашего ухода я нашел розу, скорее всего забытую вами… Я храню ее…

Она по-прежнему молчала. Казалось, она витает в мыслях где-то очень далеко от него. Он продолжал:

— В память о тех часах, прошу вас, забудьте то, что вы узнали. Пусть сомкнутся прошлое и настоящее! Пусть я буду не тот, кого вы видели этой ночью, а другой, из былых времен, и пусть ваши глаза взглянут на меня, ну хотя бы на секунду, с тем же выражением, что и тогда… Прошу вас… Неужели я уже не тот?

Она подняла глаза, как он просил, и взглянула на него. Потом молча дотронулась рукой до кольца, которое было надето у него на указательном пальце ободком наружу. Камень в оправе — изумительный рубин — был повернут внутрь и не виден.

Арсен Люпен покраснел. Это было кольцо Жоржа Девана.

Он горько улыбнулся:

— Вы правы. Что есть, того не изменить. Арсен Люпен был и остается Арсеном Люпеном, и нас не могут связывать даже воспоминания. Простите меня… Я должен был понять, что одно мое присутствие оскорбляет вас…

И он скользнул к балюстраде, держа шляпу в руке. Нелли прошла мимо. Ему безумно хотелось удержать ее, молить о снисхождении. Но не хватило смелости, он проводил ее взглядом, как в тот далекий день, когда она шла по трапу в порту Нью-Йорка. Она поднялась по ступеням, ведущим в замок. Еще мгновенье ее изящный силуэт вырисовывался на мраморных стенах вестибюля. Больше он ее не видел.

Туча заслонила солнце. Арсен Люпен смотрел, не двигаясь, на крохотные следы, оставшиеся на песке. Внезапно он вздрогнул: на кадке с бамбуком, возле которой стояла Нелли, лежала роза — бледная роза, которую он не посмел у нее попросить. И эту тоже она, наверное, забыла? Но забыла нарочно или по рассеянности?

Он порывисто схватил ее. Лепестки опали. Он поднял их один за другим как реликвии…

«Хорошо, — подумал он, — больше нам здесь делать нечего. Подумаем об отступлении. Тем более если в дело вмешается Херлок Шолмс, оно может принять дурной оборот».

Парк опустел. Но у входа, возле павильона, стояла группа жандармов. Он скрылся в кустарнике, перелез через крепостную стену и двинулся по тропинке, вьющейся среди лугов, — самому

короткому пути на вокзал. Не прошло и десяти минут, как тропинка выпрямилась и потянулась между откосами, и едва он углубился в этот узкий проход, появился человек, двигавшийся ему навстречу.

На вид ему было лет пятьдесят, довольно крупный, гладко выбритый, покрой костюма выдавал в нем иностранца. В руке он держал тяжелую трость, а на плече висела кожаная сумка.

Они встретились. Мужчина спросил с едва уловимым английским акцентом:

— Простите, месье, я правильно иду в замок?

— Прямо, месье, а когда дойдете до стены, то налево. Вас там с нетерпением ждут.

— Правда?

— Да, мой друг Деван еще вчера вечером сообщил о вашем приезде.

— Тем хуже для месье Девана, если он наговорил лишнего.

— Счастлив, что могу приветствовать вас первым. У Херлока Шолмса нет более восторженного почитателя, чем я.

В его голосе прозвучала едва заметная ироническая нотка, о которой он тут же пожалел, поскольку Херлок Шолмс так пронизывающе и оценивающе оглядел его с головы до ног, что Ар-

сену Люпену показалось — одним этим взглядом его схватили, лишили свободы, зафиксировали так точно и обстоятельно, как не под силу ни одному фотоаппарату.

«Снимок готов, — подумал он, — с этим типом нет смысла притворяться. Разве что… интересно, он меня узнал?»

Они раскланялись. Но зазвучали новые шаги, вернее, стальное бряцание лошадиных сбруй, это гарцевали жандармы. Оба путника должны были прижаться к высокой траве откоса, чтобы их не задели. Жандармы проехали, но, поскольку они шли один за другим и растянулись на некоторое расстояние, двигалась эта кавалькада довольно долго. И Люпен подумал: «Все зависит от того, узнал ли он меня. Если да, то вполне вероятно, что он воспользуется этим шансом. Проблема серьезная».

Когда последний всадник проехал мимо, Херлок Шолмс поднялся и молча стал отряхивать пыль с одежды. Ремень сумки зацепился за колючий кустарник. Арсен Люпен ринулся помогать. Еще секунду они рассматривали друг друга. О, если бы кто-нибудь мог видеть их в эту минуту, наблюдать волнующую сцену первой встречи этих двоих — столь непохожих, владеющих

столь мощным оружием, столь незаурядных, но обреченных благодаря своим исключительным способностям враждовать между собой — подобно двум равным силам, противопоставленным одна другой самим мироустройством.

Потом англичанин сказал:

— Благодарю вас, месье.

— К вашим услугам, — ответил Люпен.

И они разошлись. Люпен направился на вокзал, а Херлок Шолмс — в замок.

После бесплодных поисков следователь и прокурор удалились, и Херлока Шолмса ждали с любопытством, оправданным его высокой репутацией. Его вид добропорядочного буржуа несколько разочаровал, поскольку сильно отличался от образа, созданного в воображении. В нем не было ничего от героя романа, загадочного и демонического персонажа, который соседствует в нашем сознании с представлением о Херлоке Шолмсе. Однако Деван возбужденно воскликнул:

— Наконец, мэтр! Какое счастье! Я так давно надеялся… Я почти счастлив случившимся, ибо этим я обязан удовольствию видеть вас. Кстати, а как вы добрались сюда?

— Поездом.

— Какая досада! Я ведь послал мой автомобиль

прямо к платформе.

— Официальный визит, не так ли? С барабанным боем и литаврами! Изумительная возможность облегчить мою задачу, — проворчал англичанин.

Его не слишком одобрительный тон обескуражил Девана, и, пытаясь перевести все в шутку, он продолжал:

— К счастью, ваша задача намного легче, чем я предполагал.

— Почему же?

— Потому что этой ночью произошла кража.

— Месье, если бы вы так громогласно не объявили бы о моем визите, то кража ночью, возможно бы, и не произошла.

— Но когда же?

— Завтра или чуть позже.

— И тогда бы?

— Люпен угодил бы в ловушку.

— А моя мебель?

— Не была бы украдена.

— Но моя мебель здесь.

— Здесь?

— Ее вернули в три часа.

— Кто, Люпен?

— Нет, два военных обоза.

Херлок Шолмс яростно нахлобучил шляпу и застегнул сумку, но Деван, насмерть перепугавшись, закричал:

— Что вы делаете?

— Уезжаю.

— Но почему?

— Мебель на месте, Арсен Люпен далеко. Моя роль сыграна.

— Но мне совершенно необходима ваша помощь, месье. То, что случилось вчера, может повториться завтра, ибо мы не знаем главного — каким образом Арсен Люпен вошел и вышел отсюда и почему несколько часов спустя он вернул все назад.

— А, так вы не знаете?

Мысль о неразгаданной тайне смягчила Херлока Шолмса.

— Ладно. Будем искать. Но быстро и, насколько возможно, вдвоем.

Последняя фраза ясно подразумевала присутствующих. Деван понял и отвел англичанина в зал. Сухо, короткими, казалось, заранее подготовленными фразами, ни одного лишнего слова, Шолмс стал расспрашивать его о прошлом вечере, о каждом госте, о завсегдатаях замка. Затем он осмотрел оба тома летописи, сравнил планы

подземелья, попросил повторить цитаты, найденные аббатом Жели, и задал вопрос:

— Об этих цитатах вы впервые рассказали только вчера вечером?

— Да.

— Вы никогда не приводили их месье Орасу Вельмону?

— Никогда.

— Хорошо. Вызывайте ваш автомобиль. Я уезжаю через час.

— Через час!

— Но Арсену Люпену не потребовалось больше времени, чтобы решить поставленную вами задачу.

— Поставленною мною…

— Ну да, Арсен Люпен и Вельмон — это одно лицо.

— Я ведь подозревал… Вот негодяй!

— Но однако, вчера в десять вечера вы предоставили Люпену недостающие ему сведения, которые он давно искал. И за одну ночь Люпен сумел решить загадку, собрать свою банду и обчистить вас. Я намереваюсь оказаться не менее расторопным.

В раздумье он прошелся по комнате из конца в конец, потом сел, скрестил длинные ноги и

закрыл глаза.

Деван ждал в некотором смущении.

«Он спит или размышляет?»

На всякий случай он вышел, чтобы отдать распоряжения слугам. Когда он вернулся, то нашел Шолмса ползающим на коленях перед лестницей в галерее и изучающим ковер.

— Что случилось?

— Взгляните… вот здесь… следы свечного воска…

— И впрямь… И совсем свежие…

— И такие же следы можно найти на верхней площадке лестницы, а еще возле витрины: Арсен Люпен ее разбил, вынул оттуда безделушки и разложил затем на этом кресле.

— И вы заключаете?..

— Ничего. Все эти факты могли бы, без сомнения, объяснить, почему он вернул украденное. Но этой стороной вопроса мне некогда заниматься. Главное — план подземелья.

— Вы все еще надеетесь…

— Я не надеюсь, я знаю. Ведь в двухстах или трехстах метрах от замка стоит часовня?

— Да, развалины часовни, в ней усыпальница герцога Роллона.

— Скажите своему шоферу, пусть ждет нас воз-

ле этой часовни.

— Он еще не вернулся… Мне доложат… Но, как я понимаю, вы предполагаете, что подземный ход ведет к часовне? Но что дает вам основания…

Херлок Шолмс прервал его:

— Я попрошу вас, месье, снабдить меня приставной лестницей и фонарем.

— А, вам нужны фонарь и приставная лестница?

— Совершенно верно, поскольку именно об этом я вас прошу.

Деван, несколько сбитый с толку такой железной логикой, позвонил. Ему принесли требуемое.

Распоряжения следовали одно за другим с точностью и строгостью военных приказов.

— Приставьте лестницу к книжному шкафу, слева от слова «Тибермениль»…

Деван водрузил лестницу, англичанин продолжал:

— Левее, направо… Стоп! Поднимитесь… Хорошо… Все буквы этого слова выпуклые, правда?

— Да.

— Займемся буквой «Н»[42]. Она поворачивается

---

[42] Notes: 42

Здесь и далее имеются в виду латинские буквы в слове «Thibermesnil», написанном на фронтоне книжного шкафа.

в какую-нибудь сторону?

Деван вцепился в букву «H» и воскликнул:

— Да, поворачивается! Направо на четверть оборота! Но кто сказал вам об этом?..

Не отвечая, Херлок Шолмс продолжил:

— А можете с того места, где стоите, дотянуться до буквы «R»? Да… Подвигайте ее несколько раз, как будто это щеколда, которую выдвигают и задвигают.

Деван подергал букву «R». К его великому удивлению, раздался щелчок.

— Отлично, — сказал Херлок Шолмс, — теперь остается переставить лестницу в другой конец, то есть к концу слова «Тибермениль»… Хорошо… А теперь, если я не ошибаюсь и все пойдет, как до́лжно, буква «L» приоткроется, как окошко.

Именно так «L» и открылась, но Деван свалился с лестницы, потому что весь отсек шкафа с надписью «Тибермениль» повернулся вокруг своей оси, открыв отверстие подземелья.

Херлок Шолмс флегматично произнес:

— Вы не ушиблись?

— Нет, что вы, — сказал Деван, вставая, — я не ушибся, я потрясен, признаюсь вам… Эти движущиеся буквы… Это разверстое подземелье…

— Чем вы потрясены? Ведь это точно подтвер-

ждает цитату Сюлли?

— Каким образом, господи?

— Черт побери! «H» повернется, «R» содрогнется, а «L» распахнется[43]. Именно это позволило Генриху Четвертому принимать здесь в неурочный час мадемуазель де Танкарвиль.

— Ну а Людовик Шестнадцатый? — спросил сбитый с толку Деван.

— Людовик Шестнадцатый владел мастерством кузнеца и замочника. Я читал «Трактат о замках с секретом», который приписывают его перу. Показав своему властелину этот шедевр механики, Тибермениль одновременно продемонстрировал ему свои верноподданнические чувства. Для памяти король записал: два-шесть-двенадцать, то есть «H»-«R»-«L» — вторая, шестая и двенадцатая буквы слова.

— А, прекрасно! Я начинаю понимать… Только…Если теперь мне ясно, как можно выйти из этого зала, остается неясным, как Люпен смог в него попасть. Ведь, обратите внимание, он пришел снаружи.

---

[43] Notes: 43

Все построено на игре слов. По-французски «топор» — hache [аш] произносится точно так же, как название буквы «H» [аш]; «воздух» — air [эр] звучит аналогично названию буквы «R» [эр]; «крыло» — aile [эль] — фонетически соответствует названию буквы «L» [эль].

Херлок Шолмс зажег фонарь и сделал несколько шагов по подземному ходу.

— Смотрите, весь механизм представлен здесь наглядно, как в часах, только буквы здесь видны с изнанки. Иначе говоря, Люпену оставалось только проделать то же, что проделали мы, но с оборотной стороны.

— Как это можно доказать?

— Как доказать? Видите лужицу масла? Люпен предвидел, что механизм потребует смазки, — сказал Херлок Шолмс с неподдельным восхищением в голосе.

— Значит, он знал, где находится другой выход?

— Да, как и я. Следуйте за мной.

— В подземелье?

— Вы боитесь?

— Нет, но вы уверены, что найдете дорогу?

— С закрытыми глазами.

Они спустились сперва на двенадцать ступенек, потом еще на двенадцать. Углубились в длинный коридор, кирпичные стены которого хранили совсем старые и относительно свежие следы ремонта, кое-где просачивалась вода. Земля была влажной.

— Мы идем под озером, — заметил Деван, по-

прежнему нервничая.

Коридор привел к лестнице из двенадцати ступенек, за ней шли еще три пролета по двенадцать ступеней, которые они с трудом преодолели и наконец оказались в нише, выдолбленной прямо в скале. Дальше пути не было.

— Черт возьми, — прошептал Херлок Шолмс, — сплошь голые стены. Мне это не нравится.

— Лучше вернуться, — прошептал Деван, — я не вижу никакой необходимости в дальнейшем. Я вполне удовлетворен.

Но, подняв голову, англичанин облегченно вздохнул: у них над головами висел точно такой же механизм, как при входе в зал. Ему оставалось осуществить те же манипуляции с тремя буквами. Гранитная глыба сдвинулась. С обратной стороны она служила надгробной плитой герцогу Роллону, и на ней рельефными буквами было высечено слово «Тибермениль». Теперь они стояли в развалинах часовни, о которой говорил англичанин.

— «И мы идем прямо к Богу», то есть в часовню, — заявил он, приведя конец цитаты.

— Но неужели возможно, — вскричал Деван, потрясенный прозорливостью и живостью ума Херлока Шолмса, — неужели возможно, что вам

хватило такой небольшой подсказки?

— Нет, — ответил англичанин, — мне она была совсем не нужна. На экземпляре Национальной библиотеки линия слева, как вы знаете, заканчивается кружком, а справа, что вам неизвестно, крестиком, но настолько стершимся, что увидеть его можно только через увеличительное стекло. Очевидно, что этот крестик и означает часовню, в которой мы находимся.

Бедняга Деван не верил своим ушам.

— Неслыханно, волшебно и так по-детски просто. Почему же никто никогда не разгадал эту тайну?

— Потому что никто никогда не соединял три или четыре необходимых элемента, то есть две книги и цитаты… Никто, кроме Арсена Люпена и меня.

— Но ведь и я, и аббат Жели, — возразил Деван, — мы тоже знали не меньше вашего, но, однако…

Шолмс улыбнулся:

— Месье Деван, не все люди наделены способностью разгадывать тайны.

— Но я-то пытаюсь вот уже десять лет. А вы — всего за десять минут…

— Ну, это только привычка…

Они вышли из часовни, и англичанин воскликнул:

— Смотрите, вон стоит автомобиль!

— Но это мой!

— Ваш? А мне казалось, что ваш шофер еще не возвращался.

— И впрямь… Интересно…

Они подошли к машине, и Деван обратился к шоферу:

— Эдуар, кто велел вам ждать здесь?

— Месье Вельмон, — ответил тот.

— Месье Вельмон? Вы его встретили?

— Да, возле вокзала. Он велел мне ехать к часовне.

— Ехать к часовне? Но зачем?

— Чтобы ждать там месье Девана и его друга.

Деван и Херлок Шолмс переглянулись. Деван сказал:

— Он понял, что разгадать эту тайну будет для вас легче легкого. Как изящно он выразил свое почтение вам.

Довольная улыбка тронула тонкие губы сыщика. Он любил, когда ему оказывали почтение. И произнес, покачав головой:

— Да, стоящий человек. Впрочем, я сразу это заключил, едва увидев его.

— Вы его видели?

— Мы с ним только что столкнулись.

— И вы знали, что это Орас Вельмон, то есть, хочу сказать, Арсен Люпен?

— Нет, но сразу же догадался… по проскользнувшей у него иронии.

— И вы дали ему скрыться?

— Пожалуй… Хотя у меня был явный перевес — мимо проезжали пять жандармов.

— Черт возьми, вам представился такой случай!

— Вот именно, месье, — заявил англичанин высокомерно, — когда речь идет о таком противнике, как Арсен Люпен, Херлок Шолмс не пользуется случаем… Он сам его создает…

Но время поджимало, и, поскольку Люпен так любезно послал автомобиль, нужно было незамедлительно воспользоваться этим случаем. Деван и Херлок Шолмс уселись на заднем сиденье роскошного лимузина. Эдуар привел в действие мотор, покрутив заводную ручку, и автомобиль тронулся с места. Мимо проносились поля, рощицы. Пологие холмы спрямлялись у них на глазах. Внезапно взгляд Девана привлек небольшой пакет в ящике для перчаток.

— Смотри-ка, что это? Пакет! Кому он адресо-

ван? Вам!

— Мне?

— Вот написано: «Месье Херлоку Шолмсу от Арсена Люпена».

Англичанин схватил пакет, развязал бечевку, развернул два листочка бумаги, в которые было завернуто содержимое. Это были часы.

— О, — воскликнул он, сопровождая восклицание жестом досады.

— Часы, — сказал Деван, — это, случайно…

Англичанин не ответил.

— Как! Это ваши часы! Арсен Люпен посылает вам ваши часы! Но если он их посылает, значит он их и забрал у вас… Он забрал ваши часы! Потрясающе! Часы Херлока Шолмса, украденные Арсеном Люпеном! Господи, как забавно! Нет, честное слово… Простите, я больше не могу!

И он расхохотался, не в силах сдерживаться. А когда вдоволь насмеялся, подтвердил с полной убежденностью:

— Да, стоящий человек, в самом деле!

Англичанин не шелохнулся. До самого Дьеппа он больше не произнес ни слова, устремив взор на убегавший горизонт. Его молчание было зловещим, непроницаемым, страшнее самого яростного гнева. Заговорил он уже на платформе,

но, правда, на сей раз в его голосе уже не слышалось злобы, а чувствовались присущие ему воля и энергия:

— Да, этого человека я охотно похлопал бы по плечу вот этой рукой, которой пожимаю вашу, месье Деван. И знаете, мне кажется, что в один прекрасный день Арсен Люпен и Херлок Шолмс встретятся снова… Да, мир ведь не так велик, чтобы они не смогли встретиться… и тогда…